
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR

34.

814
6moe.

Археологическія раскопки въ Бахчисараѣ.

(Кореспонденція «Новаго Времени»).

Случайно отрытый два года назадъ древній мусульманскій мавзолей въ окрестностяхъ Бахчисарая въ урочищѣ Канлы или Ханлы-Дере (т. е. ханская долина) заставилъ обратить вниманіе на эту мѣстность и приступлено было къ правильнымъ археологическимъ раскопкамъ, начавшимся въ текущемъ октябрѣ. Прежде всего приступлено было къ снятію верхушки небольшого кургана. Снявъ насыпь аршина на два, наткнулись на куполъ подземнаго мавзолея и открыли надкупольноеотверстіе(тшпикъ);отверстіе это было довольно широкое. Наблюдающій за работами спустился въ склепъ (кашане). Въ склепѣ—полный хаосъ скелетовъ и разбросаны камни; внутри склепа къ южной стѣнкѣ задѣланъ выступъ шириною въ 1 аршинъ и длиною въ $3^{1}/_{2}$ арш. и замазанъ известковымъ цементомъ, которымъ заштукатурена вся внутренность склепа. Съ восточной стороны склепъ имѣетъ погребальный входъ «бабъ», который забитъ булыжникомъ. Между человѣческими костями находятся бараньи челюсти, лошадиные зубы и ср. костяки нечеловѣческаго скелета, а на выступѣ лежитъ превратившаяся въ труху деревянная лопатка. Глубина склепа $5^{1}/_{2}$ аршинъ. Несмотря на герметичность склепа, внутри была масса сверчковъ и три чернаго цвѣта паука, а также коконъ паука величиною съ голубиное яйцо.

Но не прошло и недѣли, какъ 18-го октября сдѣлано было болѣе важное археологическое открытіе. Недалеко отъ перваго мавзолея открытъ другой, значительно большій. Когда главный руководитель археологическихъ изысканій вошелъ въ этотъ склепъ и освѣтилъ его свѣчами, то оказалось, что въ этомъ высокомъ подземномъ зданіи находится 13 деревянныхъ гробовъ, покрытыхъ повидимому нѣкогда богатою парчею. Собственно, это не гробы, а ящикоподобныя покрышки, подъ которыми на цементированномъ полу лежатъ костяки. Подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, ворвавшагося въ это жилище смерти, парча стала быстро разсыпаться; тѣмъ не менѣе, на одномъ изъ покрововъ можно было съ ясностью прочесть и съ точностью скопировать надпись на арабскомъ языкѣ, гласящую: «Керым Гир...». Здѣсь предполагаютъ, что это быть можетъ гробница извѣстнаго хана Керымъ, или, какъ у насъ принято говорить, Крымъ-Гирея. Посреди склепа стоитъ массивный желѣзный четырехножникъ, вѣроятно, служившій жаровней для воскуренія ароматныхъ травъ при погребеніи. По распоряженію г. Иваненко, входъ въ этотъ мавзолей опять задѣланъ до пріѣзда компетентныхъ лицъ, въ цѣляхъ опредѣленія историческаго значенія открытаго мавзолея.

Нельзя еще не отмѣтить, что на одной изъ скалъ урочища Ханлы-Дере замѣчена грубо высѣченное изображеніе руки съ указательнымъ пальцемъ, обращеннымъ въ сторону открытыхъ мавзолеевъ и съ татарской надписью: «сюда». Однако, полагаютъ, что указаніе это относится не къ мавзолеямъ, но имѣетъ какое-нибудь другое значеніе. *18 Окт. 1899 г.*

ВЪ РУССКОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ состоялось 16-го октября, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова, засѣданіе Русскаго отдѣленія общества. Послѣ доклада секретаремъ текущихъ дѣлъ, А. К. Марковъ сдѣлалъ сообщеніе о кладѣ, найденномъ въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Л. И. Бродскаго. Кладъ былъ обнаруженъ каменщикомъ при кладкѣ фундамента; въ немъ заключалось до 20 золотыхъ монетъ, два золотыхъ кольца, одинъ золотой браслетъ и двѣ золотыхъ гривны, а также двѣ ручки отъ глиняной амфоры и желѣзный замокъ. Шестнадцать монетъ и обѣ гривны поступили въ настоящее время въ Императорскій Эрмитажъ. Всѣ монеты, за исключеніемъ одной арабской, принадлежатъ византійскимъ императорамъ времени 973—1059 гг., и никакой рѣдкости изъ себя не представляютъ. Но весьма интересна находка золотыхъ гривенъ, такъ какъ до сихъ поръ еще онѣ не попадались, хотя, впрочемъ, существованіе ихъ засвидѣтельствовано однимъ мѣстомъ лѣтописи и о нихъ упоминалъ А. А. Куникъ въ своемъ изслѣдованіи: «О русскихъ и византійскихъ монетахъ». Въ преніяхъ приняли участіе: А. А. Спицынъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и С. Ѳ. Платоновъ, указавшій, что, золотыя гривны были найдены на Волыни. Затѣмъ А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе «О майданахъ въ южной Россіи». Майданомъ называется небольшой круглый валъ съ однимъ или нѣсколькими входами, окруженными двумя или болѣе симетрично расположенными боковыми валами. Майданы находятся въ Россіи въ басейнѣ Днѣпра по его среднему и нижнему теченію, и, насколько извѣстно, кромѣ Россіи нигдѣ не встрѣчаются. Въ преніяхъ приняли участіе: кн. П. А. Путятинъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольди и А. В. Комаровъ, высказавшій интересное предположеніе, не представляютъ ли эти южно-русскіе майданы остатки рудниковъ для добыванія какихъ-либо минеральныхъ солей; на это, кромѣ ихъ устройства, указываетъ до нѣкоторой степени ихъ названіе, представляющее, быть можетъ, искаженно персидское «мадана», что значитъ заво для добычи минераловъ. Послѣ этого А Спицынъ сдѣлалъ два краткихъ сообщ одно о находкахъ въ курганѣ, раскопа студ. Грековымъ въ Царицынскомъ близъ сл. Гусевки; другое—о хра въ Московской Оружейной пала Ярослава Всеволодовича, найден 1808 году во Владимірской губ., въ ковѣ. *„Нов. Вр." 99 г., 22 Окт.*

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА,

ИЗДАВАЕМЫЯ

графомъ И. ТОЛСТЫМЪ и Н. КОНДАКОВЫМЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КЛАССИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Съ 145-ю рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1889.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 февраля 1889 года.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 99.

Въ теченіи двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ много племенъ и народностей жило и основалось на памяти исторіи въ предѣлахъ нашего отечества. И чѣмъ разнороднѣе былъ самый племенной составъ, чѣмъ продолжительнѣе время претворенія его въ одно государство съ единымъ народомъ, тѣмъ обильнѣе былъ вкладъ въ общую сокровищницу русской древности. Въ нее вносилъ свою лепту и огреченный скиѳъ, и корсунскій мастеръ, и генуэзскій торговецъ въ Крыму, и нѣмчинъ въ Москвѣ. Эту сокровищницу наполняли и арабскіе караваны, везшіе товаръ Волжскимъ Болгарамъ и языческой Руси, и набѣги Руссовъ на Византію, и домовитое хозяйство великихъ собирателей земли Русской.

Краснорѣчивыми свидѣтелями двухъ тысячелѣтій являются тысячи тысячъ кургановъ, которыми усѣяна Русская земля, и многочисленные памятники русской старины и искусства въ древлехранилищахъ, храмахъ и церковныхъ ризницахъ. Деревянныя церкви отдаленнаго Сѣвера, монументальные памятники Крыма и Грузіи, храмы Кіева и Новгорода и сорокъ-сороковъ церквей Московскихъ, Ростовскихъ и Владимірскихъ, съ ихъ оригинальною и разнообраз-

ною архитектурою, ихъ стѣнописью, рѣзьбою и поливными изразцами, выработали русскій стиль.

Древности Россіи представляютъ единое цѣлое потому, что въ нихъ исторически сложилось народное искусство, которое, не достигая личнаго творчества, живетъ преданіемъ, и связывая разноплеменныя формы быта земледѣльческаго и кочеваго, городскаго и сельскаго, одно раскрываетъ передъ нами общую непрестанную преемственность. Народное искусство живетъ усвоеніемъ и переработкою художественнаго стиля, котораго происхожденіе прослѣживается до его источниковъ.

Искусство греческихъ колоній береговъ Чернаго моря распространялось до Кіева, но слилось у варварскихъ народностей южной Россіи съ ихъ собственнымъ искусствомъ, идущимъ изъ Персіи. Торговля предметами художественнаго производства съ Восточною Имперіею началась задолго до варяжскихъ набѣговъ и русскихъ договоровъ, а глухая Пермь получала изъ сассанидской Персіи свои драгоцѣнныя серебряныя блюда. Но, кромѣ торговыхъ сношеній съ Византіею и Персіею черезъ Кавказъ, существовалъ широкій путь, въ собственномъ смыслѣ народный, по которому формы восточной культуры передвигались сами собою на западъ, путь народовъ изъ глубины Средней Азіи и Сибири на берега Дуная. Московская земля никогда не утрачивала художественныхъ связей съ Византіею и азіатскимъ Востокомъ, которыя еще въ эпоху господства Готѳовъ на Днѣпрѣ дали оригиналы искусству ранняго европейскаго средневѣковья, а въ домонгольское время способствовали древней Руси въ достиженіи высокой культуры.

Наслѣдіе многихъ вѣковъ, усвоенное русскимъ народомъ, стало его художественнымъ преданіемъ и послѣдовательно образовало древнерусское искусство. Русское искусство было и осталось искусствомъ народнымъ, сложившись въ оригинальный историческій типъ, закрѣпленный народнымъ орнаментомъ, и остается до нынѣ

жизненнымъ, во множествѣ мѣстныхъ художественныхъ производствъ, сложившихся еще въ древности.

Представить историческое образованіе и развитіе древнерусскаго искусства, въ точныхъ снимкахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины,—такова основная задача настоящаго изданія; необходимымъ дополненіемъ снимковъ служитъ пояснительный текстъ.

Изданіе предположено въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ представляемаго нынѣ образца.

1. Видъ Керчи съ Юга.

Задолго до начала мореплаванія у Грековъ, Финикіяне ходили уже по Черному морю до той дальней восточной «земли», куда ихъ, какъ позднѣе Грековъ, привлекала молва о тамошнихъ золотыхъ розсыпяхъ и о богатствѣ далекихъ, баснословныхъ странъ. Кромѣ золота, купцы вывозили изъ своихъ странствій по этому дальнему морю серебро, свинецъ, олово, необходимое имъ для приготовленія бронзы, янтарь (съ Днѣпра) и рыбу. Древніе писатели говорятъ о плаваніяхъ по Черному морю и Карійцевъ, являвшихся то союзниками, то соперниками Финикіянъ.

Развитіе мореходства у греческихъ народностей, указываемое миѳомъ объ Аргонавтахъ, заставило Финикіянъ уступить Грекамъ рынки Эгейскаго моря и, потому, прекратить экспедиціи въ Черное море.

Съ VIII-го вѣка до Р. Хр. начинается по его берегамъ колонизаторская дѣятельность Грековъ: по причинамъ экономическимъ и политическимъ и изъ коммерческихъ разсчетовъ, берега Италіи, Сициліи, Эгейскаго моря, Пропонтиды и даже «негостепріимнаго» Понта покрылись многочисленными колоніями.

Главная роль въ колонизаціи береговъ Понта, назвавшагося, несмотря на его бурность, «Эвксиномъ», т. е. гостепріимнымъ, принадлежала Милетцамъ. Мореходцы ихъ, идя по пути, указанному уже Финикіянами и Карійцами, завели въ началѣ VIII-го вѣка торговыя сношенія съ разноплеменными народами, заселявшими побережья Чернаго моря. Въ VII и VI вѣкѣ являются уже на берегахъ Понта Милетскія колоніи: на южномъ берегу — Синопъ, изъ многочисленныхъ колоній котораго выдается Трапезунтъ, — на восточномъ — Фазисъ, Діоскурія, — на сѣверномъ — Пантикапея (ставшая, въ свою очередь, «матерью всѣхъ Милетскихъ городовъ этой страны», по выраженію Аммiана), Нимфея, Ѳеодосія, Ольвія.

Кромѣ Милетскихъ, были на Понтѣ и дорическія колоніи: Гераклія Понтійская, основанная въ 540 г. Мегарцами, и выселокъ ея Херсонесъ Таврическій.

Противъ Милетской колоніи Пантикапеи Теосцы (Іоняне), тѣснимые Персами, построили на Таманскомъ полуостровѣ Фанагорію, впослѣдствіи тѣсно связанную въ политическихъ судьбахъ со своей сосѣдкой.

Изъ Милетскихъ колоній сѣвернаго берега Понта Эвксинскаго особенно выгодное географическое положеніе занимали Ольвія и Пантикапея. Первая, основанная въ 645 году, на берегу Буга (около нынѣшнаго села Ильинскаго или Порутина) была рынкомъ для всей хлѣбной торговли окрестныхъ варварскихъ племенъ: Алазоновъ, Каллипидовъ и Скиѳовъ-пахарей, а близость Днѣпра, воднаго пути къ берегамъ Балтійскаго моря, способствовала сношеніямъ съ жителями Сѣвера. Вторая, стоя на проливѣ «Босфоръ Киммерійскій», соединяющемъ Понтъ съ «матерью» его, по выраженію Геродота (IV, 86), Меотидою (нынѣ Азовское море), держала въ своихъ рукахъ всю хлѣбную и рыбную торговлю восточной половины Скиѳіи, а Танаисъ (Донъ) и Волга представляли удобный путь для привоза продуктовъ дальнихъ сѣверныхъ и восточныхъ странъ.

Быть можетъ, вслѣдствіе столь выгоднаго положенія, Ольвія и Пантикапея и достигли такой высокой степени процвѣтанія и могущества, о которыхъ свидѣтельствуютъ многочисленные памятники. На сторонѣ Пантикапеи было даже преимущество: тогда какъ Ольвія въ лучшія времена своего существованія была не болѣе, какъ большимъ, цвѣтущимъ торговымъ городомъ, Пантикапея изъ старшаго члена союза греческихъ городовъ, отчасти ея собственныхъ колоній, лежавшихъ по берегамъ Киммерійскаго Босфора, стала столицею царства, простиравшагося въ эпоху высшаго своего могущества отъ Таврическихъ горъ до рѣки Танаиса и горъ Кавказа. Царство это на европейскомъ берегу владѣло Ѳеодосіей, Киммеріемъ (нынѣ гора Опукъ), Китеей, Акрой (къ югу отъ Такиль-Буруна), Нимфеей, Тиритакой, Діей, Пантикапеей (Керчь), Мирмикіемъ (Новый Карантинъ), Парѳеніемъ и Гераклеей. Для защиты отъ Скиѳовъ, полуостровъ перегороженъ былъ валами; теперь сохранилось три такихъ вала: одинъ, начинаясь не вдалекѣ отъ Пантикапеи, идетъ къ Азовскому морю, — другой тянется отъ озера Узун'ларскаго до Казатинскаго залива Азовскаго моря, третій отъ Арабата до Ѳеодосійскихъ горъ. Объ одномъ изъ нихъ говоритъ Геродотъ (IV, 3), что дѣти рабовъ вырыли ровъ отъ горъ до Меотиды; онъ-же упоминаетъ (IV, 12) о какихъ-то «Киммерійскихъ стѣнахъ».

Восточная часть царства, нынѣшній Таманскій полуостровъ, представлялъ группу острововъ между рукавами Гипаниса (Кубани). Здѣсь находились города: Фанагорія (около ст. Сѣнной), Кипы (т. е. Сады), Гермонасса, Патреонъ (у Куку-Оба), Корокондама (Тамань), Киммеріонъ, Ахиллеонъ, Апатуронъ. Нѣсколько южнѣе на берегу Понта лежала «гавань Синдовъ» и Горгиппія.

Древнѣйшими обитателями Босфора были Киммеріяне. О господствѣ ихъ прямо говорятъ Геродотъ (IV, 11) и Страбонъ (VII, 4, 3; XI, 2, 5). Ихъ вытѣснили Скиѳы, занявшіе земли къ западу отъ Меотиды. Но въ Таврическихъ горахъ осталось нескиѳское (Гер. IV, 99, 100, 119) племя Тавровъ.

Это были западные сосѣди Босфоритянъ.

Восточный берегъ Меотиды до Кавказскихъ горъ занимали Сарматскія племена, нѣкоторыя имена которыхъ извѣстны намъ по надписямъ (Маиты, Ѳотеи, Синды, Досхи) и по сказаніямъ путешественниковъ. Строя свои города на земляхъ этихъ варварскихъ племенъ, Греки становились первоначально въ зависимость отъ нихъ или платили имъ дань за нанимаемую землю. Самое имя Пантикапеи, хотя Греки и производили въ послѣдствіи его отъ своего бога Пана, несомнѣнно — варварское: Геродотъ въ числѣ рѣкъ, впадающихъ въ Меотиду, упоминаетъ Пантикапъ (IV, 11). Съ одной стороны, Грекамъ приходилось бороться съ этими племенами, съ другой, благодаря неизбѣжному смѣшенію съ Греками, варвары принимали греческій языкъ и культуру и превращались, такимъ образомъ, въ полу-грековъ: такъ, Гелланикъ называетъ Меотовъ Миксэллинами.

2. Видъ Керчи отъ Соляной пристани съ Ю. В.

Основаніе Пантикапеи относятъ къ 511 году до Р. Х., т. е. къ промежутку между походомъ Дарія на Скиѳовъ и разрушеніемъ Милета Персами. Мы не знаемъ, была ли колонія эта основана городомъ, или частными лицами, или, наконецъ, она выросла постепенно изъ торговой факторіи. Но извѣстно, что уже въ началѣ V-го вѣка она стояла во главѣ союза босфорскихъ греческихъ городовъ, носившаго общее имя Босфора.

Съ 480 по 438 г. въ Пантикапеѣ властвовалъ родъ Археанактидовъ — или тиранны, или выборные сановники. Въ 438 г. нѣкто Спартокъ, можетъ быть, князекъ одного изъ варварскихъ племенъ, соединилъ подъ своею властью оба берега Босфора и положилъ, такимъ образомъ, начало Босфорскому царству. Но родъ Спартокидовъ называлъ себя царями только варварскихъ народцевъ, въ греческихъ же городахъ они довольствовались званіемъ архонтовъ, такъ что устройство этихъ городовъ оставалось республиканскимъ.

*

Цари этой династіи расширяли границы своего царства, входили въ постоянныя сношенія съ Аѳинянами. Такъ, при Спартокѣ II, въ 410 г. Нимфея, бывшая во власти Аѳинянъ, вошла, благодаря предательству Гелона, дѣда по матери оратора Демосѳена, въ составъ Босфорскаго царства; Левконъ I (393 — 353 г.) взялъ Ѳеодосію, при осадѣ которой погибъ его отецъ Сатиръ I (407 — 393 г.). Левконъ велъ постоянныя дружественныя сношенія съ Греціей: онъ посылалъ Аѳинамъ ежегодно хлѣбъ во время неурожаевъ, давалъ большія льготы Аѳинскимъ купцамъ, за что Аѳиняне дали ему званіе аѳинскаго гражданина. Такой-же политики держались и преемники его. Перисадъ I (348 – 311 г.) раздвинулъ еще далѣе предѣлы своего царства.

3. Золотая монета (статиръ) Пантикапеи IV вѣка до Р. Х., съ головою Пана и Грифономъ, идущимъ по колосу.

По смерти Перисада между сыновьями его происходили междоусобія, довольно подробно излагаемыя Діодоромъ; поссорившіеся братья опирались на варварскія союзныя войска, скиѳскія и сарматскія. Побѣдителемъ вышелъ Евмелъ (309 — 304 г.), истребившій родственниковъ и сторонниковъ своихъ братьевъ; но, достигнувъ престола, онъ старался снискать расположеніе своихъ подданныхъ возстановленіемъ нѣкоторыхъ ихъ республиканскихъ правъ, покоряя окрестныя варварскія племена, истребляя морскихъ разбойниковъ. Преемникъ его Спартокъ IV (304 — 289 г.) поддерживалъ дружественныя сношенія своего дѣда Перисада I съ Аѳинами, какъ видно изъ псефизма въ честь его, хранящагося въ Аѳинахъ; онъ даровалъ имъ право безпошлиннаго торга и преимущества и на морѣ, и на сушѣ.

При этихъ царяхъ Босфоръ достигъ высшей степени своего процвѣтанія: онъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Аѳинами, зависѣвшими отъ него въ хлѣбной торговлѣ; греческое вліяніе сильно проникало въ босфорскіе полуварварскіе города; аѳинскіе ораторы, напр. Демосѳенъ и Исократъ, расточали похвалы осфорскимъ царямъ; граждане жаловали ихъ вѣнками, почетными званіями, ставили имъ статуи. Долго держалась у Грековъ память о нихъ: Страбонъ (около Р. Х.) говоритъ (VII, 4, 4 по пер. Мищенка): «Всѣ эти правители назывались тираннами, хотя большая часть ихъ, начиная отъ Перисада и Левкона, были достойныя личности. Первый признанъ даже богомъ».

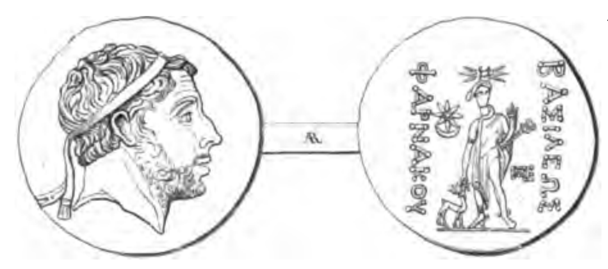
Въ это время царство подвергалось сильному варварскому вліянію; къ этому періоду относится разсказъ Поліена (Stratag. VI, 9, 1) о царѣ Левконѣ (можетъ быть III-мъ около 200 г.), перечеканившемъ съ большою выгодою для себя монету, и Лукіана «Токсарисъ» (поздній разсказъ), изъ котораго видно огромное значеніе варварскихъ племенъ. Въ концѣ втораго вѣка до Р. Х. царство пришло въ такой упадокъ, что, говоря словами Страбона (VII, 4, 4), «послѣдній тиранъ, который носилъ то-же имя Перисада (III-й, 118 –115 г.), будучи не въ состояніи бороться съ врагами, требовавшими большей, чѣмъ прежде, дани, уступилъ власть Митридату Евпатору», завоевавшему уже около этого времени Колхиду и прославившемуся побѣдами надъ варварами. Онъ обложилъ Босфоръ данью, хлѣбомъ и серебромъ. Митридату пришлось выдержать упорную борьбу съ варварами, Ски-

ѳами и Роксоланами. Первыхъ разбилъ на льду Босфорскаго пролива полководецъ его Неоптолемъ, а вторыхъ—Діофантъ въ 94 г. Но греческіе города съ неудовольствіемъ переносили новаго властителя: во время войны его съ Суллою (86 — 84 г.) они возстали, но были усмирены и подчинены сыну Митридата Махаресу, который, однако, самъ возмутился, когда Лукуллъ и Помпей стали тѣснить Митридата. Послѣдній, потерявъ свои малоазійскія владѣнія, явился въ Босфоръ и выгналъ Махареса; Фанагорія, Херсонесъ и нѣкоторые другіе города снова возмутились. Митридатъ сталъ усмирять ихъ при помощи Скиѳовъ и Сарматовъ, но его собственное войско съ сыномъ Фарнакомъ во главѣ возстало; Митридатъ затворился въ Пантикапейскомъ акрополѣ; онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ 64 г. до Р. Х. Царствомъ, съ согласія Помпея, завладѣлъ Фарнакъ, но, при попыткѣ вернуть себѣ Понтъ, былъ выгнанъ изъ Малой Азіи Цезаремъ и бѣжалъ въ Босфоръ, гдѣ погибъ отъ руки своего полководца Асандра въ 47 г. до Р. Х.

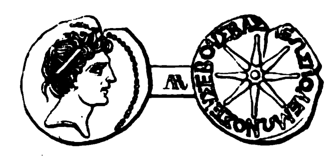
4. Серебряная монета (тетрадрахма) Митридата Евпатора. На лиц. ст. портретное изображеніе царя, на об. въ плющевомъ вѣнкѣ — полумѣсяцъ со звѣздой (гербъ Ахеменидовъ), пасущійся олень, монограмма и надпись: «Царя Митридата Евпатора».

Тотъ-же Асандръ лишилъ престола Митридата, сына Менодата, поставленнаго Цезаремъ босфорскимъ царемъ. Асандръ, для упроченія своего положенія, женился на Динамеѣ, дочери Фарнака; Римляне, вѣроятно еще Цезарь, дозволили ему именоваться царемъ, ранѣе же онъ называлъ себя, какъ показываютъ монеты, архонтомъ. Этотъ правитель поднялъ силы Босфорскаго царства: онъ завладѣлъ землями до самаго Танаиса; для защиты отъ скиѳскихъ набѣговъ, возобновилъ древній валъ длиною въ 360 стадій и укрѣпилъ его стѣною съ башнями; онъ-же былъ послѣднимъ правителемъ Босфора, носившимъ титулъ архонта; послѣ него этотъ послѣдній слѣдъ республиканскихъ вольностей, равно какъ и городская монета, болѣе уже не встрѣчаются. Онъ умеръ, будто-бы, уморивъ себя голодомъ, въ 14 году до Р. Х., при появленіи самозванца Скрибонія, выдававшаго себя за внука Митридата, и покровительствуемаго Римлянами, на сторону котораго перешло и войско. Скрибоній женился на его вдовѣ; онъ былъ убитъ Босфоритянами, когда тѣ услыхали о походѣ на него Полемона, понтійскаго царя, ставленника Римлянъ. Босфоритяне оказали сопротивленіе и Полемону, но были разбиты и имъ, и римскимъ полководцемъ Маркомъ Агриппой. Полемонъ женился, въ свою очередь, на Динамеѣ, чтобы пріобрѣсти права на Босфоръ, данный въ его

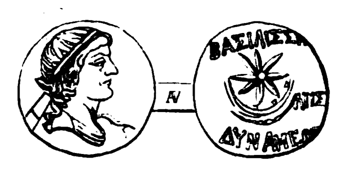

5. Серебряная монета (тетрадрахма) Фарнака. На лиц. ст. портретное изображеніе царя; на об. изображеніе Гермеса или Діониса съ ланью, по бокамъ монограмма и гербъ Ахеменидовъ.

управленіе Августомъ, а по смерти ея — на внучкѣ Антонія. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ государей своего времени, владѣя бо́льшею частью Понтійскаго царства, Босфоромъ и Колхидой; велъ побѣдоносныя войны съ варварами, тѣснившими Босфорскія владѣнія, взялъ и разрушилъ городъ Танаисъ, пытавшійся отложиться. Потомъ онъ, въ 1-мъ или 2-мъ году до Р. Х., попалъ въ плѣнъ къ Сарматскому роду Аспургіанъ, которые послѣ этого овладѣли Фанагоріей. Вождь ихъ, завоевавъ азіатскую часть Босфора, овладѣлъ и европейской и положилъ, такимъ образомъ, начало новой сарматской династіи босфорскихъ царей, носившихъ по большей части имена Савроматовъ и Рескупорисовъ. Владычество этой династіи длилось до 337 года по Р. Х.

6. Серебряная монета (драхма) царя Полемона. На лиц. ст. портретное изображеніе царя, на об. звѣзда и надпись.

7. Золотая монета (статиръ) царицы Динамеи. На лиц. ст. портретное изображеніе царицы; на об. — гербъ Ахеменидовъ и надпись.

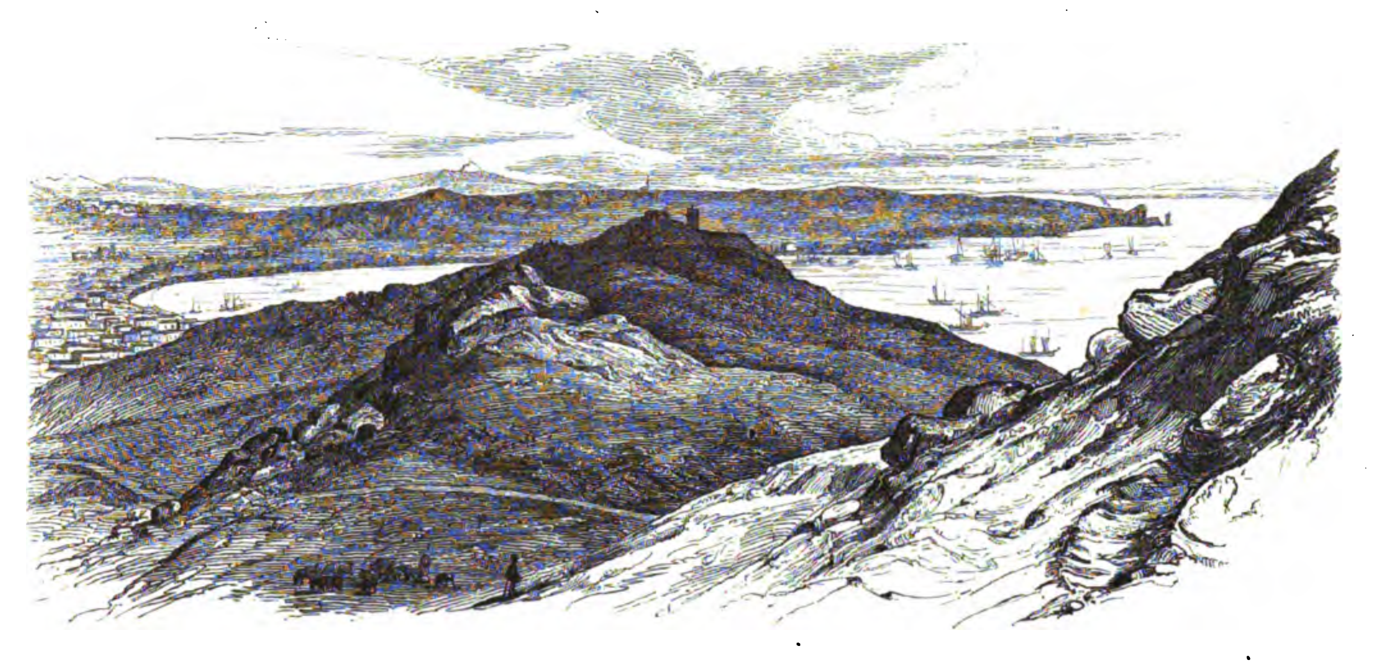
Эта аспургіанская династія положила конецъ греческому и понтійскому періоду исторіи Босфора. Во второмъ періодѣ мы видимъ сильное вліяніе Малой Азіи, продолжавшееся и при Сарматахъ.

Рядомъ съ понтійскимъ вліяніемъ шло римское. Послѣдніе цари, опираясь на Римлянъ, всѣми способами выказывали имъ свою покорность: на монетахъ съ одной стороны выбивали портретъ римскаго императора, цари называли себя «дружественными Риму» (филоромеями), принимали имена римскихъ императоровъ: такъ, Полемонъ звался Маркомъ Антоніемъ.

8. Видъ Керченской бухты съ С. В.

Страбонъ даетъ намъ краткое описаніе самого города Пантикапеи: «Пантикапея — не что иное, какъ холмъ, со всѣхъ сторонъ заселенный; онъ имѣетъ въ окружности 20 стадій (около 3-хъ верстъ). На восточной сторонѣ его лежитъ гавань и пристань почти для тридцати кораблей; онъ имѣетъ акрополь» (VII, 4, 4). Холмъ этотъ, прозванный Митридатовой горой, есть окончаніе цѣпи холмовъ, перерѣзывающихъ сѣверный край полуострова. Акрополь занималъ юго-западную часть холма; онъ имѣлъ форму неправильнаго многоугольника и былъ укрѣпленъ

9. Видъ «Митридатовой» горы съ Ю. З.

рвами и стѣной изъ большихъ плитъ мѣстнаго известняка. Къ востоку отъ акрополя въ море входилъ молъ длиною около 160 саженъ, но, вѣроятно, въ древности гавань была больше, нежели теперь, и занимала часть низменной, илистой равнины, лежащей къ сѣверу отъ холма.

На акрополѣ стояли, вѣроятно, храмы божествъ, почитаемыхъ въ городѣ. Статуя Кибелы найдена была при раскопкахъ у подошвы холма; о почитаніи ея прямо говорятъ и надписи, о почитаніи Деметры говоритъ надпись времени Спартока IV (304 — 289); найденъ и обломокъ мраморнаго алтаря съ изображеніемъ процессіи во время ея мистерій. Кромѣ этихъ богинь, надписи и монеты указываютъ и на другія божества, чтимыя въ Босфорскомъ царствѣ. О почитаніи Аполлона свидѣтельствуютъ и надписи, и монеты. На монетахъ онъ является, обыкновенно, какъ Аполлонъ-цѣлитель, на культъ котораго указываютъ многія надписи; жрецомъ бога былъ Левконъ II около 240 г. Въ этомъ типѣ Аполлонъ смѣшивался съ Асклепіемъ, изображаемымъ на монетахъ, и о храмѣ котораго въ Пантикапеѣ говоритъ Эратосѳенъ (у Страбона II, 1, 16).

Артемида была отождествляема Греками съ какою-то богиней-дѣвой Тавровъ (Геродотъ IV, 103; Страбонъ VII, 4, 2). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого культа мы видимъ столь частыя изображенія Артемиды на монетахъ Херсонеса и Пантикапеи; надпись временъ Перисада I (348 — 311 г.) говоритъ о постановкѣ статуи Артемиды-охотницы (Агротеры); изображенія ея на монетахъ — того-же типа. Но въ то-же самое время была сооружена статуя и Артемидѣ Эфесской, божеству совершенно иного характера. Весьма развитъ былъ въ Босфорѣ, какъ странѣ морской, имѣвшей постоянныя сношенія съ Азіей, культъ Афродиты. На культъ этотъ указываютъ и надписи, и многочисленныя изображенія, и свидѣтельства писателей: такъ, Страбонъ (XI, 2, 11) говоритъ: «Въ Фанагоріи есть знаменитый храмъ Апатурской Афродиты. Для этимологическаго объясненія эпитета богини приводятъ басню, будто богиня, когда напали на нее гиганты, позвала Геракла и скрылась въ пещерѣ; потомъ, принимая одного гиганта за другимъ, она обманывая передавала ихъ Гераклу для умерщвленія». Другимъ ея эпитетомъ было Уранія, т. е. небесная. Тотъ-же авторъ (XI, 2, 10) упоминаетъ другое святилище этой богини, Апатуронъ подлѣ озера Корокондамитскаго. На культъ той-же богини подъ инымъ именемъ указываетъ знаменитая надпись царицы Комосаріи, жены Перисада I, воздвигнувшей на одномъ пьедесталѣ двѣ статуи «сильнаго бога Санерга и Астары», обломки которыхъ найдены у подножья холма на Таманскомъ полуостровѣ. Во второмъ имени видятъ богиню Астарту, азіатское божество, соотвѣтствующее отчасти Афродитѣ, отчасти Артемидѣ, какъ богинѣ Луны, почему Санергъ могъ быть богомъ Солнца.

На культъ Діониса указываетъ надпись царя Спартока, сына Перисада II (ок. 289 г.) и изображенія на монетахъ. Кромѣ того, и въ надписяхъ, и на монетахъ есть указанія на культъ Геракла; Страбонъ упоминаетъ въ самой узкой части Босфора Гераклею (XI, 2. 6).

Другимъ героемъ, почитавшимся на Босфорѣ, былъ Ахиллъ, почитавшійся въ особомъ храмѣ (Страбонъ XI, 2. 6). Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ прибрежныхъ мѣстахъ Понта, особенно Ольвіи и на островѣ «Бѣломъ», герой этотъ чтился, вѣроятно, подъ именемъ Ахилла Понтарха, т. е. «владыки Понта». Этотъ храмъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду Филостратъ (Her. 32), говоря: «у Меотиды сооруженъ храмъ.... а въ немъ статуи Ахилла и Елены, соединяемыхъ Мойрами». Кромѣ этихъ божествъ на монетахъ встрѣчаются еще изображенія Зевса, Аѳины, Посидона, Гермеса, Персея и особенно часто Пана, а также и восточныхъ боговъ, напр. Сераписа.

Но нельзя думать, чтобы всѣ эти боги чтились въ Босфорѣ, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемый нами періодъ. Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній могли быть просто копируемы съ чужихъ монетъ, другія вызывались оффиціальными, такъ сказать, требованіями, напр. изображенія Персея, предполагаемаго предка Ахеменидовъ, къ которымъ причисляли себя Понтійскіе цари. Столь частое изображеніе головы Пана только на монетахъ позволяетъ думать, что оно было эмблемой имени Пантикапеи.

Культъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ божествъ, который несомнѣнно существовалъ въ Босфорѣ, появился съ колонистами изъ Милета, напр. Аполлонъ, можетъ

быть Деметра Θесмофора; другіе явились результатомъ сношеній съ иными городами и народами, какъ, Артемида Эфесская, Санергъ и Астарта, третьи могли быть заимствованы первоначально у мѣстныхъ племенъ и превращены съ теченіемъ времени въ божества греческія, напр. Артемида Агротера.

Съ эпохи римскаго вліянія начинаютъ ставить и статуи римскихъ императоровъ: такъ, Динамея, дочь Фарнака (ок. 50—10 г. до Р. Х.), поставила статую Цезаря Августа, а позднѣйшіе, уже сарматскіе цари именуютъ себя священнослужителями Августовъ.

Въ сарматскую-же эпоху на Босфорѣ развивается культъ Зевса и Геры «Спасителей»; можетъ быть культъ этотъ существовалъ и ранѣе. Одинъ изъ Тиверіевъ Юліевъ Савроматовъ поставилъ статую въ храмѣ Ареса, который также, можетъ быть, былъ построенъ въ разсматриваемый нами періодъ. Отъ храмовъ этихъ боговъ до насъ дошли только обломки, найденные при раскопкахъ. Но какому времени принадлежатъ эти обломки, разсматриваемому ли періоду, или эпохѣ Сарматовъ, при которыхъ тоже сооружались храмы, точно рѣшить нельзя.

Обломки эти своимъ изяществомъ и пышностью свидѣтельствуютъ о богатствѣ Босфорскихъ храмовъ (о томъ-же говоритъ и Страбонъ въ приведенномъ выше описаніи храма Афродиты), а богатство храмовъ указываетъ на богатство жителей, еще яснѣе засвидѣтельствованное тою массою драгоцѣнностей, которыя найдены на берегахъ Босфора.

Такія богатства доставляла Босфоритянамъ торговля.

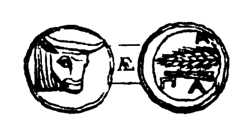
Главнымъ предметомъ вывоза былъ хлѣбъ: Аттика не могла прокормить огромнаго населенія Аѳинъ, которыя всегда нуждались въ хлѣбѣ; подобно тому, какъ Сицилія была житницей Рима, такъ прибрежья Эвксинскаго Понта кормили Аѳины. На хлѣбную торговлю Аѳиняне обращали особое вниманіе и хлѣбные караваны въ неспокойное время ходили подъ прикрытіемъ военныхъ флотилій. «За исключеніемъ горъ, тянущихся вдоль моря до Θеодосіи, весь полуостровъ, говоритъ Страбонъ (VII, 4. 5), представляетъ плодоносную равнину, почва которой особенно хороша для произростанія хлѣба: поле здѣсь, вспаханное любымъ землекопомъ, даетъ самъ-тридцать. Въ прежнія времена отсюда доставляли въ Элладу хлѣбъ, подобно тому, какъ изъ Мэотиды соленья. Разсказываютъ, что Левконъ изъ Θеодосіи послалъ Аѳинянамъ 210.000 медимновъ». О Θеодосіи онъ говоритъ (VII, 4. 4), что это—«городъ, замѣчательный плодоносным полемъ и гаванью... страна между Θеодосіей и Пантикапеей.... богата хлѣбомъ, имѣетъ деревни и городъ съ хорошей гаванью, называемый Нимфеемъ». Выше приходилось уже упоминать о хлѣбныхъ подаркахъ Аѳинамъ босфорскихъ царей; извѣстно также, что изъ босфорскихъ гаваней вывозилось ежегодно 400.000 медимновъ хлѣба. Часть этого хлѣба, какъ видно изъ разсказа Страбона, собиралась въ предѣлахъ Босфорскаго царства, часть шла изъ сосѣднихъ странъ, гдѣ кочевники, «передавши во владѣніе землю тѣмъ, кто желалъ ее обрабатывать, предпочитаютъ получать за нее извѣстную умѣренную плату» (Страб. VII, 4. 6).

Любопытное указаніе на это богатство Босфора мы встрѣчаемъ на многихъ монетахъ, это—хлѣбный колосъ, надъ которымъ стоитъ грифонъ съ дротикомъ въ зубахъ; онъ какъ бы стережетъ это богатство Босфора, подобно тому, какъ

на дальнемъ сѣверо-востокѣ грифы-же оберегаютъ золото. Встрѣчается также изображеніе колоса и сошника, или сопоставленіе колоса съ бычачьей головой. Иногда колосъ замѣненъ рыбой — указаніе на другой предметъ вывоза изъ Босфора, о которомъ упоминалось уже въ вышеприведенномъ разсказѣ Страбона. Онъ-же даетъ намъ еще нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ. Подобно тому, какъ теперь берега Азовскаго моря усѣяны рыболовными заводами, такъ и при Страбонѣ на восточномъ берегу Мэотиды лежали селенія: «Большой Ромбитъ, въ которомъ сосредочена большею частью ловля рыбы, годной въ соленіе, и Малый Ромбитъ, гдѣ занимаются ловлею рыбы сами Мэоты, и мысъ, имѣющій также меньшія рыболовни» (Страбонъ XI, 2. 4). Страбонъ упоминаетъ также и о ловлѣ рыбы зимой (II, 3. 18): «въ этомъ мѣстѣ (проливѣ) изъ-подъ льда ловятъ рыбу такъ называемой гангамой (неводомъ) преимущественно осетровъ, по величинѣ не уступающихъ дельфинамъ».

Степи, прилегающія къ Мэотидѣ, представляли отличныя пастбища для скота кочующихъ народовъ, которые, по словамъ Страбона (VII, 3. 17), «живутъ на различныхъ мѣстахъ, смотря по тому, какое изъ нихъ въ данное время обладаетъ хорошими пастбищами — зимою на болотахъ около Мэотиды, лѣтомъ и на равнинахъ».

На торговлю скотомъ указываютъ, быть можетъ, весьма частыя на монетахъ изображенія головъ быковъ, лошадей, барановъ.

10. Мѣдная монета, Пантикапеи съ головой быка, колосомъ и палицею.

Торговля Босфорцевъ съ варварами велась главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ: Танаидѣ, когда городъ этотъ присоединялся къ Босфорскому царству, и на восточномъ берегу, въ окрестностяхъ Фанагоріи. Вотъ, что говоритъ Страбонъ о торговлѣ перваго (XI, 2. 3): «городъ (этотъ) служилъ общимъ мѣстомъ торговли для азіатскихъ и европейскихъ кочевниковъ, съ одной стороны, и для народовъ, прибывающихъ на судахъ въ озеро изъ Босфора, съ другой. Первые доставляютъ рабовъ, кожи и другіе предметы для кочевниковъ, вторые привозятъ для обмѣна платье, вино и прочіе предметы, свойственные нашему образу жизни». Подниматься по Танаису вверхъ номады греческимъ торговцамъ не позволяли (Страбонъ XI, 2. 2) и, слѣдовательно, были посредниками въ торговлѣ мѣхами и золотомъ, привозимыми съ дальняго сѣверо-востока. Варварскіе народы восточнаго берега Понта—Ахаи, Зиги, Геніохи жили пиратствомъ, отъ котораго терпѣли и Греки, но Босфоритяне, стремясь къ наживѣ, «иногда помогали имъ, какъ говоритъ Страбонъ (XI, 2. 12), предоставляя имъ стоянки для кораблей, предлагая рынки и продажу награбленнаго». Главными торговыми складами были Пантикапея и Фанагорія: Страбонъ говоритъ (XI, 2. 10): «Для товаровъ, идущихъ изъ Мэотиды и варварской страны, лежащей выше ея, складочнымъ мѣстомъ служатъ, кажется, Фанагорія, а для товаровъ, доставляемыхъ туда съ моря—Пантикапея». Этими привозными товарами были: масло, вино, разные предметы художественной промышленности. Маслина на сѣверномъ берегу Понта не росла, хотя на южномъ «предмѣстья города Синопа, Амиса разводятъ оливковыя деревья» (Страбонъ II, 1. 15).

Ввозъ вина въ огромномъ количествѣ, главнымъ образомъ съ острововъ Хіоса, Өазоса и Родоса, доказывается, кромѣ свидѣтельствъ писателей, множествомъ черепковъ амфоръ, на ручкахъ которыхъ находятся клейма, указывающія на ихъ происхожденіе. Страбонъ говоритъ о разведеніи винограда и на самомъ Босфорѣ, гдѣ на зиму его приходилось засыпать землей; но плоды этой лозы были мелки (Страб. II, 1. 16 и VII, 3. 18); а кромѣ того разведеніе винограда явилось, сравнительно, въ позднее время; на монетахъ изображеніе гроздей — рѣдко.

Изъ предметовъ художественной промышленности привозили ткани, золотыя и серебряныя вещи и украшенія, различныя бездѣлушки, глиняную росписную посуду, терракотовыя статуэтки.

На-ряду съ привозными вещами, нѣкоторыя издѣлія такого-же рода приготовлялись, быть можетъ, на мѣстѣ, напр. вазы, терракоты, нѣкоторые рѣзные камни съ характерными изображеніями степной флоры и фауны и пр.

Въ тѣсной зависимости отъ торговли стоитъ монета. Сильно развитая торговля босфорскихъ городовъ вызвала чеканку монеты самой разнообразной стоимости, начиная съ золотыхъ и кончая мѣдными.

Монетная система въ Пантикапеѣ сперва была евбейская, затѣмъ является колебаніе между этой системой и солоновской и, наконецъ, можетъ быть, благодаря сильному аөинскому вліянію, послѣдняя система взяла рѣшительный перевѣсъ.

11. Мѣдная монета Пантикапеи, съ головою Пана, львиною маскою и осетромъ.

Въ Босфорѣ ходила монета городская и царская. Монеты царей носятъ на себѣ имена или монограммы царей, а поэтому могутъ быть расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Городская же монета носитъ только имя города, а потому только сличеніемъ типовъ и стиля изображеній можно опредѣлить приблизительно время ея чеканки, или — когда мы находимъ на ней изображенія, встрѣчающіяся на монетахъ царей, конечно, если эти изображенія настолько характерны, что объяснить сходство простою случайностью не представляется возможнымъ. Такъ, на многихъ монетахъ понтійскихъ царей изображается Персей, ихъ миөическій родоначальникъ, и Пегасъ или вмѣстѣ или порознь. Если мы встрѣчаемъ тѣ-же изображенія на пантикапейскихъ монетахъ, то можемъ, кажется, заключить, что монеты эти чеканены или при непосредственномъ подчиненіи Босфора понтійскимъ царямъ, или въ эпоху сильнаго понтійскаго вліянія на Босфоръ. Другимъ примѣромъ можетъ служить корабельный носъ, иногда съ фигурою Побѣды, появляющійся на монетахъ Асандра (50 — 15 г. до Р. Х.), со времени котораго начался, кажется, на Босфорѣ культъ Посидона. Тотъ-же корабельный носъ встрѣчается и на городскихъ пантикапейскихъ монетахъ, которыя можно относить ко времени Асандра.

Важны для опредѣленія времени выпуска монеты частыя въ древнемъ мірѣ перечеканки старой монеты или накладка на старую монету новаго клейма для подтвержденія ея стоимости. Особенно часто на пантикапейскихъ монетахъ попадается клеймо въ видѣ маленькой звѣзды. Формы клеймъ весьма разнообразны: звѣзда, баранья голова, дельфинъ, козерогъ и др.

По завоеванiи Босфора Аспургами, въ царствѣ открывается династiя варварскаго происхожденiя, сблизившая Пантикапею, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, съ Понтомъ и отчасти съ Ѳракiею. Преобладающимъ политическимъ и культурнымъ слоемъ населенiя оставались Греки, и надписи писались исключительно по-гречески. Въ началѣ перваго вѣка царство простиралось отъ устьевъ Дона до Кавказскаго хребта: надпись называетъ Аспурга, сына Асандроха, «царемъ всего Босфора, Ѳеодосiи, Синдовъ, Маитовъ, Тарпитовъ, Торетовъ, Псесовъ и Танаитовъ, покорившимъ Скиѳовъ и Тавровъ».

Сынъ этого Аспурга былъ Митридатъ, ведшiй свой родъ отъ Митридата Евпатора. Въ 41 г. по Р. Х. императоръ Клавдiй поставилъ его босфорскимъ царемъ, но чрезъ нѣсколько лѣтъ противъ него, когда онъ вздумалъ подражать Митридату Великому и въ отношенiяхъ къ Риму, двинуты были римскiя войска; онъ былъ низложенъ и увезенъ въ Римъ, гдѣ и умеръ; преемникомъ поставленъ былъ братъ его Котисъ I (46 — 49 г.).

Изъ дальнѣйшей исторiи Босфора знаемъ имена Тиверiевъ Юлiевъ Савроматовъ (числомъ 9), Т. Ю. Рескупоридовъ (7 или 8), Т. Ю. Котисовъ (3), Т. Ю. Ремиталка (171 — 174 г.), Т. Ю. Евпатора (155 — 171 г.), Т. Ю. Ининѳимея (235 — 239 г.) и др. Въ концѣ вторaго и началѣ третьяго вѣка по Р. Х. босфорскiе цари посылали своихъ намѣстниковъ въ Танаиду. Царь Савроматъ III (171 — 211 г.), по смыслу одной надписи, воевалъ со Скиѳами, покорилъ Тавриду и очистилъ отъ пиратовъ Черное море.

Въ концѣ III-го вѣка Босфорскимъ царствомъ владѣла варварская династiя, судя по именамъ ея представителей: Фареанса, Сигга (258 — 276), Т. Ю. Тейрана (276 — 289), Ѳоѳорса (279 — 308), Радамсада. Этихъ царей Римляне обвиняли въ безсилiи или послабленiи Готѳамъ, которые въ царствованiе Валерiана совершали свои хищническiе набѣги на босфорскихъ судахъ. Въ 366 г. Римляне еще владѣли Босфоромъ, но вскорѣ послѣ того онъ былъ опустошенъ Гуннами.

Изъ городовъ, входившихъ въ составъ Босфорскаго царства, выдавались Ѳеодосiя и Нимфея, основанныя милетскими колонистами.

Положенiе Ѳеодосiи среди плодородной котловины, при большой гавани, способствовало ея процвѣтанiю и обогащенiю, которое возбудило въ босфорскихъ царяхъ желанiе овладѣть этимъ городомъ. Находясь въ опасномъ положенiи между дикими Таврами и могущественнымъ Босфоромъ, Ѳеодосiя вступила въ союзъ съ Гераклеей Понтiйской, метрополiей Херсонеса Таврическаго. Когда Сатиръ I (407 — 393) осадилъ Ѳеодосiю, то ее спасла на время помощь Гераклейцевъ. Сынъ его Левконъ I не только взялъ городъ, но, по нѣкоторымъ извѣстiямъ, перемѣнилъ даже прежнее неизвѣстное имя города въ Ѳеодосiю, въ честь своей родственницы. Городъ поставленъ былъ въ число автономныхъ греческихъ городовъ, въ которыхъ босфорскiе цари были только архонтами. Аррiанъ говоритъ о Ѳеодосiи, какъ о городѣ уже разрушенномъ. Въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. на его мѣстѣ возникаетъ крѣпость Кафа, игравшая важную роль въ распряхъ Босфора съ Херсонесомъ и позднѣе, при Генуэзцахъ (съ XIII в.).

Между Ѳеодосiей и Пантикапеей въ хлѣбородной долинѣ лежала Нимфея съ хорошей гаванью, входившая въ составъ Аѳинской симмахiи со времени эк-

спедиціи Перикла въ Понтъ. Въ 410 г. до Р. Х. одинъ аѳинянинъ изъ Керамики Гилонъ, дѣдъ по матери Демосѳена, передалъ Нимфею Спартоку II, за что царь подарилъ ему Кепы (сады) близъ Фанагоріи. Пріобрѣтеніе ея приблизило Босфорцевъ къ Ѳеодосіи. Городъ былъ укрѣпленъ; въ немъ Митридатъ поставилъ отряды войскъ, назначенныхъ идти противъ Римлянъ.

Мѣстомъ древней Нимфеи считается городище въ юго-восточномъ углу имѣнія Эльтегенъ (Ѳеодосійскаго уѣзда) на скалистыхъ возвышенностяхъ, круто спускающихся къ морю.

Восточный берегъ Чернаго моря издавна привлекалъ мореплавателей, особенно южная часть его Колхида, въ которую уже писатели V вѣка (Пиндаръ и Эсхилъ) переносили ту миѳическую «Землю», куда плавали Аргонавты. Вдоль морскаго берега жили племена Синдовъ и Торетовъ, входившихъ въ составъ Босфорскаго царства съ городами «Гаванью Синдовъ», Горгиппіей. Далѣе жили народы, во времена Страбона занимавшіеся морскими разбоями: Ахеи, Геніохи, Абасги и др., въ землѣ послѣднихъ былъ городъ Питіусъ (нынѣ Пицунда). Въ Колхидѣ, кромѣ Колховъ, жили въ позднѣйшія времена Абсилы, Лазы и тѣ Халибы, которымъ древніе приписывали выдѣлку стали. Отсюда Финикіяне получали «рабовъ» и «мѣдную посуду». Греки основали на восточномъ берегу Кавказа двѣ колоніи: Фазисъ и Діоскурію.

Митридатъ покорилъ все прибрежье Кавказа. Послѣ смерти его Римляне завладѣли Діоскуріею и построили около нея крѣпость Севастополь. Имя этой крѣпости перешло и на самый городъ. Позднѣе Колхида входила въ составъ царства Полемона.

Фазисъ, стоявшій на устьѣ Ріона (древняго Фазиса), велъ транзитную торговлю съ отдаленнѣйшими странами востока, съ Индіей; Діоскурія — съ сосѣдними племенами, которыхъ число доходило до 70. Главными предметами торговли портовъ восточнаго берега Чернаго моря были: корабельный лѣсъ, пенька, смола, медъ, воскъ, соль (каменная) и славившіяся въ древности колхидскія ткани.

Городъ Танаида, основанный босфорскими выходцами, занимавшій выгодное географическое положеніе, при устьѣ Дона, служилъ пунктомъ оживленныхъ торговыхъ сношеній Грековъ съ варварами: первые привозили туда вина, ткани, вторые — невольниковъ, мѣха, соленую рыбу. Около времени Рождества Христова городъ достигъ высшей степени своего процвѣтанія и сталъ цѣлью завоевательныхъ стремленій босфорскихъ царей; Полемонъ разрушилъ городъ до основанія, и Плиній говоритъ о немъ, какъ о несуществующемъ.

Въ I-мъ или въ началѣ II-го вѣка по Р. Х. на сѣверномъ рукавѣ Дона, близъ нынѣшней слободы Недвиговки, на возвышенномъ правомъ берегу, построенъ былъ новый городъ, носившій тоже имя Танаиды. Найденныя тамъ древности отличаются грубостью позднѣйшаго времени; нѣкоторою степенью художественности отличались бронзовыя издѣлія. Находка многихъ надписей II-го и III-го вѣка по Р. Х. открыла свѣдѣнія о состояніи Танаиды въ эту эпоху. Населеніе города было смѣшанное, какъ это видно по собственнымъ именамъ и двойному управленію жителей: «Архонтами (вѣроятно четырьмя) Танаитовъ» и «Эллинархами». Собственной монеты городъ не имѣлъ и пользовался монетой босфорскихъ

царей. Причиною возрожденія и процвѣтанія Танаиды въ эту эпоху можно полагать измѣненіе торговыхъ путей на востокъ: борьба Римлянъ съ Пароянами во II и III вѣкѣ сдѣлала невозможными торговыя сношенія, шедшія чрезъ Малую Азію, почему торговля и направилась сѣверными путями: удобнымъ водянымъ по Дону и Волгѣ, и сухопутнымъ краткимъ, чрезъ Кавказъ, приморскіе города котораго также приняли въ ней участіе.

12. Барельефъ, найденный въ развалинахъ Танаиды. I стол. по Р. Х.

13. Мѣдныя монеты Ольвіи съ изображеніемъ Деметры въ «градской» коронѣ и скиѳскаго стрѣлка.

Послѣ Босфорскаго царства видное мѣсто по богатству, развитію торговли и промышленности принадлежитъ Ольвіи, городу «Борисфенитовъ», основанному Милетцами около 645 г. до Р. Х.

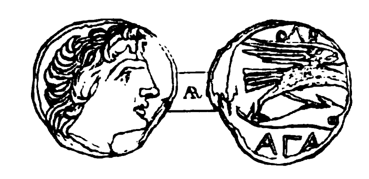
Городъ построенъ былъ на правомъ берегу Гипаниса (Бугъ), у рѣки, не далеко отъ устья, въ верстѣ къ югу отъ нынѣшняго села Ильинскаго (или Порутина) въ мѣстѣ, называемомъ «Сто Могилъ». Сосѣднія племена при Геродотѣ были скиѳскія: Каллипиды, Алазоны, которые вели осѣдлый образъ жизни и занимались хлѣбопашествомъ, настолько смѣшавшись съ Греками, что уже Геродотъ называетъ Каллипидовъ Эллино-Скиѳами. Геродотъ (IV, 78 сл.) разсказываетъ о скиѳскомъ царѣ Скилѣ, погибшемъ жертвою своего филэллинства, что его соплеменники, царскіе Скиѳы-кочевники, умертвили его за участіе въ мистеріяхъ Діониса. Этотъ разсказъ представляетъ Ольвію большимъ, цвѣтущимъ городомъ, окруженнымъ стѣною съ башнями, съ роскошнымъ дворцомъ Скилы; изъ того-же разсказа видно существованіе родственныхъ связей между Греками и варварами, знаніе ими греческаго языка.

Въ IV вѣкѣ Борисѳениты, осажденные Зопиріономъ, быть можетъ, полководцемъ Александра Македонскаго, погибшимъ со всею арміею въ странѣ Скиѳовъ, съумѣли отстоять городъ.

Въ III вѣкѣ, какъ видно изъ декрета на имя Ольвійскаго богача Протогена, Ольвія бѣдствовала.

Сосѣди Борисѳенитовъ перемѣнились: прежнихъ скиѳовъ вытѣснили новыя сарматскія, быть можетъ, племена Саевъ, Скировъ, Ѳиссагетовъ, Савроматовъ. Измѣнились и отношенія къ нимъ Борисѳенитовъ: они принуждены были, чтобы «городъ не подвергался большимъ непріятностямъ», давать варварскимъ князьямъ «дары», но что такое, въ сущности, были эти «дары», видно изъ того, что, какъ

говоритъ декретъ: «когда царь Саитафарнъ явился на ту сторону (Гипаниса) за дарами . . ., Протогенъ, выступивъ, далъ 900 золотыхъ; когда же послы . . . взяли эти деньги и явились къ царю, то царь, недовольный дарами, разгнѣвался и выступилъ въ походъ».

14. Серебряная монета (дидрахма) Ольвіи, III в. до Р. Х. На лиц. ст. голова Аполлона, на об. чайка на дельфинѣ.

Результатомъ вѣчныхъ опасеній варварскихъ набѣговъ, упадка земледѣлія и, слѣдовательно, частыхъ неурожаевъ, явилось въ послѣдствіи крайнее обѣдненіе города: онъ постоянно прибѣгалъ къ благотворительности частныхъ гражданъ, къ займамъ, закладамъ священныхъ сосудовъ, новымъ налогамъ, напр., на жертвоприношенія.

Въ послѣдующее время Ольвія вынуждена была подчиниться скиѳскимъ царямъ, въ знакъ чего чеканила монету съ царскими именами, напр. Фарзоя, Инисмея, Скилура, Канита, Саріи; подчиненіе это не лишало однако города его внутренней автономіи. Есть указаніе, что Ольвія нѣсколько разъ была взята въ это время врагами.

Къ началу I вѣка до Р. Х., какъ видно изъ декрета въ честь Никирата Папіева, павшаго въ битвѣ съ варварами, Ольвія была независима отъ варварскихъ царей. Сильнѣйшимъ ударомъ для Ольвіи было взятіе и разореніе ея Гетами около 60 — 50 годовъ до Р. Х. Вотъ, что говоритъ объ этомъ Діонъ Хрисостомъ: «Послѣднее и самое сильное разореніе случилось не болѣе, какъ за 150 лѣтъ (до Хрисостома); Геты взяли ее, какъ и другіе города по лѣвой сторонѣ Понта до Аполлоніи. Вслѣдствіе этого дѣла тамошнихъ Эллиновъ пришли въ крайній упадокъ, такъ какъ одни города совсѣмъ не были возстановлены, другіе въ плохомъ видѣ, и при этомъ нахлынуло въ нихъ множество варваровъ».

Діонъ говоритъ, что, какъ ему кажется, возстановленіе Ольвіи совершилось по желанію Скиѳовъ, нуждавшихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Греками, которые послѣ разрушенія города перестали пріѣзжать туда, не находя своихъ соплеменниковъ, а сами Скиѳы завести торговлю по образу Греческой не умѣли. Но возстановленный городъ былъ уже меньшихъ размѣровъ, памятники его болѣе грубы, само населеніе было смѣсью Эллиновъ съ варварами. Этотъ греко-скиѳскій періодъ тянется до временъ Александра Севера, послѣ котораго городъ исчезаетъ съ лица земли подъ напоромъ нахлынувшихъ варваровъ. Городъ примыкалъ одною стороной къ рѣкѣ Гипанису; на берегу рѣки приходилась угловая башня Геракла, отъ которой шли стѣны, огибавшія городъ съ трехъ сторонъ противъ зимняго нападенія Галатовъ съ рѣки. Мѣстный богачъ Протогенъ укрѣпилъ и берегъ. Городъ украшался храмами Ахилла и Аполлона, можетъ быть также Зевса и Кибелы. Но главнымъ туземнымъ божествомъ Ольвіи надо считать «владыку Понта» Ахилла: у Грековъ весьма распространено было вѣрованіе, по которому этотъ герой былъ перенесенъ Ѳетидой съ погребальнаго костра на далекій островъ Понта «Бѣлый» (Левке, нынѣ Змѣиный или Фидониси), гдѣ, ставъ безсмертнымъ, герой женился на Еленѣ. На этомъ не большомъ островѣ стоялъ нѣкогда его храмъ; уже въ IV вѣкѣ до Р. Х. Ольвіополиты воздвигали здѣсь статуи

какъ самого героя, такъ и заслужившихъ ихъ признательность лицъ. Ахиллу посвящены были и другія прибрежныя мѣстности Понта, напримѣръ, длинная коса, называемая нынѣ Тендровской, а въ древности «Ахилловымъ бѣгомъ». Въ самой Ольвіи съ древнихъ временъ существовалъ его храмъ. Въ I вѣкѣ до Р. Х., по совѣту дельфійскаго оракула, установлены были при этомъ храмѣ гимнастическія и конныя состязанія; призы, получаемые на нихъ, жертвовались въ этотъ-же храмъ.

Указаніемъ на культъ Діониса можетъ служить и театръ, который былъ въ древности и мѣстомъ, гдѣ справлялись празднества въ честь Діониса.

Анахарсисъ отправлялъ въ Гилеѣ (низовьяхъ Днѣпра) культъ матери боговъ — Кибелы, сопровождавшійся также оргіастическими обрядами.

Гермесъ является въ Ольвіи съ эпитетомъ «рыночнаго», какъ богъ — покровитель промышленности и торговли въ Ольвіи, которая и послѣ всѣхъ невзгодъ, при Страбонѣ еще была огромнымъ торговымъ рынкомъ. Обычное изображеніе Деметры на монетахъ Ольвіи согласно съ почитаніемъ этой богини, въ хлѣбородныхъ странахъ.

Государственное устройство Ольвіи до конца ея исторіи остается демократическимъ: всѣми дѣлами управленія завѣдывало народное собраніе. Главными лицами города были: «верховный распорядитель финансами»; «Царь» — лицо религіознаго характера, члены коллегій «девяти» и «семи», завѣдывавшіе финансовыми дѣлами; коллегіи «агораномовъ» и «астиномовъ», исполнявшія полицейскую обязанность; военными дѣлами завѣдывала коллегія шести «стратеговъ», а высшею администраціею — пять «архонтовъ».

Предметами ольвійскаго вывоза были тѣ-же товары, что и въ Босфорскомъ царствѣ и, вообще, въ греческихъ колоніяхъ преимущественно сырые продукты, какъ-то: хлѣбъ, скотъ, рыба, медъ, воскъ, соль, мѣха, шкуры, строевой лѣсъ. Велась также и торговля рабами; здѣсь нанимались и скиѳскіе отряды, исполнявшіе въ Аѳинахъ полицейскія обязанности.

Постоянными предметами ввоза были масло, вино, шерстяныя ткани, изящная глиняная посуда и другіе предметы роскоши. Привозили даже, какъ видно по аттическому мрамору надписи Клеомброта, и готовые надгробные памятника. Въ IV вѣкѣ до Р. Х. Ольвіополиты пріобрѣли какое-то произведеніе Праксителя: сохранились обломки пьедестала, на которомъ оно было установлено.

Монеты, находимыя на мѣстѣ Ольвіи, указываютъ на города и страны, съ которыми преимущественно находились въ торговыхъ сношеніяхъ Ольвіополиты: Аѳины, Ѳазосъ, Родосъ, Милетъ и пр. Ольвіополиты занимались добываніемъ соли и горшечнымъ промысломъ; тотъ и другой продуктъ вывозился и къ варварамъ. На ряду со множествомъ амфорныхъ ручекъ и черепицъ съ клеймами Ѳазоса, Родоса, въ Ольвіи, какъ и Пантикапеѣ находятся ручки съ клеймами астиномовъ, но безъ указанія мѣста, которыя можно относить къ издѣліямъ туземнымъ. Амфоры съ такими-же клеймами найдены въ скиѳскихъ курганахъ Екатеринославской губерніи, на ряду съ другими вещами греческой работы. Торговыя факторіи Ольвіополитовъ заходили по Днѣпру далеко на сѣверъ.

Мѣстность древней Ольвіи обозначается столько-же ея возвышеннымъ положеніемъ надъ рѣкою, сколько рядомъ кургановъ, протягивающихся съ западной

стороны предполагаемаго акрополя и города. Обнаруженные раскопками слѣды древнихъ построекъ на мѣстѣ городища не дали никакихъ монументальныхъ художественныхъ памятниковъ, но вся эта мѣстность насыщена древними мѣдными монетами, фрагментами надписей и цѣлыми надписями, часто на мраморѣ, надгробныхъ плитъ, цѣлыми амфорами и черепками посуды; въ сплошныхъ могильныхъ насыпяхъ находятъ во множествѣ расписныя, но большею частью только орнаментированныя вазы; изъ нихъ спеціальность Ольвіи составляютъ сосуды въ видѣ человѣческой головы, часто рабовъ-негровъ и т. п., лампы съ барельефными оттиснутыми изображеніями, а также терракоттовыя статуэтки, сюжеты которыхъ особенно изобилуютъ натурально переданными типами сосѣднихъ варваровъ. Золотыя издѣлія, извлеченныя изъ кургановъ Ольвіи, разграбленныхъ дочиста въ эпоху кладоискательства запорожцевъ, рѣдки и отличаются въ большинствѣ грубою работою, подражающею разомъ греческому стилю и восточнымъ типамъ. Между металлическими предметами обращаютъ на себя вниманіе свинцовыя фигурныя пластинки съ изображеніемъ туземныхъ божествъ въ простонародной передачѣ бычачьихъ головъ, колесничниковъ и пр. и съ характеромъ амулетовъ.

Среди колоній, основанныхъ по сѣверному берегу Чернаго моря Іоническими выходцами, стояла большая колонія Дорянъ — Херсонесъ, возникшій около конца VI-го в. до Р. Х. изъ поселенія выходцевъ Гераклеи Понтійской.

Храмъ главнаго божества, повидимому, туземнаго происхожденія, Дѣвы, отождествляемой Греками съ Артемидой, стоялъ на мысу Парѳеніонѣ, невдали отъ Херсонеса. Подъ этимъ именемъ разумѣлся не только самъ городъ, но и окрестныя земли плодороднаго Гераклейскаго полуострова, защищенныя въ древности стѣною, тянувшеюся отъ Гавани Символовъ или Палакіона (нынѣ Балаклава) до Ктенунта (нынѣ Севастопольскій заливъ). Самый городъ занималъ небольшой мысъ, съ трехъ сторонъ омываемый моремъ (верстахъ въ 2 — 3 отъ нынѣшняго Севастополя къ Ю.-З.), окруженъ былъ стѣнами, имѣлъ акрополь, нѣсколько храмовъ.

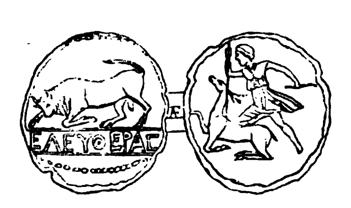

15. Серебряная монета (драхма) Херсонеса, III в. до Р. Х. На лиц. ст. голова Артемиды; на об. бодающій быкъ на палицѣ.

Херсонесъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ городами Понта, Пропонтиды и Эгейскаго моря; на своей землѣ горожане занимались земледѣліемъ, винодѣліемъ и солевареніемъ на соляномъ озерѣ близъ Ктенунта; кромѣ того, вели торговлю съ сосѣдними варварскими племенами Скиѳовъ и Тавровъ. Около половины I-го вѣка усилился Скиѳскій царь Скилуръ, который вытѣснилъ Херсонесцевъ изъ занятыхъ ими на Таврическомъ полуостровѣ земель, построилъ нѣсколько городовъ: Палакіонъ, Хабонъ, Неаполь (близъ Симферополя). Тѣснимые царемъ, Херсонесцы обратились съ просьбой о помощи къ Митридату Евпатору, который и прислалъ къ нимъ своего полководца Діофанта, сына Асклепіодора изъ Синопа. Надпись, найденная въ 1878 году, говоритъ о побѣдѣ Діофанта надъ Палакомъ, сыномъ Скилура, о походѣ на землю Скиѳовъ, взятіи Хабона, Неаполя, Керкинита. Когда Палакъ, полагая, что время благопріятствуетъ ему, собралъ всѣхъ своихъ Скиѳовъ и кромѣ того привлекъ къ себѣ народъ Ревксиноловъ (по Страбону, Роксолановъ),

то постоянная покровительница херсонесцевъ «Дѣва» и тогда, содѣйствуя Діофанту, посредствомъ совершившихся въ ея храмѣ чудесъ, предзнаменовала имѣющее совершиться дѣяніе и вдохнула отвагу всему войску. Діофантъ отправился на Босфоръ, весною взялъ Өеодосію и Пантикапею, и благодарные Херсонесцы рѣшили чествовать его на празднествѣ и «поставить мѣдную статую его въ полномъ вооруженіи на акрополѣ, подлѣ алтарей Дѣвы и Херсонеса».

Около того-же времени построена была и крѣпость Евпаторія, около Ктенунта, названная такъ по прозвищу Митридата.

16. Мѣдная монета Херсонеса, I в. до Р. Х. На лиц. ст. бодающій быкъ; на об. Артемида, поражающая лань.

Послѣ паденія Митридата Римляне оставили Херсонесъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ босфорскимъ царямъ. Въ римскій періодъ городъ отличался предъ всѣми сосѣдними блескомъ и приверженностью къ греческимъ нравамъ. За помощь, оказанную херсонесцами императору противъ Скиөовъ, Константинъ Великій пожаловалъ Херсонесу много привиллегій, свою золоченую статую, много оружія, которое поставило херсонесцевъ на военное положеніе, сохранявшееся до позднѣйшихъ временъ.

Христіанство утвердилось въ Херсонесѣ при Константинѣ Великомъ, когда епископъ Эөерій построилъ тамъ первую церковь; здѣсь-же приняли мученическую смерть Свв. Климентъ, Василій, Ефремъ, Елпидій и Агаөодоръ.

Городъ Тирасъ, бывшій въ древности богатою греческою колоніею, при впаденіи Днѣстра въ лиманъ, на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана, представилъ доселѣ наименьшее количество памятниковъ. Рядъ кургановъ, уходящій далеко на западъ отъ Аккермана, былъ разграбленъ въ отдаленное время и не далъ доселѣ никакихъ находокъ. Большинство монументальныхъ памятниковъ было разобрано и разнесено, насколько можно судить по находкѣ знаменитой двуязычной надписи Тираса на Днѣстрѣ, въ 35 верстахъ ниже Тирасполя, а отчасти и уничтожено постройкою Генуэзской крѣпости на мѣстѣ древняго городища. На берегу лимана, съ сѣверо-восточной стороны отъ крѣпости, находятъ много древнихъ вазочекъ III стол. до Р. Х., лампъ, обломковъ статуэтокъ изъ жженой глины отличной работы, но большинство предметовъ относится уже къ римской эпохѣ, времени наибольшаго торговаго и политическаго значенія Тираса. Сосѣдній съ Тирасомъ городъ Овидіополь (древняя Никонія) и мѣстность такъ называемой Неоптолемовой башни представляютъ слѣды древнихъ поселеній.

Постоянные набѣги степняковъ ослабили мало по малу силы Греческихъ колоній и, наконецъ, привели ихъ къ полному паденію. Такъ, исторія Ольвіи заканчивается съ III-го вѣка по Р. Х.; Босфорское же царство пало въ V-мъ вѣкѣ подъ напоромъ Гунновъ. Но не столько нашествіе варваровъ и сопровождавшіе ихъ пожаръ и разрушеніе, сколько извлеченіе матеріаловъ изъ руинъ для новыхъ построекъ и Византійцами, и Итальянцами, и Татарами, и Турками, и Русскими было причиною исчезновенія съ лица земли городскихъ стѣнъ и зданій. На мѣстѣ древнихъ городовъ — нынѣ тѣ обширные пустыри, изрытые ямами и усѣянные кучами камня, которыхъ древность узнается лишь по густымъ

слоямъ битой черепицы и мѣстами пепла, почему мѣстности эти слывутъ въ народѣ подъ названіемъ «пепелищъ». Въ пепелищахъ обычными находками являются лишь надписи, монеты, лампочки, обломки статуэтокъ и вазъ. Подъ древнимъ керченскимъ акрополемъ, на мѣстѣ котораго стоитъ нынѣ памятникъ одного

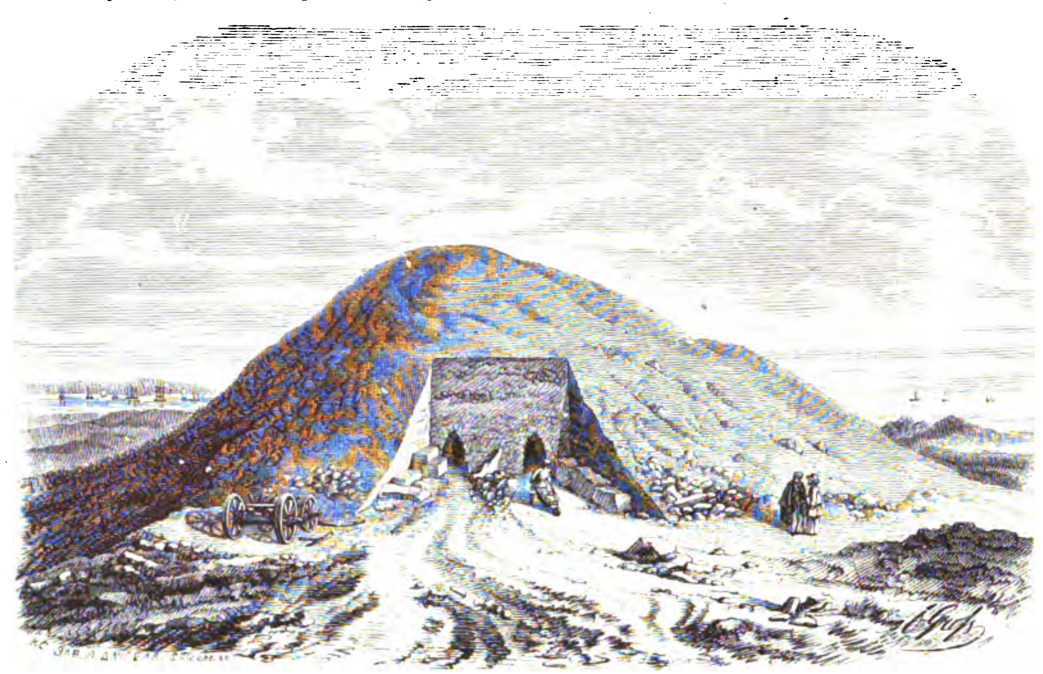

17. Раскопки С. В. склона «Митридатовой горы» подъ памятникомъ археолога Стемковскаго.

изъ первыхъ мѣстныхъ археологовъ градоначальника Стемпковскаго, съ С.-В. стороны конечнаго холма «Митридатовой горы», раскопки на глубинѣ отъ 5 до 7 саженъ обнаружили слой битой посуды, видимо, сброшенной нѣкогда изъ храмовъ, стоявшихъ на Акрополѣ. Между этою посудою оказалось множество черепковъ живописныхъ вазъ самаго высокаго стиля IV-го столѣтія до Р. Х. На западной, обрывистой сторонѣ той-же горы, позади зданія бывшаго Музея, украшеннаго массивными мраморными саркофагами, въ насыпи находятъ надписи и фрагменты статуй того-же происхожденія.

Единственными монументальными памятниками древнихъ поселеній остались могильные курганы, которые рядами высятся въ ихъ окрестностяхъ. Эти курганы, равно какъ сплошныя могильныя насыпи, доставили то множество разнообразнѣйшихъ памятниковъ быта и искусства греческихъ поселенцевъ, которымъ, по всей справедливости, можетъ гордиться наше отечество: наибольшее количество находокъ дали

могилы по обѣ стороны Босфора. Всѣ холмистыя возвышенности, расходящіяся отъ Керчи, увѣнчаны рядами кургановъ: съ С.-З. вдоль морскаго берега тянется

18. Раскопки кургана на хребтѣ «Юзъ-Оба» близъ Керчи.

19. Видъ «Мелекъ-Чесменскаго» кургана на участкѣ «Глинище» въ Керчи.

поясъ небольшихъ кургановъ; сѣвернѣе поднимается огромный Царскій Курганъ; къ сѣверу-же множество насыпей раскидано по вершинамъ холмовъ; нѣкоторыя

идутъ правильными рядами, среди нихъ громадный «Мелекъ Чесменскій» курганъ; къ западу огромная насыпь «Кара-Оба». Но и всѣ склоны такъ называемой «Митридатовой Горы» и хребта, составляющаго ея продолженіе на западъ съ вершинами «Сахарной Головы», «Долгой Скалы» и пр., усѣяны сплошь древними могилами; съ Юга по хребту горы Юзъ-Оба, начиная отъ Павловскаго мыса, тянется цѣлая цѣпь разнообразнѣйшихъ кургановъ. На азіатской сторонѣ Босфора,

20. Видъ хребта Юзъ-Оба близъ Павловской баттареи.

на Таманскомъ полуостровѣ, особенно многочисленны курганы около ст. Сѣнной, т. е. вокругъ мѣстности древней Фанагоріи, второй столицы Босфора; также цѣпь кургановъ южнѣе мѣстечка Тамани, серія курганныхъ насыпей особенно значительныхъ размѣровъ (такъ наз. «Близницы», «Васюрина Гора») по среднему хребту полуострова и ряды, уходящіе по направленію къ Темрюку и по грядѣ холмовъ, окаймляющей теченіе Кубани («Семь Братьевъ»). Отъ этого главнаго ствола отдѣльныя вѣтви тянутся по притокамъ Кубани на Югъ, къ предгорьямъ Кавказа. Особая группа курганныхъ насыпей сосредоточена вокругъ городка Анапы. Между собственно греческими курганами размѣстились повсюду, но по преимуществу уже въ долинахъ, курганы скиѳо-сарматскаго происхожденія римской и позднѣйшей эпохи. Большая часть греческихъ и греко-римскихъ кургановъ заключаетъ въ себѣ могилы, принадлежащія къ временамъ отъ V-го вѣка до Р. Х. — до II-го вѣка послѣ Р. Х., Грековъ или туземцевъ, стоявшихъ подъ непосредственнымъ Эллинскимъ вліяніемъ. Но въ этихъ могильныхъ памятникахъ наблюдаются и нѣкоторые слѣды варварскихъ обычаевъ, напр. погребеніе съ покойникомъ убитыхъ на его тризнѣ рабовъ. Такъ, въ 1846 г. въ Керчи встрѣтили гробницу, гдѣ лежало два остова мужчины въ шерстяной и льняной одеждѣ и женщины въ кожаномъ саванѣ; на головахъ обоихъ были надѣты лавровые вѣнки; повидимому, это господинъ, погребенный со своею рабыней. Въ знаме-

нитой Куль-Обской гробницѣ рядомъ съ огромнымъ царскимъ саркофагомъ на полу лежалъ остовъ женщины, причемъ стѣнка саркофага, обращенная къ ней, была вынута, а у задней стѣны на полу-же лежалъ остовъ мужчины, можетъ быть конюшаго, рядомъ съ остатками лошади. Въ колоссальномъ курганѣ близъ сел. Баксы вся изящная греческая посуда оказалась разбитою тремя умерщвленными въ самомъ склепѣ конями. Можно съ увѣренностью предположить, что такія гробницы принадлежали царямъ или вождямъ сосѣднихъ варварскихъ народовъ, нерѣдко властвовавшимъ и надъ Босфоромъ. О такомъ обычаѣ у царскихъ Скиѳовъ говоритъ Геродотъ въ знаменитомъ описаніи скиѳскихъ похоронъ (IV, 71 сл.). Объ этихъ варварскихъ погребеніяхъ упоминаетъ Лукіанъ: «Сколько умерщвляется на могилахъ лошадей, наложницъ, виночерпіевъ! Сколько одеждъ, уборовъ сожигается или зарывается въ землю вмѣстѣ съ умершими!...» Источники благоговѣйныхъ погребальныхъ обрядовъ у Грековъ лежали въ весьма распространенномъ у всѣхъ народовъ древности вѣрованіи, что тѣни умершихъ обрѣтаютъ покой, если земные ихъ останки преданы должному погребенію. Такія вѣрованія заставляли заботиться о погребеніи даже случайно найденныхъ труповъ, или враговъ, если только этому не препятствовало особое озлобленіе. Для всякаго Грека не было мысли болѣе ужасной, какъ та, что тѣло его можетъ остаться безъ надлежащаго погребенія. А если неудавалось найти тѣла покойнаго, родственники считали своимъ долгомъ соорудить ему «пустую гробницу» — «кенотафій». Только измѣнникъ или лицо, совершившее тяжкое преступленіе, лишались погребенія. «Быть погребеннымъ своими потомками прилично и торжественно» считалось, по словамъ Платона, вѣнцомъ счастливой земной жизни. У Грековъ существовало рядомъ два вида погребенія — сожженіе и собственно погребеніе. Въ историческое время оба способа примѣнялись безразлично: по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ, чѣмъ обусловливался выборъ того или другаго. Въ гробницахъ Босфора оба вида существуютъ, повидимому, одновременно: рядомъ съ погребальнымъ склепомъ встрѣчали и пепловыя урны, но такъ называемыя «жженыя точки» суть мѣста тризницъ, не погребенія, и въ самыхъ урнахъ чаще положены бывали кости жертвенныхъ животныхъ.

Курганы у Грековъ, какъ и у другихъ народовъ, являются древнѣйшею формой почетнаго погребенія: надъ героями Иліады насыпаются курганы, какъ и надъ павшими при Мараѳонѣ. Страбонъ (XI, 2, 7) говоритъ о могильномъ курганѣ на азіатскомъ берегу Босфора: отъ Ахилліона «до памятника Сатира считается 90 стадій. Это могила, насыпанная на мысѣ въ память одного изъ могущественнѣйшихъ владыкъ Босфора». Могилу эту отождествляютъ съ теперешнимъ грязнымъ вулканомъ Куку-Оба. Но ни одинъ курганъ доселѣ не могъ быть отождествленъ съ мѣстомъ погребенія какого-либо историческаго лица. Лишь благодаря чисто греческому стилю вещей, извлеченныхъ изъ кургановъ цѣпи «Юзъ-Оба» близъ Керчи, установилось мнѣніе о ихъ принадлежности архонтамъ Босфора.

Керченскіе курганы насыпались изъ земли, которая бралась тутъ-же, почему и замѣчаются нерѣдко около нихъ большія ямы. При насыпкѣ нѣкоторыхъ употреблялся и камень, которымъ, иногда въ нѣсколько поясовъ, вокругъ обсыпался

вмѣстѣ съ землею и заваливался склепъ, чтобы предохранить его отъ разграбленія. Морская трава (Zostera maritima) или «камка» слоями покрываетъ вмѣстѣ съ ракушками внутри основанія кургановъ на Таманскомъ полуостровѣ. Нерѣдко для прочности курганы обкладывались камнемъ и у подошвы часто опоясывались стѣною въ видѣ террасы, предназначаемой для укрѣпленія скатовъ кургана. Стѣны эти дѣлались или очень грубо изъ едва отесанныхъ кусковъ камня, что придаетъ имъ видъ такъ называемыхъ циклопическихъ, напр. на Кульобѣ, Золотомъ и др., или весьма тщательно изъ правильныхъ прямоугольныхъ плитъ, нерѣдко украшенныхъ такъ называемыми «рустиками», т. е. выступами на наружной поверхности камня, напр. на Павловскомъ курганѣ. Одинъ курганъ на Юзъ-Оба окруженъ двумя концентрическими стѣнами, сложенными изъ тесаныхъ плитъ, а смежный съ нимъ, такъ называемый Острый Курганъ, заключалъ въ насыпи ограду изъ нѣсколькихъ рядовъ огромныхъ тесаныхъ плитъ, которая образуетъ вокругъ кургана правильный восьмиугольникъ. Въ самой насыпи кургановъ попадаются очень часто черепки простыхъ амфоръ и росписныхъ вазъ; нерѣдко въ курганной насыпи сверху находятъ цѣлый поясъ изъ амфоръ. Лучшіе росписные сосуды, иногда особенно большихъ размѣровъ кратеры, бившіеся на тризнѣ, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ курганныхъ насыпей.

При изслѣдованіи кургана встрѣчающіяся прослойки каменныхъ отесковъ отъ постройки склепа на мѣстѣ указываютъ путь къ склепу.

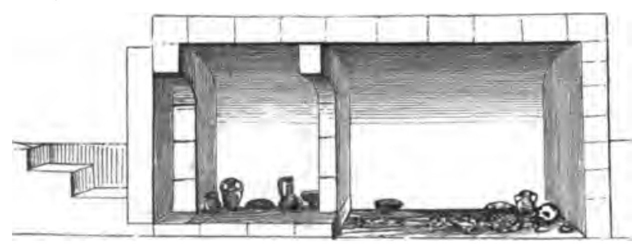
Число гробницъ въ курганѣ разнообразно: отъ одной до десяти; въ одномъ курганѣ попадаются гробницы первоначальныя и впущенныя въ послѣдствіи, а потому и разныхъ родовъ и разныхъ эпохъ. Часто замѣчаются особыя присыпи къ первоначальному кургану съ позднѣйшими или второстепенными могилами.

Обычный способъ устройства могилъ съ курганной насыпью слѣдующій: выровнявъ площадь, рыли въ ея срединѣ большую яму въ материкѣ и въ ней выкладывали камнемъ гробницу (такъ наз. «погребокъ») или же основанія склепа, поднимавшагося надъ уровнемъ площади. Въ сторонѣ устраивали иногда склепъ женскій и гробницы рабовъ, на томъ-же уровнѣ справляли тризну и все мѣсто засыпали землею, возводя курганъ, въ насыпи котораго помѣщали тѣла убитыхъ лошадей. Главная гробница не всегда находится въ центрѣ насыпи: во многихъ курганахъ Юзъ-Оба она приходится въ сторонѣ его. Въ Остромъ курганѣ усыпальницей служила катакомба, высѣченная внутри скалы; подъ нимъ насыпь ни одной могилы въ себѣ не заключала и служила только памятникомъ.

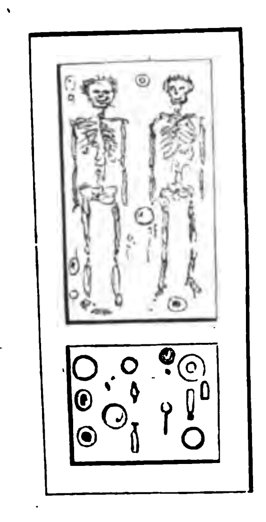
При розысканіяхъ гробницъ дѣлается очевиднымъ, что курганы со склепами подвергались разграбленію еще въ древности, когда знали ихъ устройство и содержаніе; немного склеповъ оставлено не разграбленными. Грабители проникали въ склепъ узкими минами, слѣды которыхъ наблюдаются въ нарушенныхъ слояхъ курганной насыпи; въ 1847 году нашли въ минѣ остовы двухъ, засыпанныхъ обваломъ, грабителей: они найдены были стоя, у поясовъ ихъ были желѣзные мечи, у ногъ лопаты, а рядомъ съ однимъ 54 бронзовыхъ монеты царя Евмела (около 170 до Р. Х.) или Евпатора Митридата.

«Жженые точки» тризнищъ представляютъ обыкновенно яму, наполненную перегорѣвшими остатками погребальной тризны; иногда эти ямы прикрыты досками

и бревнами или камнями. Въ нихъ находятъ жженыя кости, уголь, золу, разный мусоръ, множество черепковъ отъ простыхъ, черныхъ и росписныхъ сосудовъ и отъ алавастровъ, перегорѣвшіе куски желѣза и мѣди, мѣдные обивные гвоздики и истлѣвшіе куски дерева, простаго и съ позолотой, обломки золоченыхъ алебастровыхъ украшеній, но также и дорогіе перстни, которые, въ знакъ печали, бросали тоже въ огонь. Всѣ эти предметы показываютъ слѣды дѣйствія огня. Подобное кострище встрѣчено на вершинѣ одного изъ Юзъ-Обскихъ кургановъ: съ обложкою изъ бутовыхъ камней, сверху прикрытыхъ деревянными брусьями. Здѣсь найденъ и массивный золотой перстень, съ вырѣзанной на немъ сидящей женской фигурой. Въ земляныхъ могилахъ, иногда покрытыхъ каменными плитами, рѣдко находятъ при покойникахъ цѣнныя вещи: обыкновенно мѣдная монета во рту — плата Харону за перевозъ черезъ Стиксъ, — пряжка на поясѣ, да простой глиняный кувшинъ у ногъ составляютъ все ихъ имущество. Въ большинствѣ могилъ остовы лежатъ головой на востокъ, т. е. лицемъ къ западу, гдѣ представлялась страна мертвыхъ. Стѣны нерѣдко обмазывались известью и красились иногда въ красный, — иногда же въ бѣлый цвѣтъ; въ такихъ могилахъ остовы лежатъ иногда въ деревянныхъ гробахъ. Въ могилахъ, покрытыхъ каменными плитами, находятъ сосуды хорошей работы и глинянные и стеклянные, золотыя украшенія, лампочки, терракоттовыя статуэтки и т. п. Позднѣйшій видъ гробницъ представляютъ тѣ, стѣны которыхъ выложены сырцовымъ кирпичемъ. Гробницы наибольшихъ размѣровъ и наиболѣе богатаго содержанія, выложены каменными плитами. Въ подобныхъ гробницахъ и склепахъ находятъ роскошные саркофаги изъ рѣзнаго, точенаго и раскрашеннаго дерева. Въ саркофагахъ, кромѣ праха, убраннаго золотыми украшеніями, помѣщались сосуды для благоуханій, корзиночка изъ прутьевъ и ларчикъ; вокругъ саркофага ставили вазы, алавастриды.

21. Разрѣзъ склепа въ Артюховскомъ курганѣ, въ окрестностяхъ древней Фанагоріи (станціи Сѣнной), съ пріемною и погребальною камерами.

22. Планъ того-же склепа.

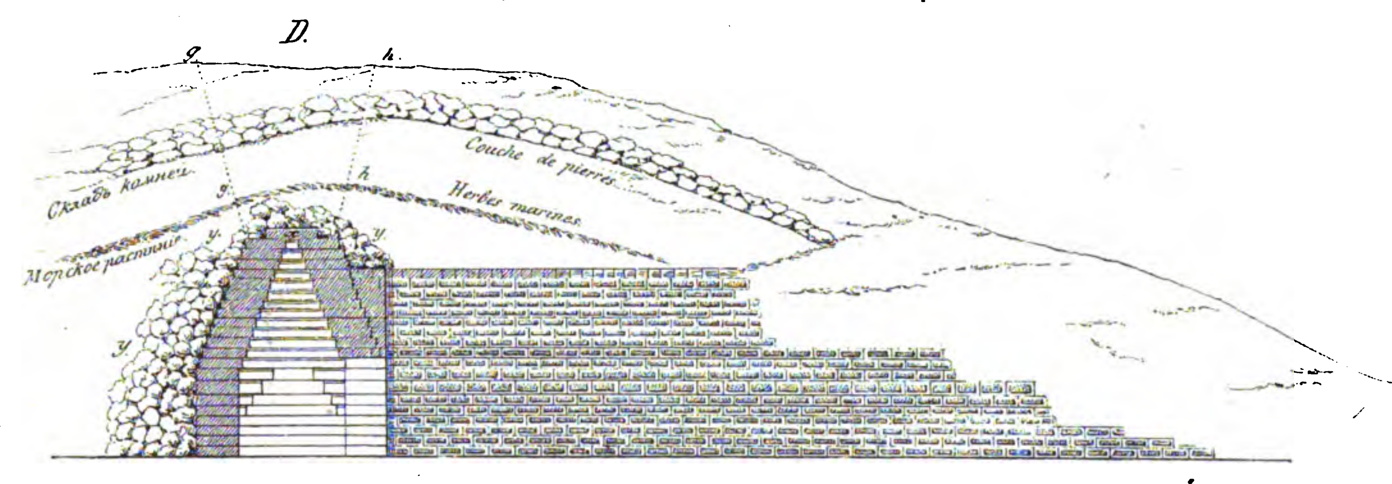
На стѣнкахъ саркофага, среди архитектурныхъ украшеній, помѣщены бываютъ рѣзные барельефы съ изображеніями божествъ прекрасной работы, какъ напр. Геры и Аполлона на саркофагѣ Змѣинаго кургана. Великолѣпный саркофагъ, открытый въ склепѣ кургана близъ Анапы, былъ украшенъ поясомъ изящныхъ рѣзныхъ изъ дерева и позолоченныхъ пластинокъ, представляющихъ Нереидъ лучшаго стиля IV вѣка. Позднѣйшіе деревянные саркофаги, найденные въ Керчи, оказываются покрытыми грубою рѣзьбою, изображающею животныхъ, сцены охоты и проч. Обыкновенно же деревянные гробы украшались гипсовыми прилѣпами,

изображающими Ніобидъ, или гипсовыми масками Горгоны, Пана, Сатира и другими «апотропэями».

23. Стѣна склепа въ курганѣ «Большая Близница» на Таманскомъ полуостровѣ.

Живописнымъ убранствомъ отличается склепъ такъ называемой гробницы Пигмеевъ, открытый на Митридатовой горѣ. Внутреннія стѣны и сводъ покрыты штукатуркой и расписаны: стѣны — въ видѣ панели и каменной кладки; подъ сводомъ — полоса отдѣльныхъ сценъ, изображающихъ борьбу Пигмеевъ съ аистами или журавлями, окаймленныхъ снизу гирляндами и завитками; на щиткахъ подъ сводомъ — двое павлиновъ, пьющихъ изъ одной чаши, и крылатый геній.

24. Разрѣзъ галлереи и ротонды «Царскаго кургана» въ Керчи.

Большею монументальностью отличаются склепы съ передними корридорами, причемъ и самые склепы образуютъ ротонду; такой видъ склепа, оказавшійся въ «Золотомъ» курганѣ съ коническимъ верхомъ, замѣчателенъ по своему сходству съ древнѣйшими памятниками Греціи извѣстными подъ названіемъ «тэзауровъ» (сокровищницъ). Весьма любопытный образецъ представляютъ склепы Царскаго кургана и кургана у Балганака, въ которыхъ на квадратномъ основаніи поставленъ круглый, такъ наз. фальшивый сводъ. Камера обыкновенно бываетъ квадратная, стѣны ея сложены отвѣсно; вмѣсто потолка или свода, слои камней наверху стѣнъ начинаютъ выдвигаться внутрь до тѣхъ поръ, пока не сблизятся настолько,

что отверстіе между ними можно закрыть одною большой плитой. Въ Куль-Обѣ низъ этой плиты обтесанъ точно по величинѣ отверстія, въ которое плита и входитъ частью своей толщины. Саркофагъ стоитъ иногда на особомъ каменномъ помостѣ. Полъ камеры вымощенъ большими плитами. Подъ ними въ склепѣ Куль-Обскаго кургана найдена была могила, вырытая въ почвѣ горы, съ останками человѣка, весьма богатаго, судя по украшеніямъ. Въ южной стѣнѣ того-же склепа вбито было 5 большихъ гвоздей; на нихъ висѣла одежда, золотыя нашивки которой найдены были около стѣны. Корридоръ бываетъ иногда значительной длины (до самой подошвы) и покрытъ такимъ-же способомъ. Въ Царскомъ курганѣ такой ходъ въ гробницу образуетъ монументальную галлерею, выложенную тонко притесанными плитами, но съ «рустиками» на лицевой сторонѣ. Верхняя часть галлереи Золотаго кургана покрыта красною краской. Существованіе гнѣздъ для балокъ въ галлереѣ указываетъ, повидимому, на отдѣленіе ея пріемной камеры особою переборкою. Входъ въ корридоръ загораживался каменною стѣной. Гробница одного изъ Юзъ-Обскихъ кургановъ, построенная по этому-же способу, состоитъ изъ галлереи и двухъ камеръ, слѣдующихъ одна за другой; въ каждой изъ нихъ стояло по роскошному деревянному саркофагу, заключавшему—каждый по остову, головой на востокъ. Подобный-же двойной склепъ къ сѣверу отъ города; вторая большая камера крыта египетскимъ сводомъ, стѣны выштукатурены и были росписаны фресками: противъ входа—два всадника, а по боковымъ стѣнамъ птицы въ квадратахъ. По вещамъ, найденнымъ въ немъ, его нужно отнести къ IV в. до Р. Х.

Таковы виды склеповъ, относящихся къ болѣе древнему времени. Въ позднѣйшую эпоху прибавляются склепы сводчатые, съ украшеніями уже римскаго характера, и катакомбы. Своеобразное могильное сооруженіе на новомъ карантинѣ въ видѣ возвышенія, окруженнаго «циклопическою» стѣною изъ огромныхъ камней, состояло изъ двухъ камеръ, вырубленныхъ въ скалѣ. Въ камерахъ находились два мраморныхъ саркофага: одинъ простой, другой въ видѣ богатаго ложа, на которомъ возлежатъ фигуры супруговъ, какъ на этрусскихъ и римскихъ саркофагахъ; къ сожалѣнію, саркофагъ этотъ найденъ былъ разбитымъ, многихъ кусковъ не хватало.

Въ окрестностяхъ Керчи, равно какъ и на азіатской сторонѣ Босфора, находятъ очень много надгробныхъ плитъ, украшенныхъ рельефами, изображающими покойнаго то воиномъ на конѣ, то среди семьи, то на пиру, имѣющемъ, повидимому, значеніе «тризны», или же погребальной трапезы.

Плита сводится вверху фронтономъ, какъ своего рода «героонъ», aedіculum, т. е. священный памятникъ умершаго. Но если въ Греціи памятники такого рода въ IV в. до Р. Х. достигаютъ высокаго художественнаго достоинства, то ни одна изъ надгробныхъ плитъ, найденныхъ на Босфорѣ, ни по стилю изображеній, ни по характеру надписей, не можетъ быть отнесена ко времени древнѣе III стол. до Р. Х., тогда какъ большинство ихъ относится къ греко-римской эпохѣ.

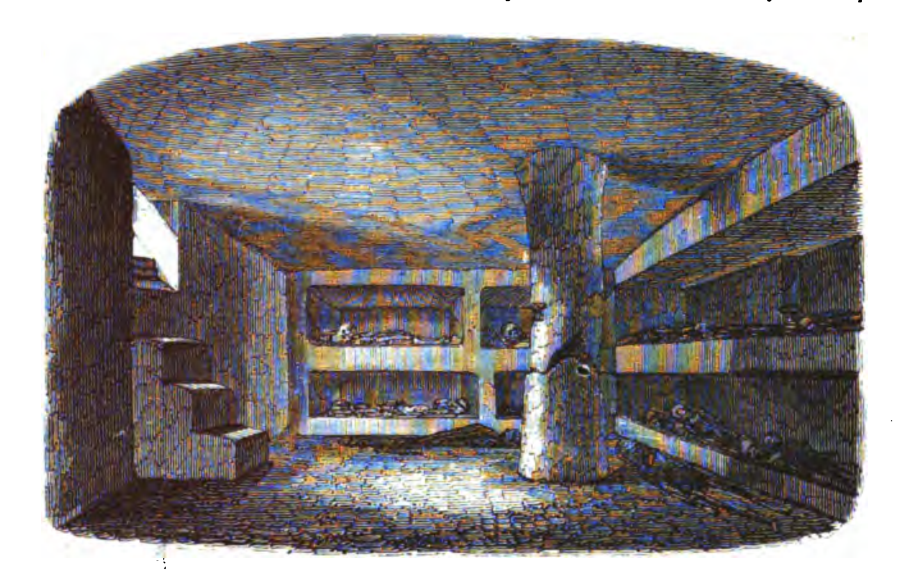
Особо замѣчательнымъ видомъ погребенія являются такъ наз. катакомбы, встрѣчаемыя во множествѣ въ Керчи, рѣже въ окрестностяхъ древней Фанагоріи и на мѣстности Херсонеса. Обычный типъ катакомбы, устраиваемой на скали-

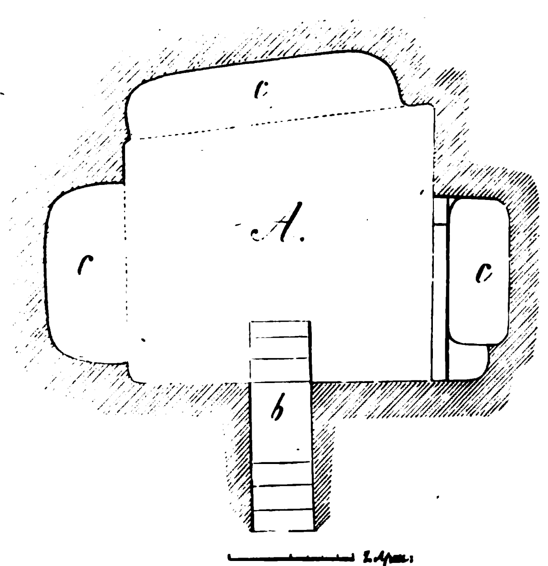
стыхъ склонахъ холмовъ, въ каменной ихъ толщѣ, мало чѣмъ отличается отъ простыхъ каменныхъ гробницъ, только онѣ снабжены всегда крышею, и коль скоро не разграблены, что случается, впрочемъ, рѣдко, то бываютъ всегда закрыты приваленнымъ у входа камнемъ. Но въ позднѣйшую эпоху Пантикапеи возникаютъ въ ней катакомбы подъ землею, вырывавшіяся въ слоѣ материковой

Извѣстковыя плиты съ надгробными (26, 27) и обѣтною (25) надписями изъ Керчи: 25 — въ честь Афродиты Ураніи и въ память царю Перисаду и женѣ его Камасаріи отъ синода θіаса; 26 и 27— отъ синода греческаго двумъ дѣлопроизводителямъ одного рода. На первомъ памятникѣ во фронтонѣ представлена Афродита, летящая на лебедѣ, съ Эротомъ и двѣ фигуры Ники на корабельныхъ носахъ; на прочихъ двухъ стелахъ изображеніе умершихъ.

глины, на сѣверныхъ покатостяхъ горы Митридата, иногда на глубинѣ двухъ, трехъ и нѣсколько болѣе саженъ отъ поверхности. Повидимому, въ древности

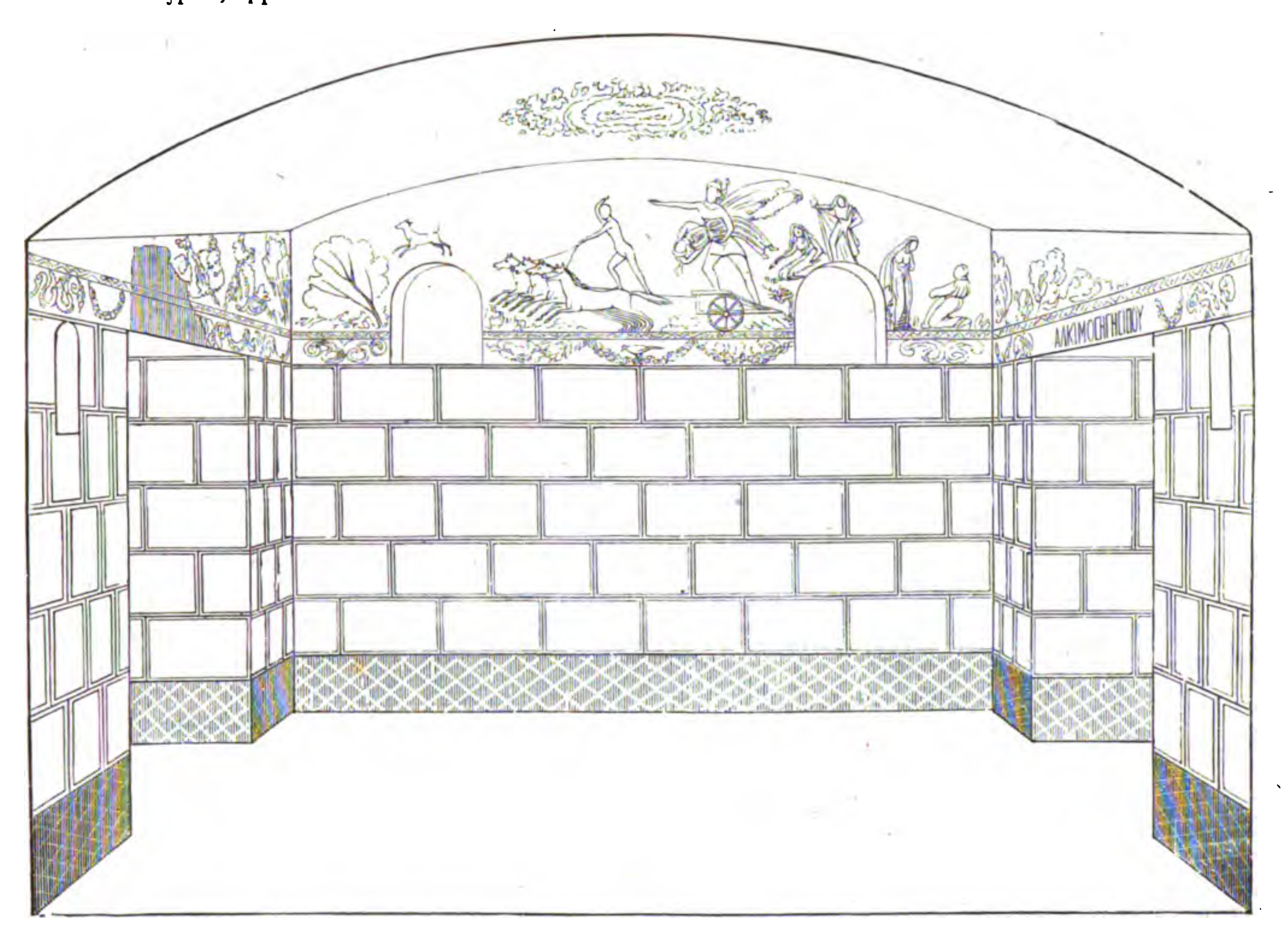
28 — 29. Видъ и планъ катакомбы въ Херсонесѣ.

эта холмистая покатость образовывала болѣе глубокіе, чѣмъ нынѣ, овраги, и по склонамъ ихъ рядами (которыхъ насчитывается доселѣ до пяти) шли катакомбы. Входы въ погребальныя камеры катакомбы устраивались, какъ и въ склепахъ кургановъ, въ видѣ галлереи, иногда выложенной по всѣмъ сторонамъ плитами мѣстнаго известняка, и образуютъ нынѣ глубокіе колодцы, засыпанные землею; входъ въ камеру закрытъ плитою; самая камера имѣетъ отъ шести до девяти квадратныхъ саженъ. На особыхъ лежанкахъ, высѣченныхъ изъ того-же слоя глины, клались покойники на подстилкѣ изъ лубка, травы и пр., или же въ деревянныхъ гробахъ; камера наполнялась множествомъ сосудовъ, разныхъ предметовъ утвари и ея подобій, ставшихся въ особыхъ нишахъ, и если катакомба оказывалась цѣла, то находки въ ней составляли разомъ цѣлое собраніе античныхъ предметовъ.

Разграбленіе катакомбъ началось еще въ древности и значительно облегчалось тѣмъ, что грабители, попадая на рядъ катакомбъ, проникали изъ одной въ другую проломами въ стѣнѣ, и забирали всѣ лучшія и цѣнныя вещи.

Однако, большинство катакомбъ, относясь къ II — III столѣтіямъ по Р. Х., даетъ предметы наиболѣе грубаго ремесленнаго производства. Таковы: вазы, покрытыя живописью водяными красками, исчезающею послѣ того, какъ ихъ вынесутъ изъ катакомбы на свѣжій воздухъ, грубые глинянные гротески и «уродцы» между статуэтками, разныя лампочки и пр.

Историческій интересъ катакомбъ заключается въ росписи иныхъ, по штукатуркѣ, фресковою живописью.

30. Катакомба, открытая въ Керчи въ 1867 г.

Катакомба, открытая въ 1841 году, содержала въ себѣ двѣ погребальныя камеры, богато росписанныя въ два пояса рядомъ сценъ со множествомъ фигуръ. Мы видимъ здѣсь послѣдній пиръ умершаго съ семьею, среди богатой обстановки, передъ отъѣздомъ на войну съ варварами. Два отряда пантикапейской конницы и варваровъ столкнулись надъ грудою павшихъ тѣлъ; въ битвѣ, былъ смертельно раненъ и хозяинъ этого богатаго дома. Въ отдѣльныхъ миѳологическихъ сценахъ

преслѣдованія и похищенія Коры Плутономъ, блужданія Деметры съ факеломъ, появленія Гермеса Психопомпа и прощанія хозяина съ семьею за пиромъ, его смерть представляется рокомъ, безвременно похитившимъ его отъ семьи. Подъ пышнымъ рѣзнымъ, убраннымъ гирляндами балдахиномъ, его тѣло, закутанное въ саванѣ, поддерживаютъ стоящая въ головахъ жена и у ногъ любимый рабъ; балдахинъ несутъ 14 рабовъ, провожаютъ горожане въ торжественной процессіи съ музыкою флейтщиковъ. Послѣ похоронъ происходятъ разнообразныя цирковыя игры въ честь умершаго, въ которыхъ искусные укротители показываютъ чудеса ловкости, на конѣ, съ длинною пикою въ рукахъ преслѣдуя и убивая медвѣдя, лань, волка, онагра, барса. Рослые гладіаторы изъ варваровъ, съ желѣзною коническою шапкою на головѣ и въ одномъ препоясаніи по чресламъ, развлекаютъ толпы зрителей битвами на кинжалахъ, охотою на пантеру съ вилами, варвары конными ристаніями, фокусники показываютъ свое мастерство на кошелькѣ и сосудѣ. Плафонъ представляетъ видъ пестрѣющаго цвѣтами степнаго ковра, съ прогуливающимися парами павлиновъ и голубей; по срединѣ, видно съ низу, какъ-бы тянетъ по небу на югъ степная утка.

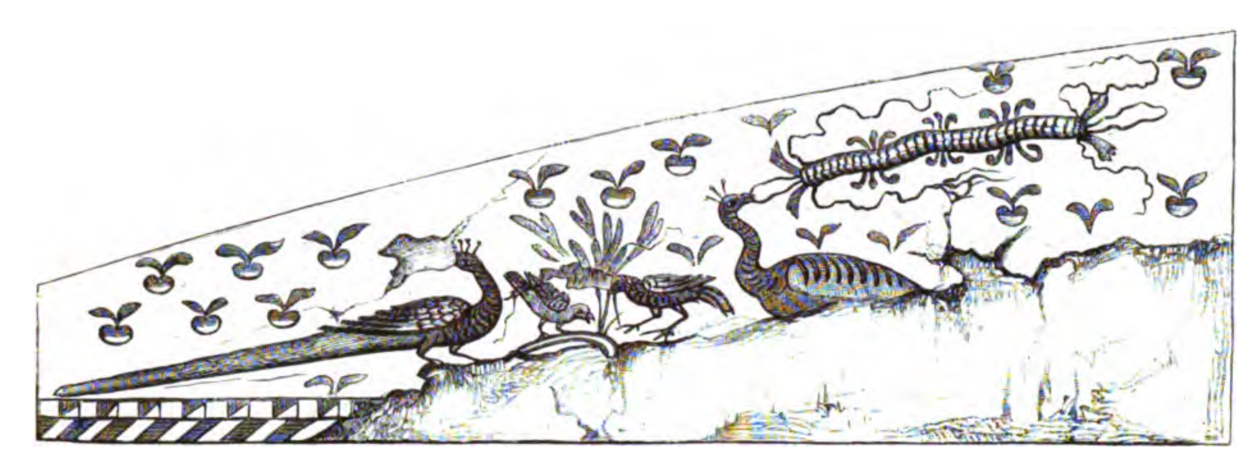
31. Рисунокъ на плафонѣ той-же катакомбы 1867 г.

Въ катакомбѣ, открытой въ 1867 году (рис. 30), надъ нишею, вмѣщавшей прежде саркофагъ, оказалось надписаннымъ имя Алкима, сына Гегесиппа, а на стѣнахъ нарисована была сцена похищенія Коры Плутономъ, съ возницею Гермесомъ и подругами Коры: Артемидою, Аѳиною и Афродитою. На плафонѣ катакомбы изображена голова Коры, украшенная листьями и цвѣтами.

Картины воинскаго быта, изображавшія жизнь и подвиги неизвѣстнаго пантикапейскаго военачальника и представляемыя обширными фресками керченской катакомбы, открытой въ 1872 году, имѣютъ важнѣйшее значеніе для исторіи быта варварскихъ народностей, наводнившихъ Босфорское царство въ теченіи первыхъ столѣтій по Р. Х.

Въ катакомбѣ, открытой въ 1873 году, по стѣнѣ налѣво отъ входящаго (рис. 32) видимъ птицъ и павлиновъ, клюющихъ растенія и цвѣточную повязку, въ видѣ мѣшочка, набитаго цвѣтами и употреблявшагося на пирахъ; на противуположной сторонѣ (рис. 33) четыре пляшущихъ женскихъ фигуръ имѣютъ цѣлью выразить блаженство загробнаго существованія; поле усыпано цвѣтками, каждый съ двумя листочками, грубо изображающими розы, которыми усыпали полъ во время пира и тризны. На стѣнѣ противъ входа (рис. 34 и 35), въ которой имѣющаяся по срединѣ дверь ведетъ изъ этой пріемной камеры въ собственно погребальную, изображено большое дерево, и подъ нимъ три человѣческія фигуры, и сцена битвы двухъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ, смертельно раненый, падаетъ съ лошади.

Въ другой катакомбѣ (рис. 36), открытой въ томъ-же году, на плафонѣ представлена голова Гермеса «Психопомпа» бога отводящаго душу умершаго въ Аидъ и въ полѣ собака Аида — Церберъ съ змѣинымъ хвостомъ.

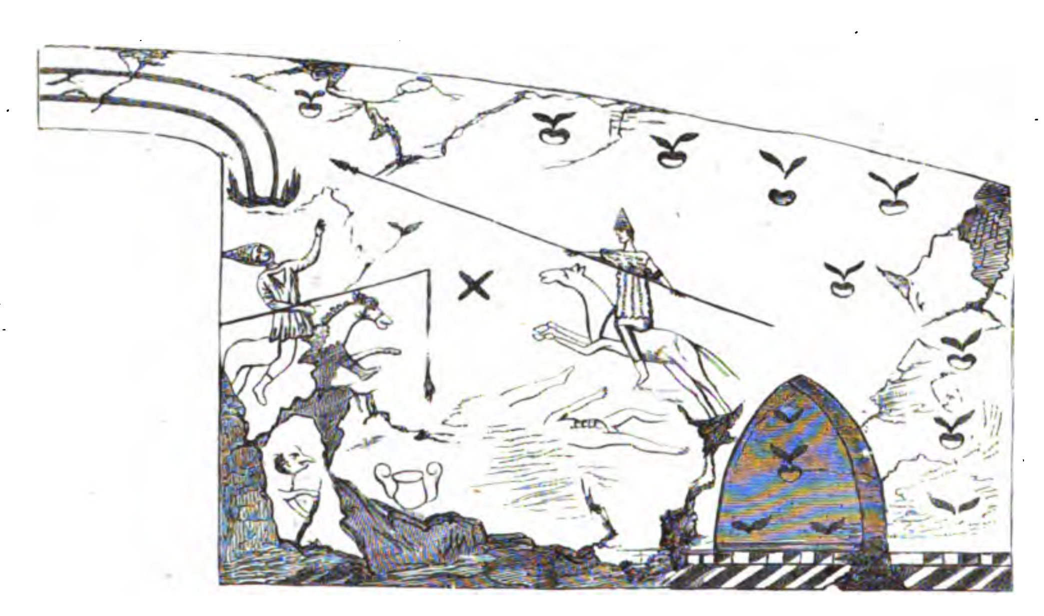

32 — 33. Катакомба, открытая въ Керчи въ 1873 г.

Двѣ найденныя въ катакомбѣ, открытой въ 1875 году (видъ на рис. 37), монеты II столѣтія по Р. Х., равно какъ и тождественный стиль ея росписи и терракоттовыхъ группъ, оказавшихся въ ней, удостовѣряютъ насъ, что и предъидущія катакомбы относятся къ тому-же столѣтію. На главной стѣнѣ, противъ входа представлены Аполлонъ и Артемида, первый на грифонѣ съ лирою въ рукахъ, вторая на быкѣ. На боковыхъ стѣнахъ помѣщены семейныя сцены, служившія особенно часто сюжетомъ скульптурныхъ украшеній на надгробныхъ памятникахъ: хозяинъ семьи (рис. 38), въ зеленой одеждѣ съ рукавами, возлежитъ на ложѣ, къ которому придвинутъ столъ съ посудой; хозяйка дома сидитъ на высокомъ креслѣ, закутанная съ головою въ гиматію; по сторонамъ мужская и женская прислуга; дѣйствіе происходитъ въ саду. Другой поврежденный рисунокъ представлялъ хозяина верхомъ въ сарматскомъ одѣяніи и съ лукомъ, передъ отъѣз-

домъ на охоту или войну, когда слуга подноситъ хозяину послѣдній прощальный кубокъ.

34 — 35. Керченская катакомба 1873 г.

Наконецъ, катакомба, открытая на Митридатовой горѣ въ 1877 году и относящаяся къ I или II стол. по Р. Х., по надписи, пріобрѣтена была нѣкіимъ Анѳестеріемъ, сыномъ Гегезиппа, для своей семьи. Живописная роспись изображаетъ обыденную жизнь хозяина въ степяхъ Южной Россіи и по обычаямъ туземцевъ; жилищемъ служитъ здѣсь изображенный войлочный шатеръ; рядомъ съ шатромъ,

подъ открытымъ небомъ, сидитъ хозяйка, съ дѣтьми, въ сторонѣ пасутся кони; хозяинъ возвращается изъ степи домой, его оружіемъ служитъ малый скиѳскій лукъ и скиѳскій коритъ.

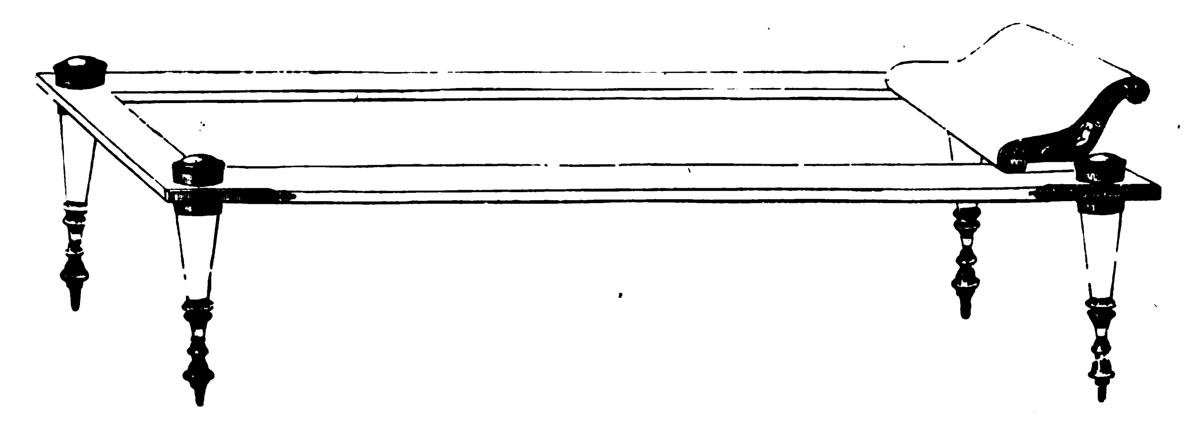
36. Катакомба, открытая въ Керчи въ 1873 г.

Время происхожденія гробницъ пантикапейскаго некрополя можетъ быть лишь въ общемъ опредѣляемо по его мѣстностямъ и по видамъ самыхъ могилъ. Сплошная могильная насыпь, окружающая холмъ «Сахарной головы», содержала въ себѣ гробницы лучшаго времени (V—IV стол. до Р. Х.); каменныя гробницы съ росписными вазами (III вѣк. до Р. Х.) встрѣчаются вплоть до «Золотаго» кургана и идутъ по прямому направленію на западъ отъ древняго Акрополя на Митридатовой горѣ. Къ позднѣйшему періоду относятся кладбища на ея южныхъ склонахъ (III – II вѣк. до Р. Х.) и въ низменностяхъ Глинища съ стеклянными сосудами. Некрополи въ мѣстности Новаго Карантина дали рядъ вазъ болѣе древняго типа (съ черными рисунками), чѣмъ обычный типъ Керчи. Сплошныя могильныя насыпи открываются по частямъ въ мѣстностяхъ Ольвіи, Фанагоріи, Ѳеодосіи, сѣвернаго побережья Азовскаго моря и пр.

Содержаніе гробницъ заключается въ предметахъ двоякаго рода: собственно погребальнаго чина, и предметовъ обычнаго убора и житейской обстановки умершаго. Количество предметовъ перваго рода, зависящее отъ самаго устройства гробницы, умаляется въ бѣдныхъ земляныхъ могилахъ до одной вещи — мѣдной

37 — 38 — 39. Катакомба, открытая въ Керчи въ 1875 году.

40. Погребальное ложе изъ кургана близъ Фанагоріи.

41. Терракотовая маска Аріадны изъ Керчи.

монетки въ зубахъ покойника, извѣстной подъ именемъ «монеты Харона», и расширяется въ пышныхъ склепахъ до разнообразной погребальной обстановки.

42. Терракотовая маска Діониса изъ Керчи.

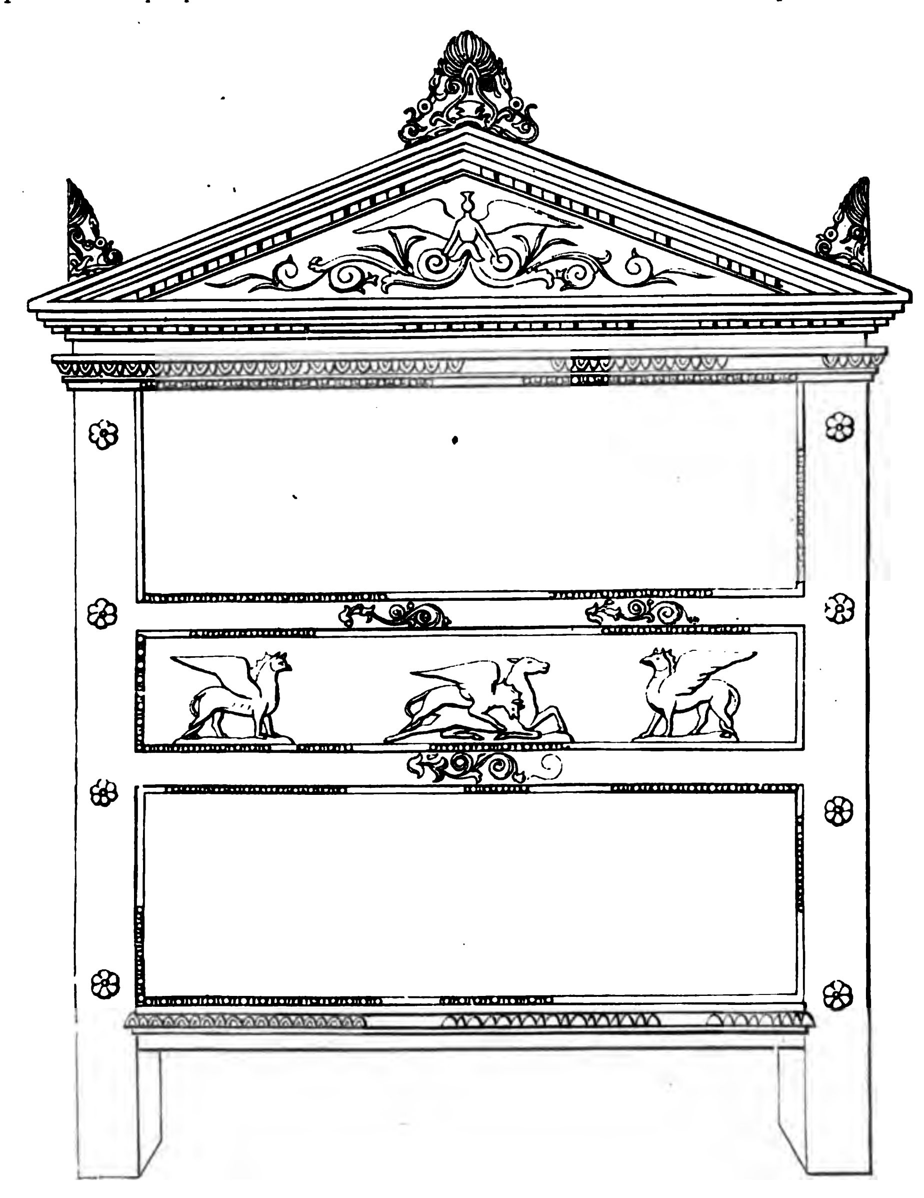

43. Золотая головка грифона изъ кургана «Большая Близница».

Въ слояхъ курганной насыпи, также близъ склепа, на материкѣ, и въ особыхъ ямахъ и подъ каменными завалами, разсѣяно бываетъ множество разныхъ принадлежностей погребенія, болѣе или менѣе разрушенныхъ. Въ самомъ склепѣ старались иногда сохранить лучшія принадлежности, напр. по гребальныя ложа.

Погребальное ложе дѣлалось обыкновенно изъ дерева и, повидимому, сжигалось на тризнѣ. Остатки

точеныхъ и рѣзныхъ балясинъ ложа и балдахина, его покрывавшаго, нерѣдко встрѣчаются при раскопкахъ какъ самыхъ могилъ, такъ и мѣста тризнищъ. Доселѣ

44. Саркофагъ изъ кургана Таманскаго полуострова.

удалось составить одно ложе (рис. 40), найденное въ 1879 году въ окрестностяхъ древней Фанагоріи (близъ станціи Сѣнной на Таманскомъ пол.). Надъ большою каменною могилой, тщательно выштукатуренною внутри, двухъ покойниковъ, мужчины и женщины, въ насыпи кургана найдены были сложенныя въ кучу бронзовыя части

этого ложа. Деревянныхъ частей его сохранилось очень мало: дерево или сгорѣло или истлѣло. Сравненіе сохранившихся частей съ подобными ложами, найденными въ Помпеѣ, позволило реставрировать недостающія деревянныя части, какъ видно на рисункѣ 40. Одинъ изъ наличниковъ спинки украшенъ по срединѣ изображеніемъ Афродиты, покровительницы супруговъ, съ четырьмя Эротами — музыкантами, а въ медальонахъ по краямъ — бюстами двухъ Эротовъ: одного — младенца, другаго — отрока. Во всѣхъ почти могилахъ людей зажиточныхъ прахъ покоится въ Саркофагѣ, который рѣдко оказывается въ достаточной цѣлости. По своимъ художественнымъ формамъ, крышкамъ, рѣшетчатымъ балюстрадамъ, колонкамъ, пилястрамъ эти памятники соотвѣтствуютъ изящнымъ вкусамъ современной имъ эпохи. Кромѣ архитектурныхъ мотивовъ саркофаги украшались живописью и скульптурой; такъ, доски отъ саркофага Куль-Обскаго кургана расписаны картиной, изображающей похищеніе дочерей Левкиппа Діоскурами. Украшавшія гробы гипсовыя маски разнообразились театральными вакхическими сюжетами; маски прикрѣплялись и къ стѣнамъ гробницы и къ саркофагамъ. На одномъ изъ послѣднихъ мѣста, на которыя прилѣплены были отдѣльныя фигуры, обозначены буквами, чтобы мастеръ не перепуталъ ихъ порядка. Эти лѣпные украшенія или золотились или раскрашивались.

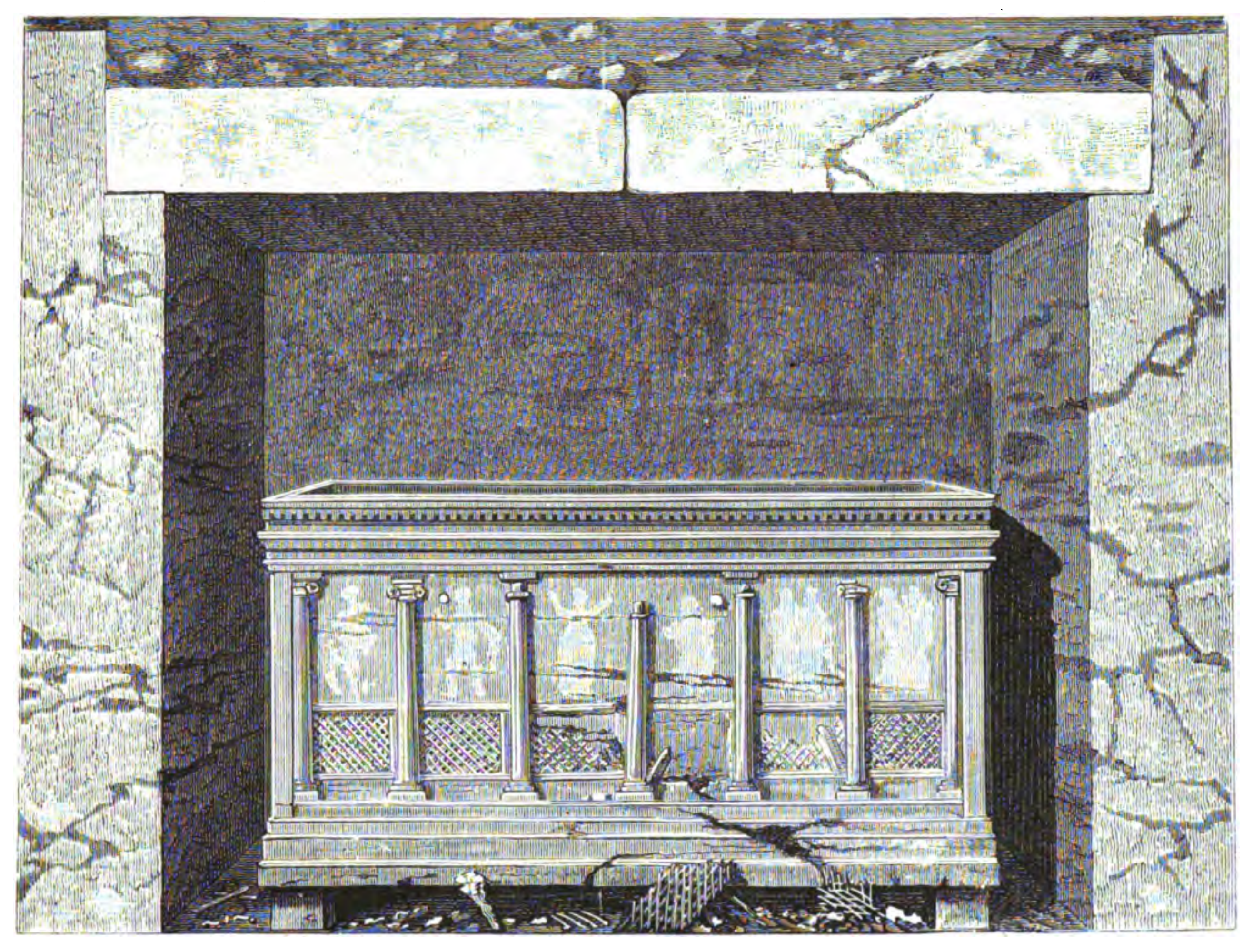
45. Саркофагъ изъ кургана Таманскаго полуострова.

Маска изображенная на рис. 41, грудь и руки которой отломаны, представляетъ или Аріадну, или вакханку, на что указываетъ вѣнокъ (стефанэ) и завитки волосъ въ видѣ виноградинъ, часто являющіеся на вакхическихъ маскахъ. Подобнаго-же типа и стиля маска бородатаго Діониса, найденная въ гробницѣ на Митридатовой горѣ (рис. 42).

Вообще вакхическаго характера маски имѣли значеніе охранителей покойника отъ злыхъ подземныхъ духовъ. Иногда деревянные саркофаги украшались даже золотыми фигурками. Такое назначеніе имѣли, вѣроятно, девять головокъ грифовъ, найденныя въ 1868 году въ склепѣ Большой Близницы (рис. 43).

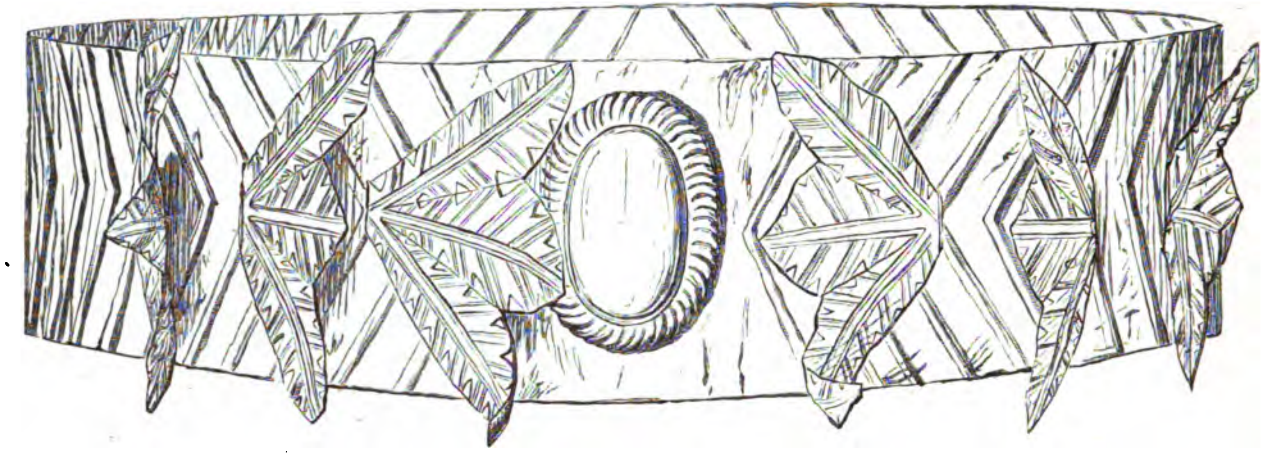
Саркофагъ этого склепа совершенно истлѣлъ: отъ него остались только бронзовые гвозди да эти золотыя украшенія. Саркофагъ Таманскаго кургана (рис. 44 и 45) былъ росписанъ, покрытъ рѣзными изображеніями грифовъ, которые могли имѣть подобное маскамъ Горгоны значеніе стражей покоя умершаго.

Саркофагъ изображенный на рисункѣ 46 найденъ въ 1874 году на Митридатовой горѣ, въ гробницѣ, высѣченой въ скалѣ и прикрытой двумя плитами.

46. Саркофагъ изъ гробницы на Митридатовой горѣ.

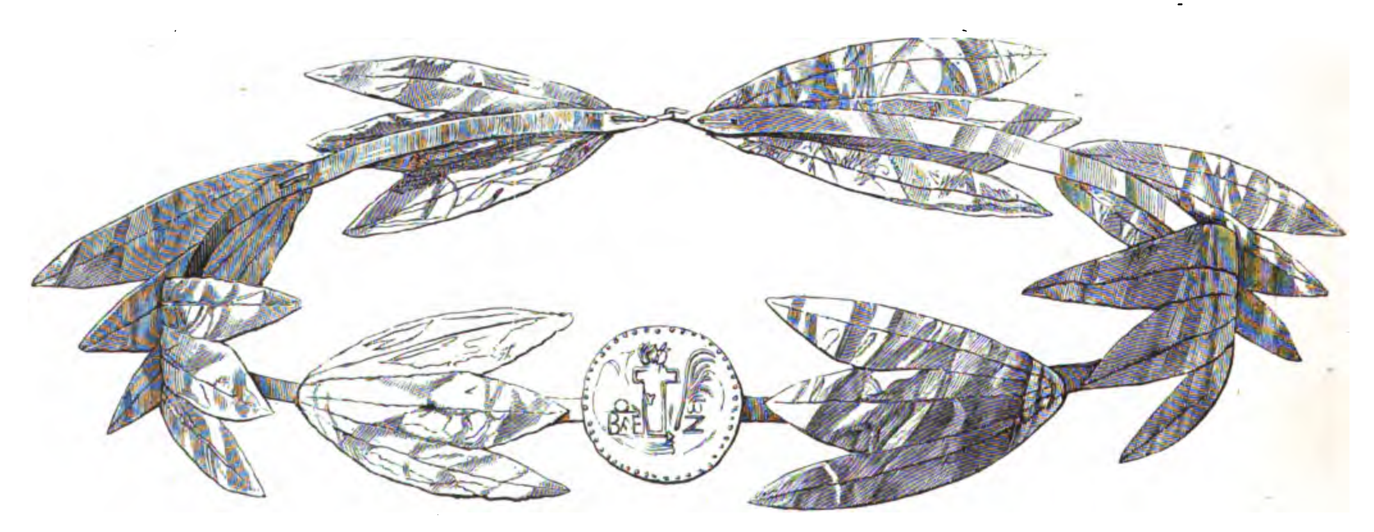
Саркофагъ, крыша котораго не сохранилась, представляетъ подобіе храмика. Н боковыхъ стѣнкахъ находятся по три іоническихъ колонны, а между ними пилястры, соединенные арками; въ одной изъ этихъ аркадъ сохранилась прикрѣпленной гипсовая росписная фигура. Такія-же фигуры были и въ остальныхъ промежуткахъ, какъ то видно по незакрашеннымъ мѣстамъ, къ которымъ онѣ были прикрѣплены, и по обломкамъ ихъ, лежавшимъ на полу гробницы. Очевидно, эти фигуры подражаютъ статуямъ въ колоннадахъ храма, образуя собою сюжетъ гибели дѣтей Ніобы. Тщательно выдѣланныя рѣшетки между колоннами подражаютъ рѣшеточнымъ преградамъ отъ толпы храмовъ, судилищъ, театровъ. Саркофагъ относится къ IV или началу III вѣк. до Р. X. Позднѣе вмѣсто деревянныхъ появились саркофаги каменные и деревянные гроба. Каменные саркофаги имѣли

47 Золотой вѣнокъ съ листьями селиноса.

48. Вѣнокъ съ индикаціею Императора Филиппа.

49. Вѣнокъ съ индикаціею царя Евлема или Митридата.

форму или ящиковъ, которые иногда прямо зарывались въ землю, или нѣкотораго подобія домовъ въ видѣ ящиковъ съ двускатными крышами или, наконецъ, какъ напр. саркофагъ паросскаго мрамора, найденный на Новомъ Карантинѣ, въ видѣ роскошнаго ложа со стѣнками, украшенными рельефами, на которомъ возлежали въ торжественной позѣ погребенные въ немъ супруги, какъ на нѣкоторыхъ этрусскихъ и римскихъ саркофагахъ. Тѣла умершихъ находили обыкновенно на подстилкѣ изъ лавровыхъ листьевъ, морской травы или даже стружекъ, иногда составлявшихъ набивку тюфяковъ и подушекъ, матерія которыхъ истлѣла. Покойника одѣвали въ лучшія его одежды, съ драгоцѣнными ихъ украшеніями, иногда нарочито изготовлявшимися для погребенія.

Уборъ изъ золота и вообще драгоцѣнные предметы составляютъ, неоспоримо, особенность южно-русскихъ некрополей, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ древностяхъ собственной Греціи: въ меньшемъ количествѣ такіе предметы открывались лишь въ Этруріи и отчасти Великой Греціи. Аналогическое пристрастіе къ золотымъ украшеніямъ у варварскихъ племенъ Южной Россіи указываетъ на общность вкусовъ. Но золотыя издѣлія, находимыя на Босфорѣ, представляютъ въ то-же время лучшіе образцы ювелирнаго дѣла у Грековъ. Въ техническомъ отношеніи, кромѣ литья, чеканки и художественной рѣзьбы, эти издѣлія примѣняютъ особенно часто филигрань двухъ видовъ: собственной филиграни, т. е. металлическихъ нитокъ изъ зеренъ, спаянныхъ другъ съ дру-

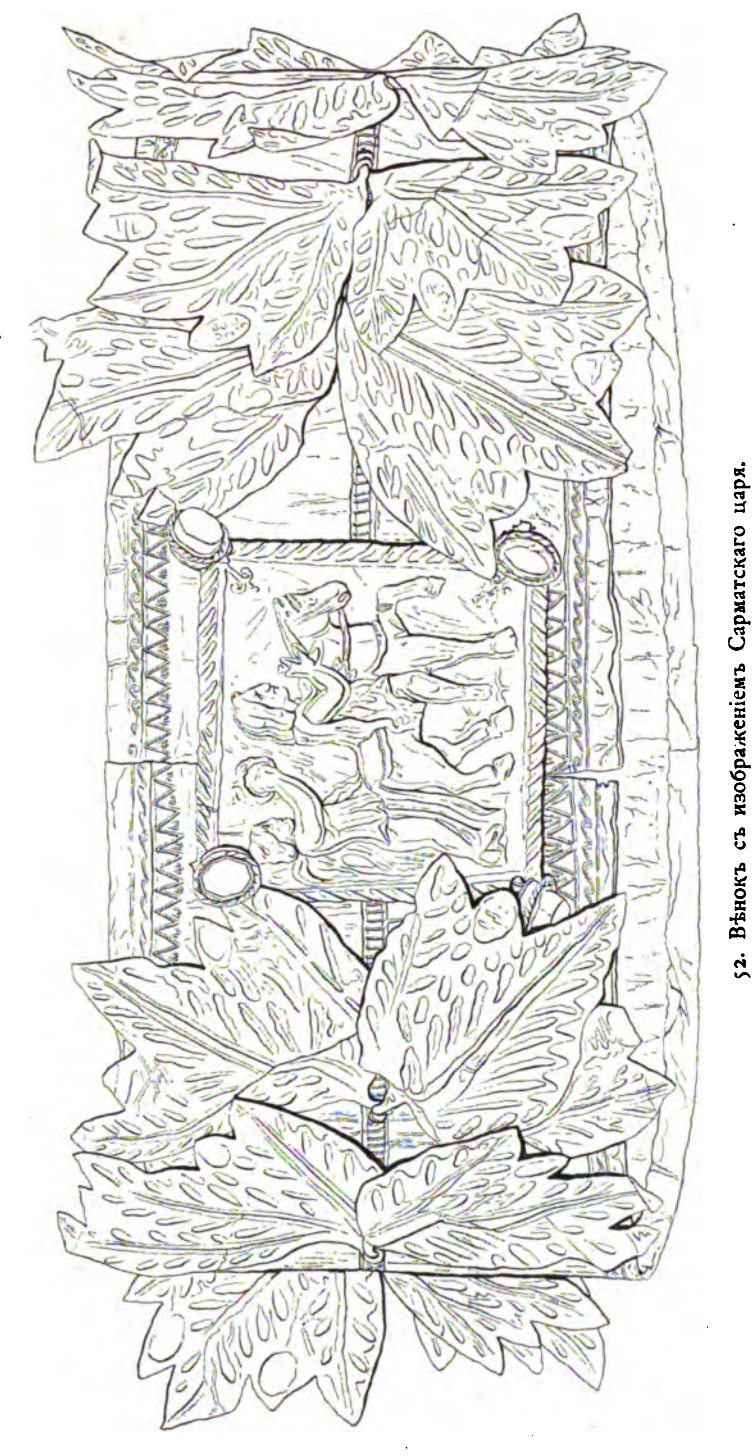

50. Вѣнокъ съ изображеніемъ Геліоса.

51. Вѣнокъ съ гранатомъ, на которомъ изображена Артемида.

гомъ, и вида, носившаго въ древней Руси названіе «скани», т. е. ссученныхъ по двѣ тонкихъ (у Грековъ золотыхъ) проволоки. Узоры, разводы, листочки и вѣточки, даже фигурки, образованныя сканью или филигранью, накладывались на золотой фонъ и составляли на немъ орнаментальный или фигурный рисунокъ или же ажурное украшеніе. Для приданія большаго блеска и разнообразія служили эмаль и цвѣтные камни.

52. Вѣнокъ съ изображеніемъ Сарматскаго царя.

Обычнымъ убранствомъ головы покойника были золотые вѣнки, напоминавшіе собою вѣнки изъ зелени и цвѣтовъ, которыми украшались пирующіе, — отсюда эмблематически связанные съ тризною и вѣрованіями въ загробную жизнь. Вѣнковъ этихъ сохранилось множество. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы въ подражаніе вѣтвямъ и гирляндамъ лавровымъ и масличнымъ, нѣкоторыя изъ листьевъ сельдерея. Выдѣлка погребальныхъ вѣнковъ была иногда небрежная и въ нихъ нельзя различить, какіе листья хотѣлъ изобразить мастеръ; но нерѣдко эти предметы отличаются высоко - художественною работою; средина

53. Вѣнокъ съ головой Медузы.

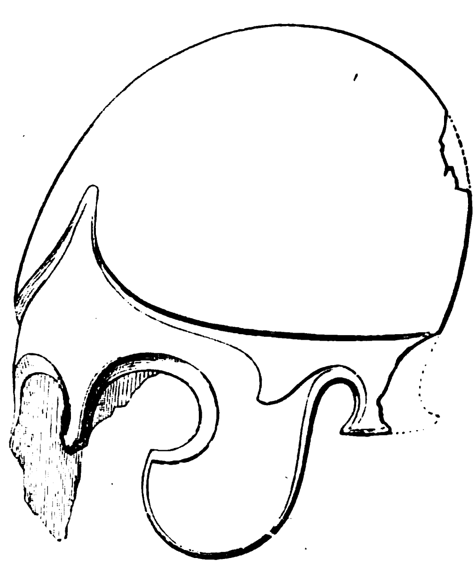
вѣнка въ подражаніе «начельному» украшенію, — большому камню или медальону, представляетъ обыкновенно или бляху съ изображеніемъ, или такъ называемую индикацію: оттискъ на тонкомъ кругломъ листкѣ золота современной монеты, дѣлавшійся, очевидно, за неимѣніемъ особаго штемпеля.

Вѣнокъ, найденный въ Керчи въ 1838 году (рис. 51), прекрасно сохранившійся и отличающійся художественно-реальною и живою передачею двухъ сплетенныхъ густыхъ вѣтокъ масличнаго дерева съ его плодами украшенъ по срединѣ гранатомъ, на которомъ вырѣзана стоящая женская фигура, можетъ быть, Артемида съ лукомъ. Особенно употребительнымъ при похоронахъ растеніемъ, и у Грековъ, и у Римлянъ, былъ сельдерей; имъ украшали и голову умершаго и его надгробный памятникъ. Плиній (Hist. nat XX, 44) приводитъ, что его нельзя употреблять въ пищу, «такъ какъ онъ предназначенъ для поминальныхъ пировъ».

Золотой вѣнецъ, изображенный на рис. 52, найденъ въ свинцовомъ гробу въ Керчи въ 1841 году и подражаетъ повязкѣ (тэніи). Золотая повязка, для прочности положена на кожу, покрыта рядами листьевъ сельдерея, а въ срединѣ бляхою съ изображеніемъ всадника, вѣнчаемаго Побѣдой; по угламъ бляхи четыре сердолика въ оправѣ прикрѣпляютъ бляху къ повязкѣ. Въ той-же могилѣ найдена была монета Рискупориса IV, третьяго вѣка по Р. Х., и этого-же босфорскаго царя можно видѣть въ изображенномъ всадникѣ. Тѣми-же листьями сельдерея, но болѣе небрежной и условной формы, покрыты два вѣнца изъ Керчи, снабженные начельными бляшками съ изображеніемъ на одномъ головы Медузы, а на другомъ — индикаціею монеты Филиппа (рис. 48 и 53). Вѣнками украшались и мужчины, и женщины.

Воиновъ хоронили въ ихъ шлемахъ, нерѣдко обвитыхъ лавровымъ золотымъ вѣнкомъ; женщинъ, посвященныхъ въ мистеріи Деметры, въ коронѣ этой богини, калатосѣ и пр.

Въ 1865 году въ Большой Близницѣ на Таманскомъ полуостровѣ найденъ былъ склепъ, въ которомъ оказался погребеннымъ воинъ. Онъ покоился въ роскошномъ деревянномъ съ инктрустаціями слоновой кости саркофагѣ, къ сожалѣнію, разрушенномъ; на головѣ былъ бронзовой, золоченый шлемъ, украшенный тяжеловѣснымъ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ (рис. 55). Шлемъ этотъ представлялъ подражаніе такъ называемой «фригійской шапки», которая была въ сущности — мягкій колпакъ, съ верхушкою, свѣшивавшеюся на передъ. Могилу, въ которой найденъ былъ этотъ шлемъ, судя по стилю остальныхъ вещей, относятъ ко второй половинѣ IV вѣка до Р. X.

54. Бронзовый шлмсъ изъ Нимфеи.

55. Шлемъ изъ «Большой Близницы».

Къ той-же эпохѣ надо отнести и другую не менѣе замѣчательную могилу воина, открытую въ 1875 году въ курганѣ близъ Павловской баттареи въ Керчи; время указываетъ найденная въ кострищѣ монета Александра Великаго. Въ курганѣ найдена была панаѳинейская амфора, которая была побѣднымъ призомъ, этого босфорца на бѣгу въ Аѳинахъ. Оружіе его дошло только въ обломкахъ, но почти вполнѣ уцѣлѣла роскошная, золотая шапка, болѣе 2-хъ фунтовъ вѣсомъ (рис. 56). Она была также украшена золотымъ вѣнкомъ.

56. Золотая ажурная шапка изъ Павловскаго кургана.

Прорѣзной узоръ ея, повторяющійся трижды кругомъ, представляетъ, въ условномъ типѣ іонической волюты, верхушку лиліи съ двумя отгибающимися листами и цвѣткомъ въ срединѣ; весь складъ цвѣтка и общая орнаментика указываютъ на азіатское происхожденіе рисунка и самой шапочки. Форма этого шлема напоминаетъ собою войлочный, валяный или кожаный колпакъ (пилосъ), который и былъ прикрытъ этимъ металлическимъ украшеніемъ, подобно тому, какъ въ Азіи онъ покрывался золотымъ шитьемъ.

Варварскій типъ этой шапки заставляетъ видѣть въ погребенномъ вождя одного изъ сарматскихъ племенъ.

57. Псалій «Семибратняго кургана».

Босфорскія могилы дали также нѣсколько обыкновенныхъ древнихъ шлемовъ (рис. 54), равно какъ и нѣсколько паръ поножей, панцырей, мечей, щитовъ, копій, стрѣлъ, а также всевозможныхъ частей конской сбруи.

58. Бронзовая оленья головка изъ «Семибратняго кургана».

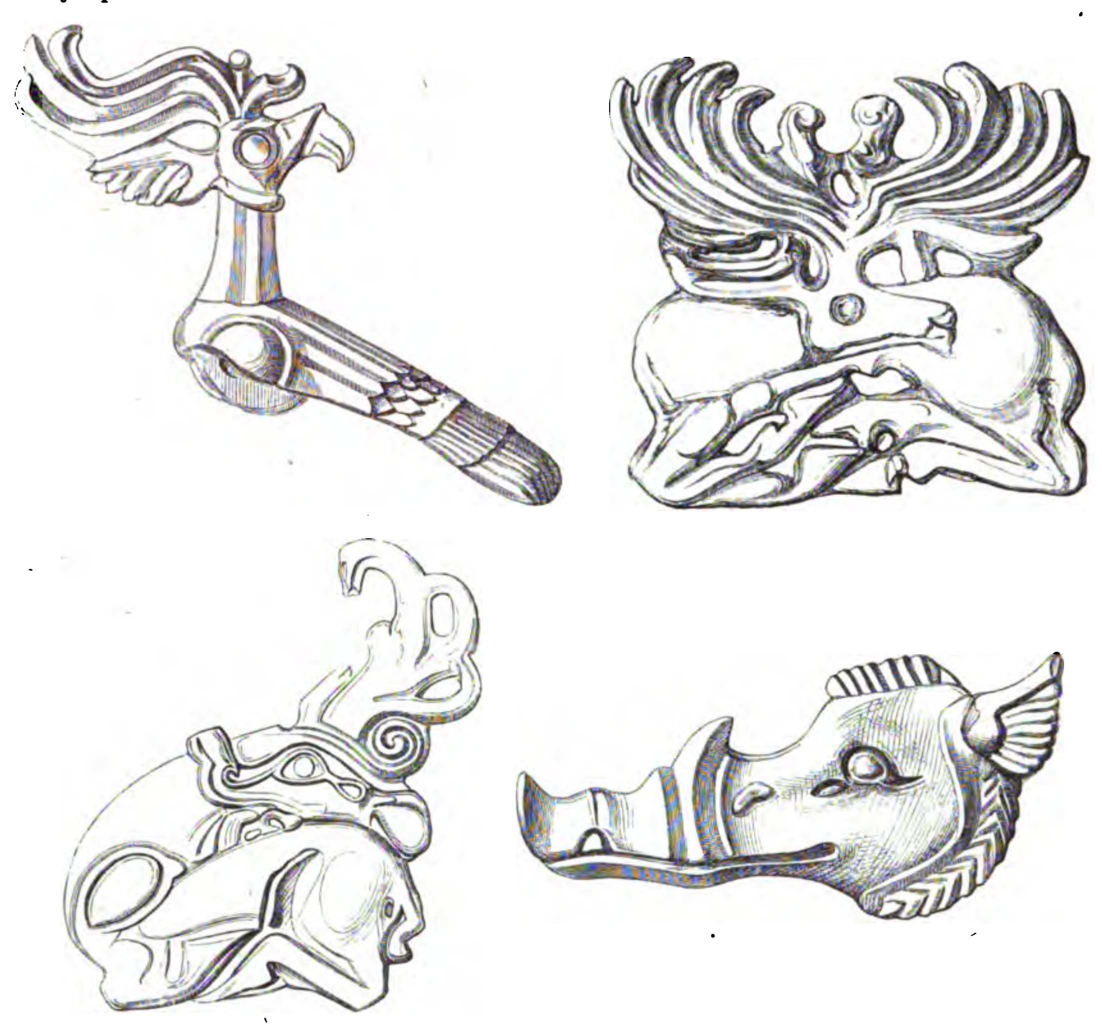
Но большинство конскихъ уборовъ, съ ихъ фигурными мундштуками (псаліями), наборными уздечками, прорѣзными бляхами и подвѣсками (фаларами) относится къ варварскимъ могиламъ Босфора Киммерійскаго. Наиболѣе замѣчательныя находки въ этомъ родѣ, сходны въ общемъ характерѣ съ предметами скиѳскихъ погребеній въ курганахъ Александропольскомъ, Чертомлыцкомъ и пр., представляютъ уборы, извлеченные изъ нѣсколькихъ кургановъ группы «Семи братьевъ», стоящей на возвышенномъ берегу Кубани, въ Темрюкскомъ уѣздѣ.

Въ одной изъ тамошнихъ гробницъ найдены были между прочими два бронзовыхъ псалія въ видѣ коня и копыта и десять круглыхъ оленьихъ головокъ изъ бронзы отъ конской сбруи (рис. 57 и 58).

Въ другихъ курганахъ той-же группы найдены по нѣскольку бронзовыхъ пластинокъ въ видѣ оленей, кабановъ и фантастическихъ звѣрей (рис. 59 — 62).

Предметы эти, относящіяся, судя по другимъ вещамъ тѣхъ-же гробницъ, къ V—IV столѣтію до Р. Х., представляютъ любопытное сходство съ бронзовыми украшеніями конскихъ уборовъ, открытыми въ замѣчательной могилѣ воина, найденной въ 1876 г. на мѣстѣ древней Нимфеи, въ широкомъ и плоскомъ курганѣ (рис. 63 — 65).

Головные уборы двухъ женщинъ, повидимому, жрицъ Деметры, схороненныхъ въ курганѣ «Большой Близницѣ», стоятъ на первомъ мѣстѣ въ ряду женскихъ уборовъ.

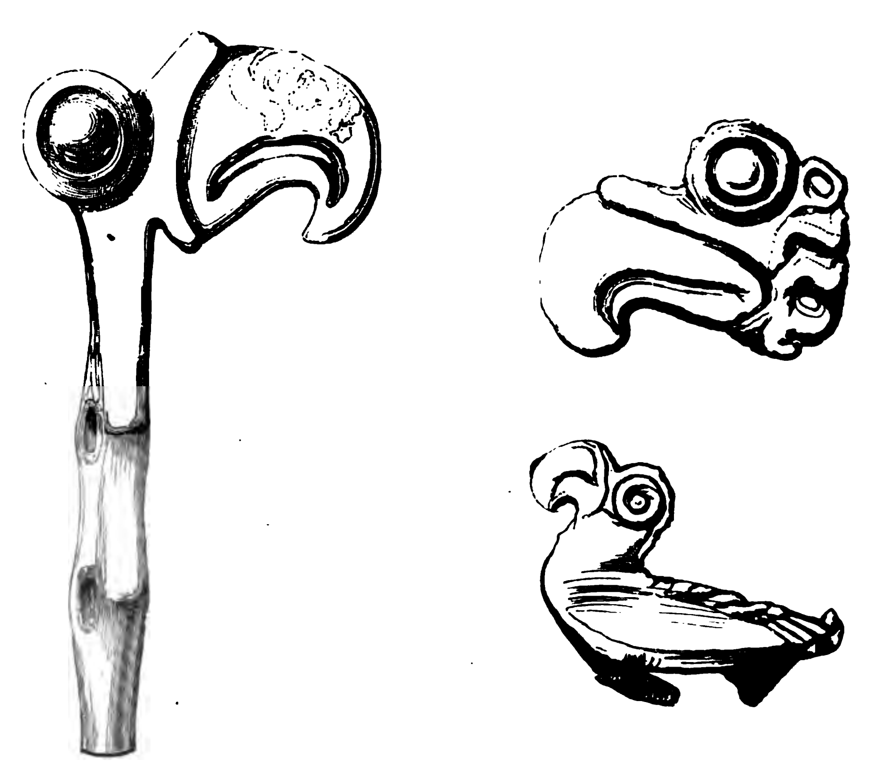

59 — 62. Бронзовыя пластинки изъ «Семибратняго кургана».

Гробница эта, открытая въ 1869 году, оказалась совершенно нетронутою грабителями и дала, поэтому, массу цѣнныхъ древностей лучшаго стиля IV вѣка до Р. Х. Между ними выдается пышное головное украшеніе (см. рис. 66). Это — золотая корона-кокошникъ, состоящая изъ 13 пластинокъ въ $2^{1}/_{2}$ вершка вышиною, образующихъ обручъ на истлѣвшей подкладкѣ. На эти пластинки прибиты гвоздиками рельефы, изображающіе борьбу варваровъ (Скиѳовъ) съ грифами.

По верхнему краю кокошника греческій бордюръ изъ ововъ, цѣльный. Розетки на нижней каймѣ, среди меандровъ, наведены голубою эмалью. Обручъ кокошника расширенъ сверху, на подобіе корзины изъ прутьевъ, составлявшей

корону богини земледѣлія Деметры (такъ назыв. калатосъ или модіусъ). Часть этого обруча, представляющаго въ профиль изящный выгибъ, дана въ планѣ на рисункѣ 66.

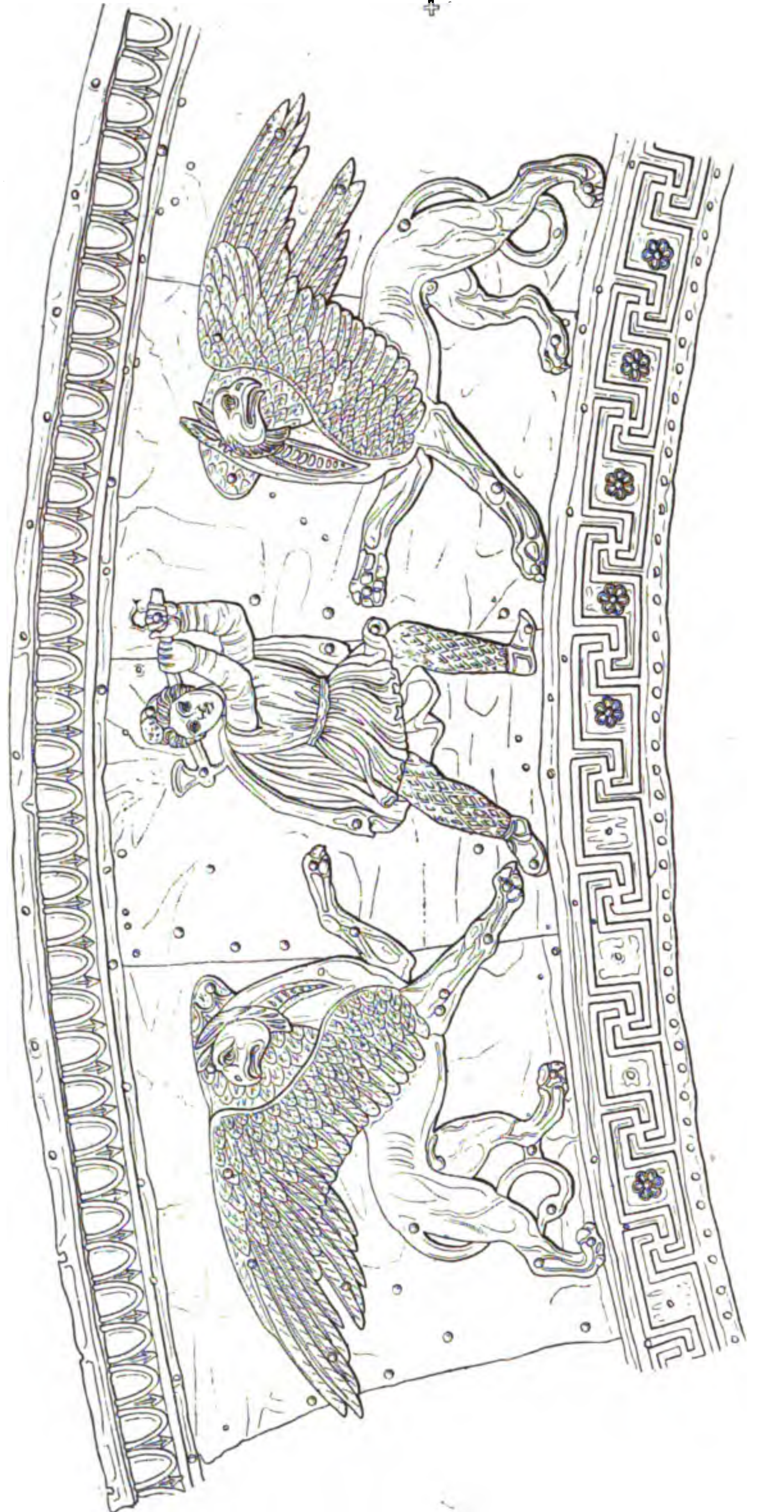

63 — 65. Бронзовыя украшенія конскаго убора изъ Нимфеи.

Сюжетъ, изображенный на коронѣ, былъ очень любимъ древними: многіе писатели говорятъ о борьбѣ грифовъ съ разными варварами изъ-за золота, которое стерегутъ эти чудовища. Представленіе грифа явилось въ Грецію съ Востока; изображенія его встрѣчаются и на египетскихъ и персидскихъ памятникахъ. Одни изъ древнихъ писателей воображаютъ грифовъ стражами золотыхъ розсыпей Индіи, но чаще переносятъ ихъ на сѣверо-востокъ и заставляютъ сторожить золото Урала и Алтая.

Изображенія варваровъ на калатосѣ — условны: Аримаспы представлены здѣсь въ одеждѣ Фригійцевъ, въ которую Греки наряжали всѣхъ азіатскихъ варваровъ.

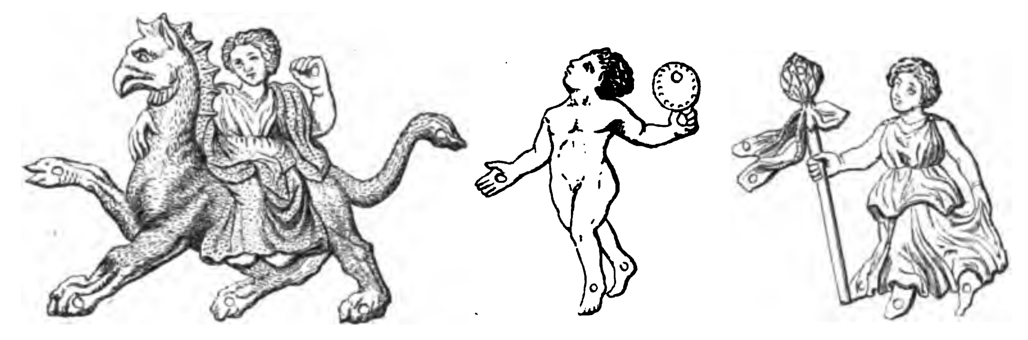
Вся композиція дѣлится на шесть группъ: изъ нихъ пять состоятъ каждая изъ грифона и Скиѳа, а шестая — главная (здѣсь изображенная) изъ Скиѳа и двухъ грифоновъ. Молодые скиѳскіе воины изображены всѣ въ обычномъ головномъ уборѣ варваровъ, башмакахъ, узкихъ штанахъ и короткомъ безрукавомъ кафтанѣ. На воинѣ въ главной группѣ надѣтъ короткій плащъ. Тщательно исполненные узоры на штанахъ различнаго рисунка, въ данномъ случаѣ клѣтчатаго, въ прочихъ цвѣточнаго и полосатаго. Въ главной группѣ юноша вооруженъ боевымъ топо-

66. Часть короны изъ кургана «Большая Близница».

ромъ, который является обычною принадлежностью варваровъ Босфорскаго царства, также племенъ Кавказа, Персіи, вплоть до Индіи.

Вся обстановка этой могилы указываетъ на преданность семьи, погребенной въ курганѣ, элевзинскому культу. О немъ свидѣтельствуетъ множество терракотовыхъ фигурокъ, граціозныя, крошечныя подобія употреблявшихся въ вакхическомъ обиходѣ этого культа сосудовъ, кимваловъ, ситечекъ и разныхъ вещицъ, по своимъ миніатюрнымъ размѣрамъ, конечно, не имѣвшихъ практическаго назначенія, но служившихъ воспоминаніемъ.

67. Украшеніе калатоса изъ «Большой Близницы».

Калатосъ дѣвушки изъ могилы той-же «Большой Близницы», открытой въ 1868 году, былъ деревянный или кожаный, украшенный золотыми фигурками, прибитыми къ нему золотыми-же гвоздиками (рис. 67).

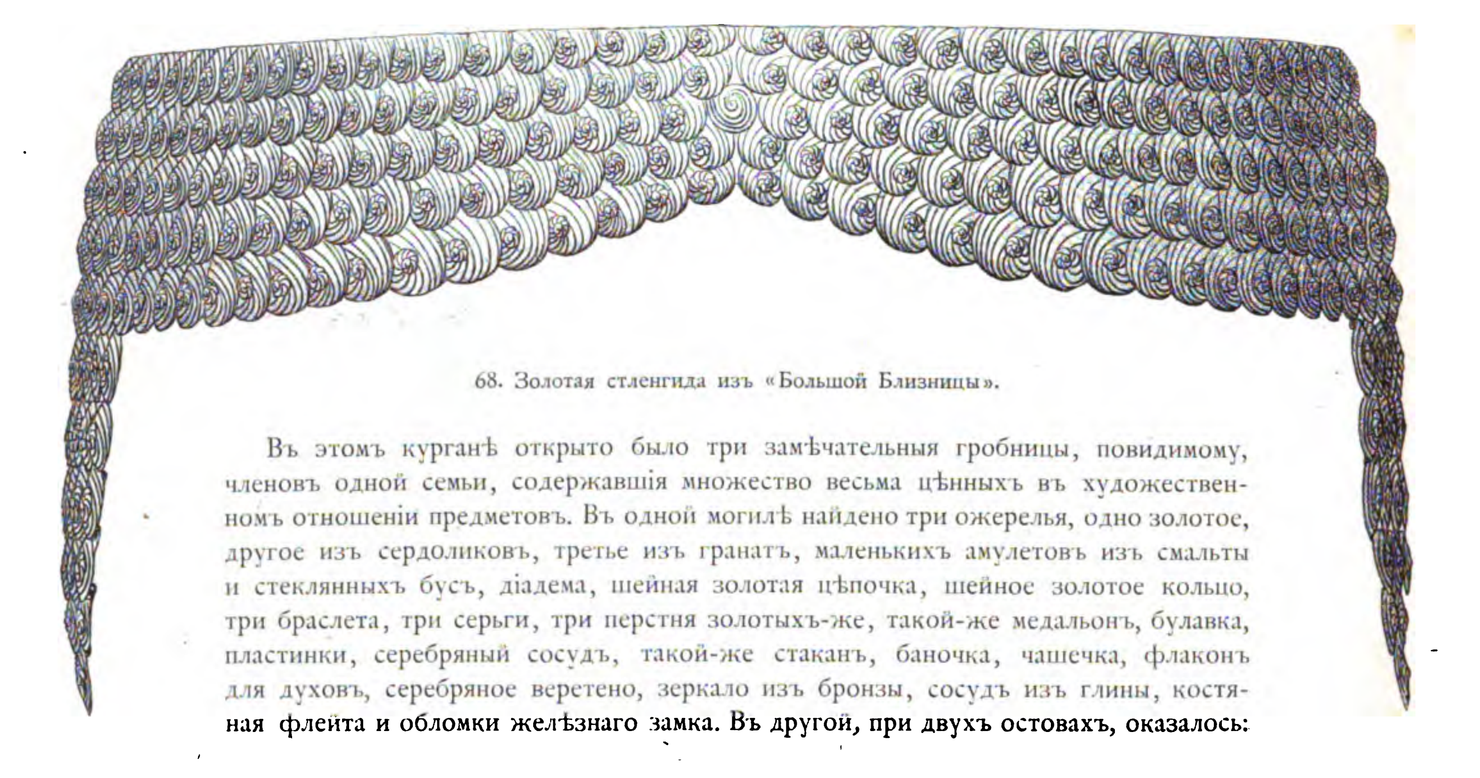
Фигурки калатоса составляли одну вакхическую группу; всѣхъ фигурокъ девять: три сатира и шесть менадъ. Три фигурки, изображенныя на рисункѣ, представляютъ Менаду, сидящую на грифѣ, сатира съ тимпаномъ и вакханку съ тирсомъ. Здѣсь грифъ на ряду съ барсомъ входятъ въ составъ свиты Діониса, что объясняется миѳологическимъ типомъ фантастическаго животнаго. Грифъ изображенъ безъ крылъ, чтобы не нарушать симметріи его съ барсомъ. Но это— далеко не единственное изображеніе безкрылаго грифа съ орлиной головой.

Калатосы были, кажется, особымъ параднымъ уборомъ обѣихъ жрицъ, такъ какъ въ обѣихъ гробницахъ, равно какъ и въ гробницѣ Павловскаго кургана, найдены кромѣ того простые головные уборы, довольно схожіе между собою.

Изображенное на рис. 68 украшеніе найдено въ той-же женской гробницѣ Большой Близницы и лежало вмѣстѣ съ фигурками калатоса. Это украшеніе, вѣроятно, то самое, которое древніе за сходство его со скребницей называли «стленгидой». Она подражаетъ завитой прическѣ или, вѣрнѣе, накладкѣ и парику съ висками изъ такихъ-же завитыхъ локончиковъ.

По времени изготовленія всѣ три вышеизображенные убора относятъ къ IV-му вѣку до Р. Х.

Но самымъ роскошнымъ головнымъ уборомъ является діадема вѣсомъ въ 56 зол., найденная въ курганѣ въ 1879 году въ окрестностяхъ древней Фанагоріи (на землѣ сотника Артюхова) въ каменной гробницѣ съ женскимъ остовомъ, относимой ко второй половинѣ III-го вѣка до Р. Х.

68. Золотая стленгида изъ «Большой Близницы».

Въ этомъ курганѣ открыто было три замѣчательныя гробницы, повидимому, членовъ одной семьи, содержавшія множество весьма цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ. Въ одной могилѣ найдено три ожерелья, одно золотое, другое изъ сердоликовъ, третье изъ гранатъ, маленькихъ амулетовъ изъ смальты и стеклянныхъ бусъ, діадема, шейная золотая цѣпочка, шейное золотое кольцо, три браслета, три серьги, три перстня золотыхъ-же, такой-же медальонъ, булавка, пластинки, серебряный сосудъ, такой-же стаканъ, баночка, чашечка, флаконъ для духовъ, серебряное веретено, зеркало изъ бронзы, сосудъ изъ глины, костяная флейта и обломки желѣзнаго замка. Въ другой, при двухъ остовахъ, оказалось:

69. Лампа бронзовая изъ Артюховскаго кургана.

бронзовая чашка, бронзовыя: пряжка и уховертка, серебряное ситечко, обломки желѣзнаго стригила, болѣе десяти разныхъ сосудовъ, и на остовахъ: на мужескомъ — золотой вѣнокъ, перстень, медальонъ, четыре серебряныхъ кольца и монета Перисада; на женскомъ — золотой вѣнокъ, подобная-же повязка и шейное кольцо, золотая цѣпочка, ожерелье, множество пластинокъ и украшенiй изъ золота, ожерелье изъ бусъ, медальонъ изъ золота, булавка, пара серегъ и двѣ пары браслетовъ изъ золота, одна въ видѣ змѣй и одна витая, семь перстней, золотая монета ѳракiйскаго царя Лизимаха, десять серебряныхъ сосудовъ, серебряное веретено, ложечка, складное зеркало изъ золоченой бронзы и бронзовая лампа.

Въ третьей могилѣ найдены золотой вѣнокъ, желѣзный стригилъ, перстень, клинокъ желѣзнаго складнаго ножа и изъ глиняныхъ сосудовъ одинъ съ изображенiемъ на ручкѣ бога Прiапа (рис. 70).

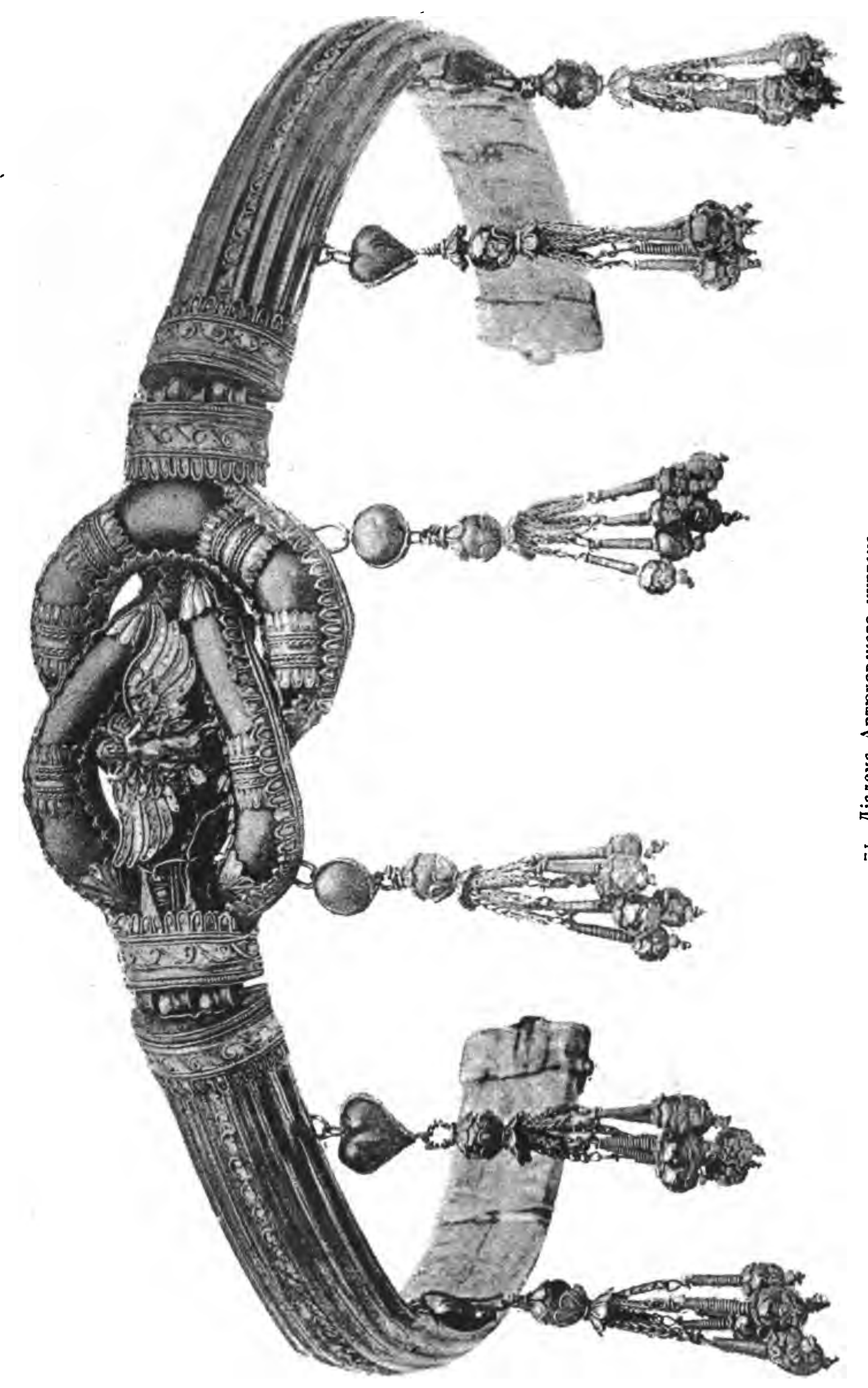

70. Глиняный сосудъ изъ Артюховскаго кургана.

Что время происхожденiя, общее для всѣхъ перечисленныхъ гробницъ, не можетъ быть отодвинуто ранѣе 281 года до Р. Х., вполнѣ выясняется тѣмъ, что во второй гробницѣ найдены золотыя монеты Перисада и Лизимаха. Босфорскiй царь Перисадъ вступилъ на престолъ не ранѣе 284 года, а монета Лизимаха принадлежитъ къ тѣмъ, чеканеннымъ въ Византiумѣ, монетамъ этого царя, которыя выбиты уже по смерти его, послѣдовавшей въ 281 году.

Дiадема Артюховскаго кургана (рис. 71) состоитъ изъ трехъ кусковъ, соединенныхъ между собою шарнирами; на концахъ сдѣланы петельки для связывающей ленты. Внутренность дiадемы заполнена черною смолою; снаружи чистое золото этого кольца представляетъ изящные профили и украшено тонкою филигранью, наведенною голубыми и розовыми эмалями. Къ обручу привѣшены сирiйскiе гранаты шариками и сердечками, съ подвѣсками изъ цѣпочекъ и «ворворокъ», украшенныхъ также тонкою сканью и оплетенныхъ золотою проволокою. Въ срединѣ дiадемы устроенъ изъ шести большихъ гранатъ валиками, оправленныхъ въ золото съ эмалью, большой символическiй узелъ. Этотъ узелъ встрѣчается особенно часто на предметахъ личнаго убора, ожерельяхъ, перстняхъ, вѣнкахъ, цѣпочкахъ, пряжкахъ, серьгахъ, но также на сосудахъ и предметахъ утвари. Примѣромъ употребленiя могутъ служить два ожерелья, одно изъ 11, другое изъ 22 звеньевъ, имѣющихъ, форму узла, иногда съ розеткою по срединѣ, изъ находокъ въ Южной Россiи (рис. 72).

Узелъ этотъ, можетъ быть, тотъ, который древнiе писатели называли «Геракловымъ» (онъ-же Гордiевъ), обладавшимъ особою магической силой. На узлѣ дiадемы, распростерши большiя, украшенныя разноцвѣтною эмалью, крылья, орелъ

71. Діадема Артюховскаго кургана.

несеть въ когтяхъ крылатаго Эрота. Эта группа напоминаетъ похищенiе Ганимеда орломъ Зевса и дѣйствительно, на памятникахъ иногда Эротъ является вмѣсто Ганимеда: то онъ поитъ его, то пускаетъ свою стрѣлу, стоя на его крылѣ, словомъ — находится съ нимъ въ такой-же дружбѣ, какъ и Ганимедъ, и, повидимому, замѣщаетъ его на дiадемѣ.

72. Ожерелья неизвѣстной находки въ Южной Россiи.

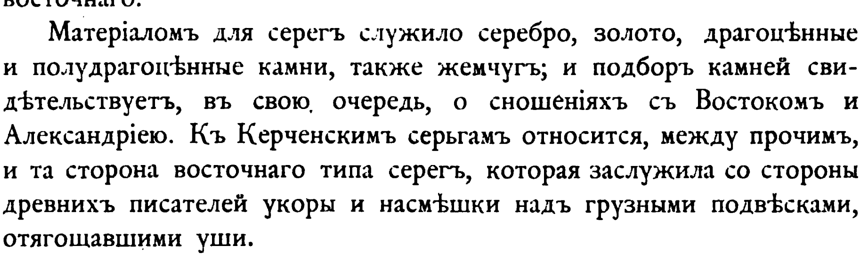
Серьги носили не только женщины, но иногда и мужчины, правда, по одной, какъ видно по находкамъ въ босфорскихъ могилахъ. Но, конечно, наиболѣе изящныя и дорогiя серьги находятъ въ женскихъ могилахъ; серьга мужчинъ состояла, какъ и теперь, обыкновенно изъ небольшаго колечка.

Босфорскiя серьги по своимъ формамъ исчерпываютъ все разнообразiе вращавшихся въ античномъ мiрѣ типовъ: простаго кольца, колечка съ утолщенiемъ, калачика, съ львиною или иною маскою на утолщѐнномъ концѣ, съ изображе-

ніями фигурными нѣкоторыхъ божествъ (Артемиды, Эрота), геніевъ, звѣрей и птицъ; съ подвѣсками къ колечку розетокъ, репейковъ, гроздей винограда въ натуральной и условной формѣ, опрокинутой пирамидки зеренъ. Этого рода типы господствуютъ съ V по I стол. до Р. Х., а нѣкоторыя формы серегъ (открытыхъ въ Ѳеодосіи, Нимфеѣ) оказываются древнѣе кипрскихъ типовъ. Формы серегъ римской эпохи, находимыхъ въ Италіи, Южной Европѣ, здѣсь, напротивъ того, отсутствуютъ. За то съ I столѣтія до Р. Х. и въ позднѣйшіе вѣка въ керченскихъ гробницахъ появляются образцы (напр. въ видѣ опрокинутыхъ къ низу лунницъ съ камнями, извѣстныхъ подъ именемъ позднеримскаго и меровингскаго типа серегъ), переходившіе черезъ Южную Россію вмѣстѣ съ варварами въ Западную Европу. Въ общемъ типѣ этого рода украшеній замѣчается греческій характеръ и признаки стиля грековосточнаго.

73. Керченская серьга II — I вѣка до Р. Х.

Матеріаломъ для серегъ служило серебро, золото, драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни, также жемчугъ; и подборъ камней свидѣтельствуетъ, въ свою очередь, о сношеніяхъ съ Востокомъ и Александріею. Къ Керченскимъ серьгамъ относится, между прочимъ, и та сторона восточнаго типа серегъ, которая заслужила со стороны древнихъ писателей укоры и насмѣшки надъ грузными подвѣсками, отягощавшими уши.

74. Керченская серьга II—I в. до Р. Х.

Иныя серьги не могли уже быть носимы въ ушахъ, а должны были прикрѣпляться къ головному убору. Примѣромъ можетъ служить пара роскошныхъ привѣсокъ, принадлежавшихъ къ парадному костюму жрицы Деметры, гробница которой открыта была въ 1864 году.

По величинѣ и общему типу, съ ними могутъ быть сравниваемы только подобныя-же привѣски изъ Куль-Обскаго кургана, украшенныя головой Аѳины. Петля на верху привѣски указываетъ, что она прицѣплялась къ головному убору, т. е. золотому кокошнику и закрывала уши. На обѣихъ привѣскахъ (рис. 75) изображена Ѳетида, везущая на гиппокампѣ по морю оружіе и панцырь сыну своему Ахиллу. Головной уборъ Ѳетиды составляетъ тотъ-же калатосъ, въ который мастеръ, зная, что привѣски эти будутъ надѣваться на праздникахъ Деметры, нарядилъ и Ѳетиду. Покрывало одинаково приличествуетъ Деметрѣ и богинямъ моря. У древнихъ часто на женскихъ уборахъ изображались Нереиды, плывущія съ оружіемъ Ахилла, какъ символъ одушевленной любовью къ военному сословію женской натуры. Мотивъ нижней части цѣпочки съ подвѣсками очень часто встрѣчается на многихъ ювелирныхъ издѣліяхъ Грековъ. Узоръ по окружности бляшки украшенъ голубой эмалью.

Простѣйшимъ видомъ подобныхъ подвѣсокъ были кольца съ розетками, щитками, жемчужинами или камнями, сложнѣе — серьги, къ которымъ подвѣшивались различныя фигурки.

Серьга, найденная въ Керчи въ 1851 году (рис. 76), представляетъ обычную привѣску, въ видѣ крохотной амфоры, украшенной филигранью, прикрѣпленной

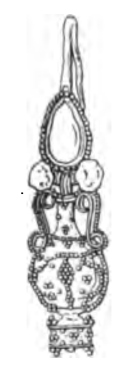
къ кольцу съ гранатомъ. Такой мотивъ украшенія серегъ былъ очень любимъ: въ гробницахъ римской эпохи удерживаются серьги подобнаго типа.

75. Ушная подвѣска изъ «Большой Близницы».

Серьги, найденныя въ керченскомъ курганѣ (рис. 77), замѣчательны какъ своею сохранностью, такъ и мастерскимъ исполненіемъ, которое требуетъ отнести ихъ къ IV—III вѣку до Р. Х. Розетка отдѣлана голубой эмалью; подвѣшенная уточка

представлена машущей крыльями, перья которыхъ украшены также голубой эмалью, шейка — мельчайшими золотыми шариками, способъ выдѣлки и припайки которыхъ недоступенъ въ чистомъ золотѣ нынѣшнимъ ювелирамъ; кромѣ того, мѣстами сохранилась эмаль, покрывавшая тѣло птицы. Пара золотыхъ серегъ, найденная во 2-й женской гробницѣ Артюховскаго кургана, представила, кромѣ необыкновенно изящныхъ розетокъ, подвѣски въ видѣ эмальированныхъ бѣлыхъ голубковъ съ зелеными крылышками.

76. Керченская серьга IV вѣка до Р. X.

Серьга, найденная въ кострищѣ большаго кургана въ Аджи-Мушкаѣ, близъ Керчи, (рис. 78) представляетъ подвѣсную фигурку Эрота, держащаго въ правой рукѣ трагическую маску. Сережекъ съ Эротами найдено въ Керчи много, и лучшія изъ нихъ относятся ко времени разцвѣта греческаго искусства, IV—III в. до Р. X. Изображенія Эрота во всѣхъ видахъ были любимымъ мотивомъ въ женскихъ украшеніяхъ, а трагическая маска, имѣвшая значеніе талисмана, является въ игрушечномъ сюжетѣ.

Другимъ образцомъ художественно исполненныхъ серегъ являются найденныя въ той-же мѣстности и представляющія женскую головку (рис. 79). Полая внутри, эта головка увѣнчана «стефаною», первообразомъ нашего кокошника, снабжена большими серьгами и ожерельемъ съ бычачьей головкой, которая имѣла значеніе амулета, какъ видно по одному ожерелью съ такою-же головой; волосы, зачесанные назадъ, связаны простымъ узломъ, что указываетъ на IV — III вѣкъ, когда женскія прически оставались еще простыми, тогда, какъ уже со временъ діадоховъ онѣ стали причудливыми, почти чудовищными.

77. Керченская серьга IV вѣка до Р. X

Эллины ожерелій не носили, тогда какъ восточные греки извѣстны были обиліемъ своихъ металлическихъ и иныхъ уборовъ; такъ, и въ босфорскихъ могилахъ часто на шеяхъ мужскихъ остововъ находятъ металлическія кольца, подобныя тѣмъ, которыя носили только «варвары» (т. е. Персы и племена подъ ихъ вліяніемъ), какъ видно, напр. по золотымъ шейнымъ кольцамъ Персовъ или Фригійцевъ, а въ послѣдствіи и народности сѣверной Европы. Тѣ-же самыя шейныя кольца въ позднѣйшія времена (серебряныя) были во всеобщемъ употребленіи и на Руси и носили имя «гривенъ».

Обычная форма босфорскихъ гривенъ — согнутый въ кольцо металлическій гладкій или свитый прутъ съ украшеніями по концамъ. Въ погребальномъ чинѣ встрѣчаются гривны съ украшеніями изъ золота, тогда какъ само кольцо сдѣлано изъ бронзы. Настоящія гривны для этой эпохи бывали цѣликомъ золотыя. Лучшимъ образцомъ служитъ гривна царя изъ Куль-Обскаго кургана въ 1 ф. 12 золотн. вѣсомъ.

78. Керченская серьга IV вѣка до Р. X.

Она свита изъ шести толстыхъ проволокъ, концы которыхъ прикрыты листовымъ золотомъ въ видѣ втулки, украшенной скан-

ными разводами съ синею и голубою эмалью; на всемъ скаку выносятся изъ внутренности этихъ втулокъ, какъ-бы перепрыгивая черезъ препятствіе, два скиѳскихъ джигита (рис. 80). Вся вещь отличается высокою работою лучшаго греческаго стиля, въ эпоху разцвѣта реалистическаго направленія со второй половины IV столѣтія до Р. Х. Женскій остовъ, найденный въ томъ-же склепѣ Куль-Оба, былъ обряженъ подобною-же гривной меньшаго вѣса и съ украшеніемъ въ видѣ львиныхъ головокъ.

79. Керченская серьга IV вѣка до Р. Х.

Можетъ быть, мѣстному быту и обстановкѣ и любви къ степной природѣ должно приписать необычайную форму пышнаго ожерелья жрицы Деметры, погребенной въ Большой Близницѣ.

Это превосходное произведеніе искусства IV вѣка до Р. Х. изъ золота съ сильною лигатурою (рис. 81) украшено по концамъ львиными головками; прорѣзное колье представляетъ во фризѣ сцену изъ сельскаго быта: стадо козловъ и барановъ въ различныхъ, схваченныхъ съ натуры положеніяхъ; по краямъ собаки гоняются за зайцами; степь представлена обиліемъ мака.

80. Гривна изъ Куль-Обскаго кургана.

Другія два ожерелья той-же жрицы составлены: одно — изъ охранительныхъ амулетовъ, другое изъ обычныхъ бусъ, розетокъ и репейковъ. Лучшимъ образцомъ этого послѣдняго типа можетъ служить золотое ожерелье, найденное въ 1853 году въ курганѣ около Ѳеодосіи (рис. 82).

Тесьма составной цѣпи сплетена въ восемь рядовъ изъ золотыхъ нитей, нижній край ея обнизанъ незабудками и крохотными грифами. Нижняя часть представляетъ общеупотребительныя и наиболѣе пышныя подвѣски изъ цѣпочекъ и репейковъ въ видѣ амфоръ. Любопытны также маленькія, заостренныя къ низу подвѣсочки, разсмотрѣть которыя можно только въ лупу; онѣ изображаютъ фигурки въ родѣ идольчиковъ Артемиды Эфесской, но только безъ рукъ. Культъ этой богини, какъ мы знаемъ, существовалъ на Босфорѣ.

Въ Греціи браслеты носили только женщины; на полуварварскомъ Босфорѣ ихъ носятъ и мужчины.

Сфинксы, которыми украшены концы браслета изъ Куль-Оба (рис. 83), являлись какъ рядомъ съ грифами, такъ часто замѣняли ихъ, а равно имѣли отношеніе къ однимъ и тѣмъ-же культамъ и одинаковое предохранительное значеніе. Передними лапами сфинксы держатъ свившуюся змѣйку. Вся фигура отличается лучшимъ

аттическимъ типомъ и стилемъ, и тонкая скань въ видѣ пальметокъ и ововъ наведена голубою и бирюзовою эмалью.

81. Ожерелье изъ «Большой Близницы».

Золотой браслетъ, найденный въ Большой Близницѣ (рис. 84), состоитъ изъ двойнаго витаго кольца, кончающагося двумя прыгающими львицами, которыхъ мастеръ пожелалъ изобразить въ видѣ химерическихъ львовъ съ гривами.

Употребленіе перстней въ видѣ простыхъ колецъ, съ камнями, а также съ печатями, вырѣзавшимися на металлѣ и камняхъ, было весьма распространено и въ собственной Греціи, начиная съ IV столѣтія до Р. Х. и наблюдается въ многочисленныхъ образцахъ босфорскихъ некрополей.

Рѣзные камни и перстни, находимые здѣсь, имѣютъ важное значеніе какъ по своей несомнѣнной подлинности, такъ и потому, что многіе изъ нихъ относятся къ самому цвѣтущему періоду греческаго искусства — III-му и IV-му вѣку

до Р. Х. Наиболѣе любопытны рѣзные камни и перстни, украшенные изображеніями туземнаго содержанія и мѣстныхъ типовъ природы и человѣка, напр. степныхъ породъ птицъ и животныхъ, варваровъ и т. п. Особенно драгоцѣнны для исторіи искусства рѣзные перстни съ именами рѣзчиковъ-художниковъ.

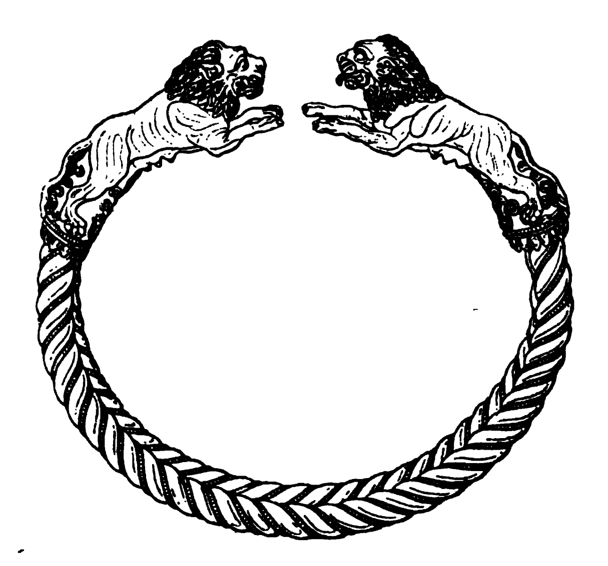
82. Ожерелья изъ Ѳеодосіи.

Кольцо, изображенное на рис. 87, найдено въ 1860 году, въ одномъ изъ кургановъ хребта Юзъ-Оба вмѣстѣ съ двумя другими золотыми кольцами на лѣвой рукѣ мужскаго, повидимому, остова. На вращающемся на оси халцедонѣ вырѣзано изображеніе летящаго журавля, породы, встрѣчающейся въ Южной Россіи. Изображеніе вырѣзано въ глубь, внутреннія части рѣзьбы не полированы, какъ это дѣлалось на камняхъ до-римскаго періода. Надпись: «сдѣлалъ Дексаменъ Хіосецъ», по эпиграфическимъ признакамъ, указываетъ на IV вѣкъ до Р. Х.

Интересно, что въ 1864 году въ каменномъ саркофагѣ одного изъ небольшихъ кургановъ на берегу Таманскаго залива найденъ другой перстень съ ага-

83. Браслетъ изъ Куль-Обскаго кургана.

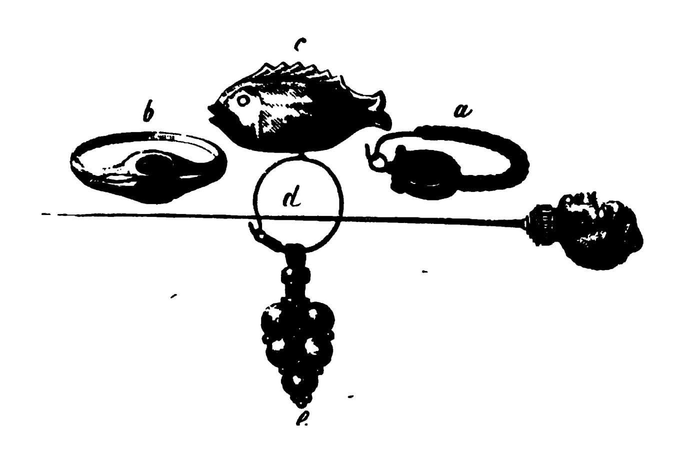
84. Браслетъ изъ «Большой Близницы».

томъ, на которомъ вырѣзанъ журавль, стоящій на одной ногѣ и передъ нимъ кузнечикъ. Надпись имени Дексамена, какъ и самая превосходная работа несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что оба эти камня вышли изъ рукъ одного и того-же художника. У древнихъ были примѣры, что «желая обозначить человѣка, знающаго небесныя явленія (метеоры), изображали летящаго журавля, такъ какъ онъ летаетъ очень высоко, дабы наблюдать тучи, не угрожаютъ ли онѣ бурей».

85. Браслетъ и рѣзной камень изъ женской гробницы на Митридатовой горѣ.

Знаменитый золотой перстень, изображенный на рис. 88 и въ заглавной виньеткѣ съ частью ожерелья, украшенъ рѣзнымъ въ глубь изображеніемъ знатнаго Скиѳа, сидящаго на дифросѣ (складномъ стулѣ), и осматривающаго стрѣлу. Надпись даетъ имя рѣзчика Аѳинада; что это имя рѣзчика, а не владѣтеля перстня,

86. a Серьга съ гранатомъ. b Брачный перстень. c Золотая бляшка. d Булавка. e Дѣтская золотая сережка. Изъ Керчи.

видно изъ того, что надпись вырѣзана съ лѣва на-право, слѣдовательно къ чтенію въ оттискѣ не предназначена, тогда какъ имена тѣхъ, кому перстни служили печатями рѣжутся обратно и на оттискѣ читаются съ лѣва на-право.

87. Перстень изъ кургана на Юзъ-Оба.

Далеко не всѣ рѣзные камни и перстни, находимые на Босфорѣ, столь высокой художественной работы. Грубѣе этихъ чисто греческихъ издѣлій другой типъ рѣзныхъ камней, въ историческомъ отношеніи не менѣе важный, — азіатскіе цилиндры. Въ Ассиріи и Вавилоніи печатямъ на ряду съ формой перстня давали форму цилиндровъ, вращающихся на оси. Катая такіе цилиндры по воску, получали ихъ отпечатки. Та-же форма перешла и къ Персамъ и къ Грекамъ, какъ это видно по многимъ находкамъ въ босфорскихъ могилахъ. Нѣкоторые изъ цилиндровъ — собственно восточной работы,

что видно и по сюжетамъ изображеній и по надписямъ, другіе — съ греческими изображеніями, а третьи, видимо, копіи съ восточныхъ, сдѣланныя Греками. Таковъ, напримѣръ, найденный въ тризнищѣ и попорченный огнемъ халцедоновый цилиндръ (рис. 89 и 90).

88. Перстень золотой изъ женской гробницы на Митридатовой горѣ.

Онъ прикрѣпленъ на оси къ золотой оправѣ, форма которой указываетъ, что онъ не носился на пальцѣ, какъ перстень, а привѣшивался, вѣроятно, къ поясу или носился на шеѣ и служилъ исключительно печатью.

На немъ вырѣзано изображеніе побѣдоносной борьбы восточнаго (Вавилонскаго или Персидскаго?) царя съ Греками; одного врага онъ уже поразилъ стрѣлою и нападаетъ съ поднятымъ копьемъ на другаго. Надъ битвой паритъ крылатый солнечный дискъ Ассура, божества-покровителя царскаго дома.

89. Цилиндръ изъ Пантикапеи.

Работа этого цилиндра позволяетъ считать его греческою копіею съ восточнаго оригинала.

90. Оттискъ съ того-же цилиндра.

При своемъ богатствѣ и обиліи золота Босфорцы не ограничивались перечисленными предметами личнаго убора: самыя одежды, погребальныя пелены, мантіи покрывались рядами золотыхъ тонкихъ бляшекъ. Изображенія, оттиснутыя на этихъ бляшкахъ, разнообразились до крайности: нѣкоторыя изъ нихъ имѣли единственно орнаментальное значеніе и изображали животныхъ, нерѣдко фантастическихъ, также птицъ: орла, пѣтуха, сову; другія заключали въ себѣ, видимо, отношеніе къ хозяину одежды, напримѣръ, бляшки въ видѣ дѣвушекъ въ калатосахъ и Скиѳовъ, исполняющихъ священную пляску, на одеждѣ жрицы Деметры; другія играли роль охранительныхъ амулетовъ; изъ нихъ особенно многочисленны бляшки въ видѣ головы львиной или Горгоны.

Въ могилѣ жрицы Деметры, открытой въ 1864 году, найдено (изъ общаго числа, доходящаго до двухъ тысячъ) 210 мелкихъ и 16 большихъ бляшекъ съ изображеніемъ Горгоны; примѣромъ послѣднихъ является изображенная на рис. 91 бляшка. Отъ архаическаго условнаго типа Горгоны остался только высунутый языкъ; на 54 бляшкахъ изъ Куль-Обскаго кургана (рис. 92) онѣ имѣютъ уже видъ обыкновенныхъ женскихъ головъ, увѣнчанныхъ сельдереемъ и плющемъ, и только змѣи среди волосъ указываютъ на ихъ значеніе.

Такое-же профилактическое значеніе имѣли, вѣрояно, и тисненныя золотыя бляшки, найденныя близъ Ѳеодосіи, въ видѣ маски Пана впрямь, какъ бога, наводящаго паническій ужасъ (рис. 93).

По отчетливой работѣ, бляшки эти могутъ быть отнесены ко времени высшаго расцвѣта греческой художественной промышленности IV—III вѣка до Р. Х. Обычай украшать одежды золотыми бляшками продолжался, какъ то видно по находкамъ, до позднихъ, римскихъ временъ.

Подобныя бляшки находятся и въ скиѳскихъ курганахъ юга Россіи, но отличаются грубо-варварскимъ или фабричнымъ исполненіемъ. Въ собраніи Императорскаго Эрмитажа число ихъ доходитъ до 10.000. Указанія различныхъ статуй и вазовыхъ рисунковъ, а также изображенія восточныхъ одеждъ представляютъ намъ эти нашивки расположенными по коймамъ одеждъ, по разрѣзамъ, четыреугольныя пластинки — по срединѣ фигуры отъ пояса внизъ, треугольники — вмѣсто бахромы и пр.

91. Бляшка изъ «Большой Близницы».

Древнегреческія ткани, сохранившіяся кусками, въ исключительныхъ случаяхъ, въ босфорскихъ некрополяхъ отъ Керчи до Кавказа и острова Хортицы, оказывались узорчатыми, также съ вотканными въ нихъ цѣлыми миѳологическими сценами, или-же вышитыми или, наконецъ, наведенными краскою.

92. Бляшка изъ Куль-Обскаго кургана.

Драгоцѣнными образчиками древнегреческихъ вышивокъ являются куски женской одежды IV—II вѣковъ до Р. Х. изъ Павловскаго кургана. По шерстяной ткани фіолетоваго цвѣта, называвшагося въ древности пурпуромъ (хотя втораго сорта, такъ какъ первымъ, натуральнымъ сортомъ былъ цвѣтъ болѣе шеколадный, коричневый, нежели лиловый), вышито плоскою стежкою разноцвѣтными шерстяными нитками изображеніе Амазонки и растительный орнаментъ. Хорошимъ образцомъ тканья можетъ служить матерія опушенной мѣхомъ шапки, найденной въ «Семибратнемъ курганѣ» (въ Темрюкскомъ уѣздѣ, Кубанской Области): на фонѣ нѣжнаго, вишнево-бураго цвѣта вытканы пестрыя утки и оленьи головы. Ткань эта замѣчательна сочетаніемъ двухъ способовъ тканья, съ одной стороны репса, съ другой — атласа, и тѣмъ, что узоры одинаковы съ обѣихъ сторонъ, на подобіе гобеленовъ.

93. Бляшка изъ Ѳеодосіи.

Болѣе простымъ способомъ украшенія матерій была раскраска ихъ, примѣромъ чего можетъ служить покровъ на гробѣ воина IV—III вѣка въ одномъ изъ Семибратнихъ-же кургановъ. Покровъ сшитъ изъ кусковъ шерстяной матеріи, бывшей ранѣе въ употребленіи, какъ видно по заштопаннымъ дырамъ; живопись весьма поверхностнаго исполненія носитъ характеръ росписи на вазахъ, но уцѣлѣло лишь нѣсколько фигуръ съ именами.

Одежды украшались также золотыми позументами, и тогда самыя ткани прошивались золотыми нитями.

Сохранились, но весьма плохо, нѣсколько шапокъ, войлочный колпакъ, платокъ, сандаліи и сапожки (изъ Павловскаго кургана).

Примѣръ рѣдкаго погребальнаго убора представляетъ находка, сдѣланная въ 1837 году въ Керчи, въ участкѣ «Глинище»: въ курганѣ оказался зарытымъ мраморный саркофагъ съ двускатною крышей, фронтоны которой украшались акротеріями; въ немъ покоился женскій остовъ, убранный множествомъ драгоцѣнностей; между погребальною утварью находилось большое серебряное блюдо съ монограммою, въ которой видятъ имя Антіоха, царя Сиріи или Антигона Македонскаго, и именемъ царя Рискупорида (пунктиромъ) на обратной сторонѣ. Вѣнокъ на головѣ остова отличался отъ изображеннаго на рисункѣ 52 только тѣмъ, что всадникъ на бляхѣ не сопровождается побѣдою. Отличная отдѣлка предметовъ серебряной столовой утвари, носящей на себѣ характеръ римскихъ вкусовъ первыхъ временъ Имперіи, равно сочетаніе на золотыхъ ручкахъ ножей тончайшей греческой скани съ грубымъ чеканомъ варварскихъ звѣриныхъ типовъ указываютъ на I-е столѣтіе по Р. X., какъ на крайній предѣлъ изготовленія подобной элегантной посуды, по грекоримскимъ образцамъ, и на перваго Рискупорида (нач. I вѣка по Р. X.).

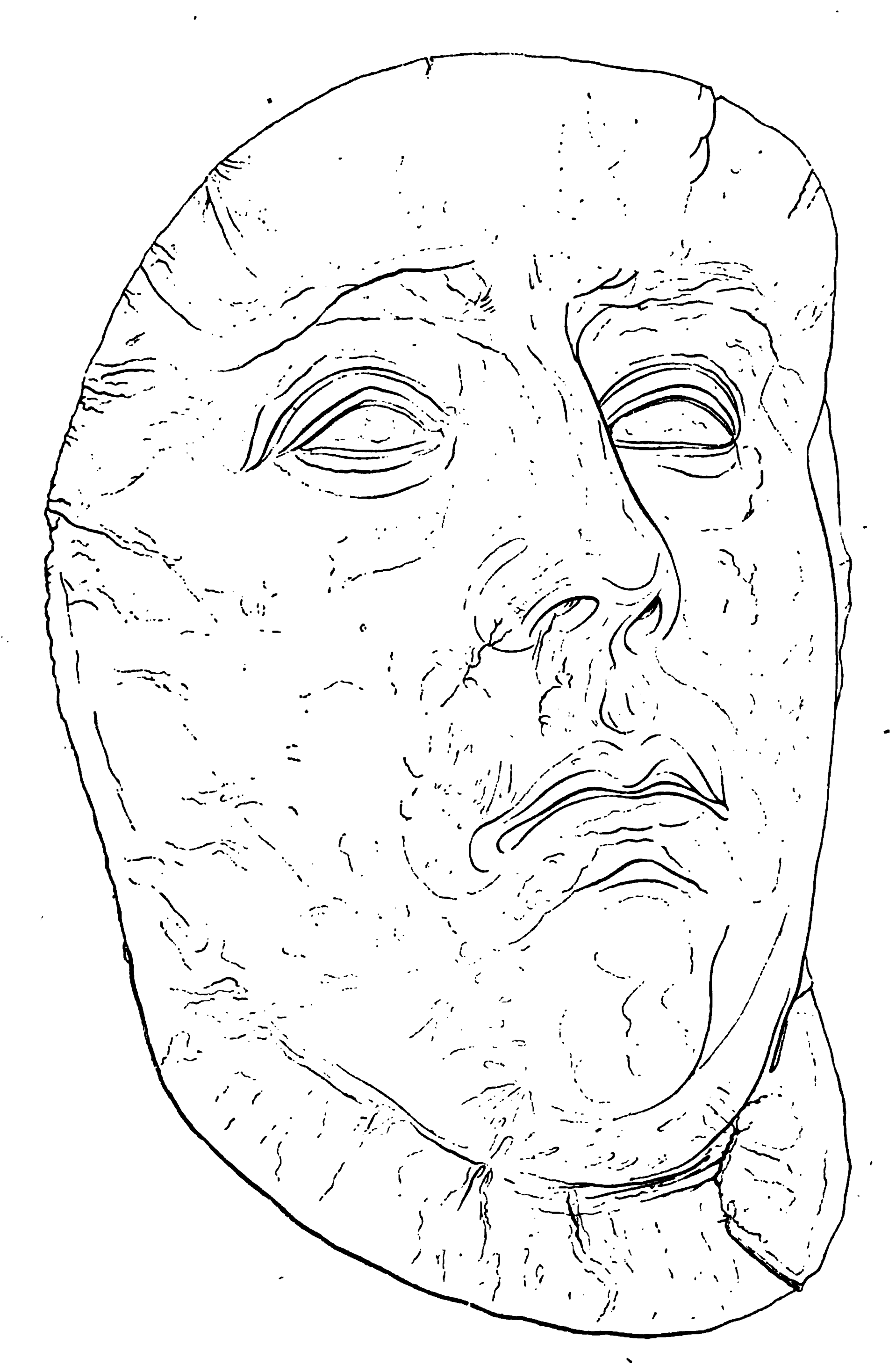
Но особенно интересна золотая маска (рис. 94), которой прикрыто было лицо умершей, такъ какъ такой погребальный обрядъ у Грековъ въ историческое время не упоминается.

Маска эта выбита изъ золотаго листа, имѣвшаго толщину около линіи, но при чеканкѣ расплющеннаго мѣстами такъ, что онъ просвѣчиваетъ; на внутренней сторонѣ его видны слѣды матеріи, которою обложена была наковальня, дабы ослабить силу ударовъ молоткомъ. Мастеръ, видимо, работалъ съ маски (гипсовой), снятой немедленно послѣ кончины погребеннаго, на что указываютъ нѣсколько передернутые мускулы лица, впадина на правой сторонѣ губъ, отчасти положеніе глазныхъ яблоковъ; повидимому, лицо не успѣло еще принять мертвенной неподвижности. Въ Ольвіи найдена была подобная-же золотая маска, но грубой работы и неизвѣстнаго времени. Нѣсколько золотыхъ масокъ, крайне грубаго, подражательнаго варварскаго издѣлія, найдено въ Микенахъ. Маски находили и въ Египтѣ, и въ Ниневіи. Въ Минусинскомъ Округѣ, въ Сибири, находятъ на лицахъ остововъ гипсовыя раскрашенныя маски.

На всемъ протяженіи Босфорскаго царства, равно въ Ольвіи, Тирасѣ, Херсонесѣ, и на сѣверъ вплоть до Кіева и Чернигова въ склепахъ, вокругъ саркофаговъ, и въ могилахъ всѣхъ видовъ, и въ кострищахъ, и въ насыпяхъ кургановъ и городищъ открывается множество произведеній и издѣлій гончарнаго искусства и промышленности.

Такъ какъ греческія колоніи на Босфорѣ явились лишь въ VI вѣкѣ до Р. X., то среди многочисленныхъ памятниковъ этого рода не находится тѣхъ сосудовъ, древнѣйшаго стиля, какіе находятъ въ послѣднее время въ собственной Греціи и на островахъ Средиземнаго моря, и, въ которыхъ передаются образцы древней восточной культуры.

Къ VII и VI вѣку до Р. X. относятъ особый стиль гончарныхъ издѣлій, извѣстный подъ именемъ «коринѳскаго» или «финикійскаго» или «подражательно-египетскаго». Сосуды этого стиля выдѣлывались изъ желтоватой глины; по обожженіи, ихъ украшали узорами, контуры которыхъ выцарапывали остріемъ, рос-

94. Золотая маска изъ Керченскаго кургана.

писывая коричневою, красною и бѣлою красками. Главнымъ видомъ орнаментики являются животные фризы, нерѣдко изъ восточныхъ фантастическихъ звѣрей, сфинксовъ, грифовъ; поле заполнялось орнаментомъ: крестами, ромбами, розетками. Человѣческая фигура явилась сначала въ декоративной формѣ, а потомъ болѣе реальное ея изображеніе появляется въ сценахъ охотъ, битвъ, также сценъ миѳологическихъ. Стиль рисунковъ носитъ печать восточныхъ формъ искусства. Сосуды этого стиля находятся лишь очень рѣдко на Киммерійскомъ Босфорѣ. Въ 1870 году найденъ большой сосудъ этого рода въ гробницѣ на такъ называемой Темиръ-Горѣ къ сѣверо-востоку отъ Керчи въ могилѣ. Но этотъ образчикъ вазы, расписанной на архаическій восточный манеръ, зайцами, ланями, барсами и лисицами, относится къ гораздо позднѣйшему времени, когда въ Босфорскомъ царствѣ, съ паденіемъ греческой культуры, возобладали въ полуварварскомъ обществѣ восточные вкусы въ художественной промышленности. Весьма естественно, что древнѣйшимъ типомъ росписныхъ вазъ для Керчи и Босфора должны были послужить привозные предметы этого рода художественной промышленности Аѳинъ, гдѣ гончарнымъ производствомъ занимался большой кварталъ, получившій имя Керамика. Указанія на этотъ фактъ даютъ вазы аттическихъ типовъ (напр. узкогорлые лекиѳы), украшенныя черными фигурами и орнаментами по красному фону. Сосуды такого рода дѣлались изъ глины, окрашенной сурикомъ или окисью желѣза въ красноватый цвѣтъ, или только по поверхности сосуда, или же во всемъ матеріалѣ его, до обжиганія. На этомъ фонѣ, черною краской, качество которой не удалось доселѣ воспроизвести вполнѣ подражаніемъ, рисовали силуеты фигуръ, причемъ детали контуровъ выцарапывали остріемъ, такъ что образовывались тонкія свѣтлыя черты; сосудъ покрывался лакомъ, не только прикрѣплявшимъ краску къ глинѣ, но даже при вторичномъ обжиганіи сосуда дававшемъ нѣчто въ родѣ блестящей глазури, прекрасно сохраняющейся и понынѣ. Послѣ обжиганія на нѣкоторыя черныя части фигуры накладывались другія краски, особенно часто бѣлая для обозначенія тѣла женщины, иногда животныхъ и деталей одежды, оружія и прочаго убранства фигуръ; для послѣдней цѣли служила иногда и темная коричневая и фіолетовая краски, но такъ какъ эти краски не обжигались, то сохраняются онѣ очень плохо. Мастера нерѣдко снабжали живопись надписями, или относящимися къ изображеннымъ фигурамъ, или содержащими имя мастера, гончара или живописца, иногда обоихъ. Живописцы изображали на этихъ вазахъ исторію боговъ, и героевъ, выбирая сюжеты согласно практическому назначенію сосудовъ: рисовали сцены частной жизни, гимнастическія упражненія, свадьбы, пиры. Нѣсколько вазъ этого стиля, который господствовалъ въ V вѣкѣ въ видѣ мелкихъ привозныхъ издѣлій, найдены и на берегахъ Босфора Киммерійскаго. Изъ всѣхъ находокъ выдѣляется великолѣпная, такъ называемая «панаѳинейская» ваза, найденная въ курганѣ воина IV вѣка до Р. Х. на Акбурунскомъ мысу близъ Керчи въ 1875 году. По изображенію на этой вазѣ богини Аѳины и трехъ фигуръ, состязающихся въ бѣгѣ, и по надписямъ она оказывается аѳинскимъ призомъ, завезеннымъ въ Керчь.

На Босфорѣ найдены также двѣ маленькихъ амфоры, подражающихъ панаѳинейскимъ сосудамъ, но съ грубымъ рисункомъ IV — III вѣка до Р. Х., когда

панаѳинейскія амфоры сохраняли еще старинный стиль и черныя фигуры. Стиль всей керамики окончательно измѣнился уже съ начала IV столѣтія: черною краской покрывали теперь фонъ, оставляя фигуры красными, а детали ихъ рисунка исполняя черными линіями.

На границѣ между столь различными видами стиля стоятъ греческіе сосуды, часть росписи которыхъ исполнена въ старомъ, а другая — въ новомъ стилѣ, причемъ переходъ этотъ совершился въ концѣ V вѣка до Р. Х. Фигуры на этихъ вазахъ сохраняютъ прежнюю условность, а буквы надписей не слѣдуютъ оффиціальному алфавиту, установленному въ Аѳинахъ въ 403 году до Р. Х. Живопись вазъ типичнаго стиля IV столѣтія отличается полнымъ техническимъ совершенствомъ и всегда отличнымъ исполненіемъ, а также блестящею и замѣчательно прочною глазурью чернаго поля и красныхъ фигуръ. Но при большомъ разнообразіи сюжетовъ, замѣчается упадокъ въ композиціи черезъ осложненіе сценъ второстепенными фигурами, а господство живописной манеры не даетъ уже прежняго архитектурнаго построенія сцены на поверхности сосуда. Большинство керченскихъ росписныхъ вазъ этого вида повторяетъ аѳинскіе рисунки и держится обычнаго и наиболѣе распространеннаго въ эту эпоху типа настольной амфоры малаго размѣра. Примѣромъ такой амфоры можетъ служить найденная въ могилѣ на южномъ склонѣ горы Юзъ-Оба

95. Амфора изъ «Юзъ-Оба».

Амфора росписана изображеніями Нереидъ на морскихъ коняхъ (гиппокампахъ) и парящаго, между ними, Эрота.

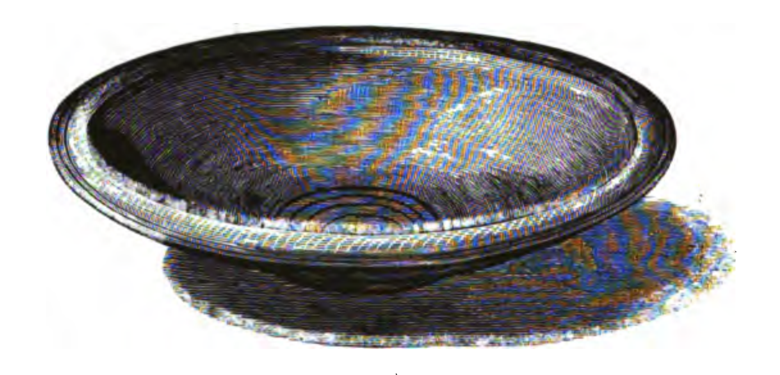
Сосуды съ широкимъ развалом въ верхней части и тремя маленькими ручками у шейки назывались гидріями. Большая съ отогнутыми краями чаша на подставѣ называлась кратеромъ и служила для смѣшенія вина съ водою на столѣ. Сосуды эти особенно большихъ размѣровъ (отъ $^3/_4$ до 1 аршина въ поперечникѣ) и расписанные сонмами божествъ, подвигами героевъ, изображеніями игръ, пріобрѣтались спеціально для тризны, и по окончаніи ея бились въ дребезги и разсыпались вокругъ могилы и на курганной насыпи. Черепки такихъ сосудовъ встрѣчаются на всѣхъ большихъ курганахъ въ ихъ насыпи (особенно замѣчательнаго рисунка изъ Павловскаго кургана, Юзъ-Оба и кургана дер. Баксы близъ Керчи); но никогда не удавалось составить цѣлаго поминальнаго кратера. Для охлажденія смѣси въ кратеръ ставили иногда особый холодильникъ — *псиктеръ*.

96. Кіатосъ.

Для черпанья и разливанья вина служило нѣсколько видовъ, похожихъ на кувшины; изъ нихъ *ойнохои* имѣли тройчатую губку; кружки — съ одной или двумя ручками — *котила, кіатосъ,* могли служить для питья. *Фіала* была плоская чашка безъ ножки, *киликсъ* — плоское блюдце на ножкѣ, *канѳаръ* — глубокій кубокъ на ножкѣ съ двумя большими ручками, *скифъ* — конической формы кубокъ. Между керамическими издѣліями Керчи встрѣчаются художественно исполненные — *ритоны* въ обычной формѣ «турьихъ роговъ».

При женскомъ туалетѣ употреблялись большіе глинянные тазы, иногда на ножкѣ, — *лутеріонъ;* для храненія благовонной воды, духовъ, маслъ и мазей служили плоскія чаши на ножкѣ — *леканы* съ плоскою-же крышкой и чаще съ

97. Патера.

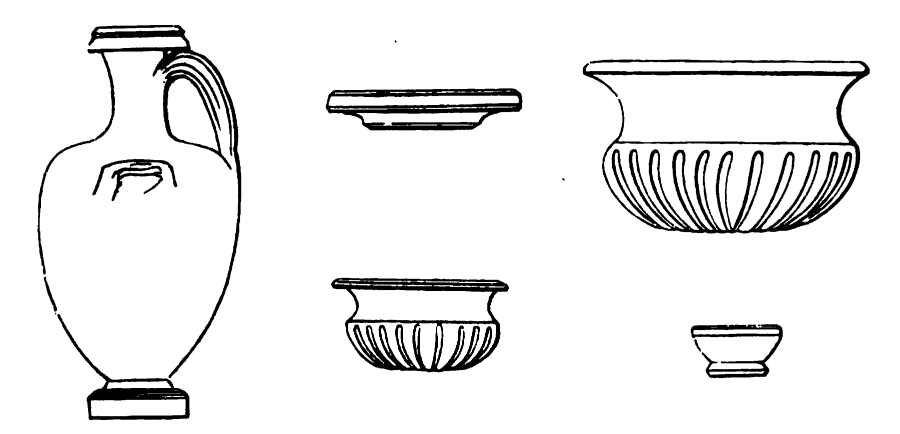
ручками; сюжеты ихъ росписи брались изъ женскаго быта; для храненія душистыхъ маслъ служили высокія, съ узкимъ горлышкомъ и одною ручкой бутылочки — *лекиѳы;* для благовонныхъ мазей женщинамъ служили небольшіе круглые сосуды съ плоской крышкой — *пиксиды;* небольшіе кувшинчики съ узкими горлышками — *арибаллы* — мужчинамъ. Для тонкихъ душистыхъ маслъ употреблялись стеклянные и натуральнаго гипса *алавастры.*

Многія живописныя вазы, найденныя на берегахъ Босфора, привезены изъ Аѳинъ. Росписная ваза *(пелика)*, найденная въ гробницѣ Павловскаго кургана, представляетъ подобный образецъ греческой живописи на вазахъ изящнаго стиля. Главнымъ признакомъ этого стиля служитъ здѣсь пестрая раскраска женскаго тѣла въ бѣлый цвѣтъ и одеждъ по бѣлому грунту разноцвѣтными тонами, а равно рельефное выполненіе и позолота аксессуаровъ и уборовъ.

98. Алавастръ.

На вазѣ, на одной сторонѣ изображено возрожденіе Якха. На другой (рис. 104) — слѣва стоитъ Гераклъ съ опущенною палицей и вѣтвью, какъ участникъ въ мистеріяхъ. Предъ нимъ, ближе къ Деметрѣ стоитъ жрецъ въ роскошной одеждѣ, держа два факела въ качествѣ *мистагога,* посвящающаго въ мистеріи. На лѣво, въ симметріи съ Геракломъ, сидитъ Діонисъ, держа въ лѣвой рукѣ тирсъ. Въ центрѣ картины сидитъ Деметра въ калатосѣ и съ нею рядомъ, рожденный ею на трижды вспаханномъ полѣ, на Критѣ, Плутосъ, богъ изобилія, съ его золотымъ рогомъ. На право отъ

99 — 103. Формы глиняной посуды изъ «Большой Близницы».

богини, опершись на бѣломраморную колонку и придерживая факелъ, стоитъ дочь ея Кора или Персефона въ одномъ, спущенномъ ниже груди, гиматіи. Ихъ окружаютъ Афродита съ сидящимъ у ногъ ея Эротомъ и другая богиня. Въ полѣ, надъ Деметрой изображенъ на крылатой колесницѣ приближающійся къ группѣ Триптолемъ, царь Элевсина, первый сѣятель.

Чуднымъ образцомъ живописи того-же времени можетъ служить большая, $12^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ, крышка леканы, найденной въ 1859 году въ склепѣ съ такъ называемымъ египетскимъ сводомъ одного изъ Юзъ-Обскихъ кургановъ (см. рис. 105, 106 и 107).

Техника рисунка та-же, что и на разсмотрѣнной вазѣ. Сюжетъ взятъ изъ домашняго быта женщинъ; изъ предѣловъ реальности выходятъ только нѣсколько Эротовъ, которые на древнихъ памятникахъ сплошь и рядомъ являются эмблематическими иллюстраціями женскаго быта и его разнообразныхъ сторонъ. Въ глав-

101. Рисунокъ на вазѣ изъ Кургана близъ Павловской баттареи въ Керчи.

ной группѣ видѣнъ юноша, который только-что поднесъ молодой женщинѣ шкатулку съ дорогими уборами; на его посохѣ виснетъ маленькій Эротъ. Окружающія ихъ дѣвицы заняты туалетомъ, нерѣдко при помощи Эротовъ, другія —

105. Лекана изъ кургана на «Юзъ-Оба».

игрою на столѣ; одна увѣнчиваетъ бѣлую герму Пріапа, изъ-за которой бросается на ближайшаго Эрота борзая собака; служанка моетъ руки въ большой бѣлой чашѣ (въ родѣ *лутерія*). Всѣ фигуры украшены золотыми вѣнками и повязками; хитоны на плечахъ заколоты золотыми пряжками. Аксессуары даютъ намъ представленіе объ убранствѣ женской половины греческаго дома: въ полѣ изображены сундучки, вазы, клѣтка съ птицей, утка, гуляющая по полу, курильница *(ѳиміатерій)*, и пр.

Въ IV вѣкѣ дѣлали и сосуды, покрытые черной поливой, безъ живописи, иногда съ лѣпными узорами; такъ, въ двойномъ склепѣ на Юзъ-Оба, найдено двѣ черныхъ амфоры, украшенныхъ желобками и золотой гирляндой, а въ одномъ изъ кургановъ «Семи братьевъ» — маленькій сосудъ съ изящными вдавленными украшеніями.

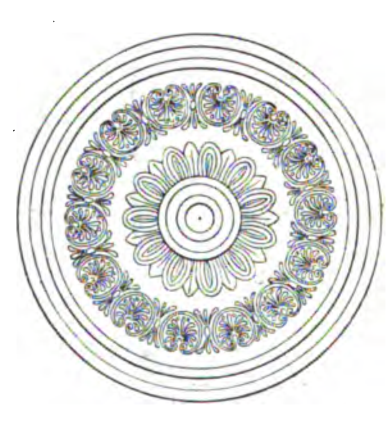
Въ IV вѣкѣ мастера, не довольствуясь одною живописью, присоединили къ ней пластическій рельефъ, и часть изображеній, украшающихъ вазу, продолжали писать по прежнему, тогда какъ главныя фигуры стали изображать рельефно. Въ окрестностяхъ Керчи найдено четыре замѣчательнѣйшихъ по совершенству работы подобныхъ вазы.

Въ 1872 году у подошвы «Сахарной Головы», въ каменной гробницѣ найдена была гидрія, закрытая глинянымъ темнокраснымъ кружкомъ, плотно примазаннымъ къ горлышку. Въ гидріи оказались жженыя кости и точильный брусокъ; около нея лежали куски перержавѣвшаго желѣзнаго меча. Она покрыта черной блестящей поливой и съ одной стороны украшена отчасти нарисованнымъ, отчасти вылѣпленнымъ изображеніемъ спора Аѳины съ Посидономъ (рис. 108).

Главныя фигуры сдѣланы выпуклымъ рельефомъ, у прочихъ рельефны только золотыя украшенія, тирсъ Діониса и скипетръ сидящей на право мужской фи-

106. Рисунокъ на леканѣ изъ кургана на хребтѣ «Юзъ-Оба».

107. Верхняя ручка леканы.

гуры. Центръ занимаетъ золотая маслина. У корня ея змѣя, поднявшись, угрожаетъ Посидону; съ вершины Побѣда слетаетъ къ Аѳинѣ. Посидонъ, тѣло котораго имѣло свѣтлокаштановый тонъ, одѣтый только въ красноватую мантію, поднимаетъ правою рукою золотой трезубецъ, чтобы вонзить его въ землю, чѣмъ онъ и произведетъ соляной источникъ на Акрополѣ; въ лѣвой онъ держитъ подъ уздцы бѣлаго коня; между ногами божества представленъ ныряющій въ морѣ дельфинъ. За конемъ стоитъ супруга Посидона Амфитрита въ красноватомъ хитонѣ и накинутомъ сверхъ него зеленомъ гиматіи, отводя его конецъ правою

108. Рисунокъ на керченской вазѣ съ изображеніемъ спора Аѳины и Посидона.

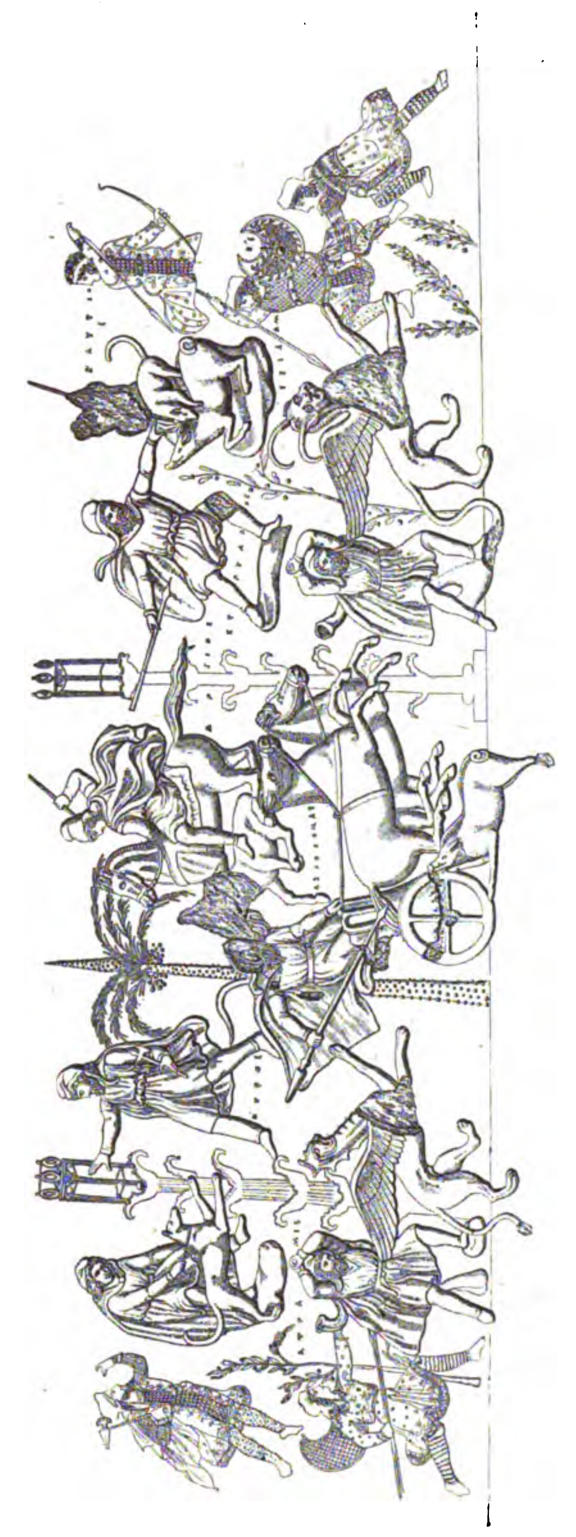
рукою отъ лица, какъ конецъ покрывала, снятаго съ головы, чтобы наблюдать сцену. По другую сторону масличнаго дерева выступаетъ на право Аѳина (рельефная голова осыпалась) въ зеленомъ пеплосѣ, украшенномъ золотою эгидой, съ большимъ щитомъ, поднятымъ въ лѣвой рукѣ. Правою рукою богиня высоко подняла свое копье, ударомъ котораго въ землю она должна произвести на свѣтъ священную ей маслину, которая по обычнымъ пріемамъ древней живописи, уже изображена мгновенно выросшею. Справа отъ нея быстро приближается Діонисъ съ наклоненнымъ къ землѣ тирсомъ. Пантера, сопровождающая бога — бѣлая съ темными пятнами. Вся сцена заключена изображеніемъ мѣстнаго женскаго божества Кекропса — судіи въ спорѣ.

Это изображеніе имѣетъ особенную важность для исторіи греческаго искусства, такъ какъ центральная группа его, несомнѣнно, представляетъ копію сюжета Парѳенонскихъ скульптуръ, а именно западнаго фронтона этого храма, почти совершенно разрушеннаго. Сюжетомъ статуй, составлявшихъ западный фронтонъ знаменитаго храма, было взято Фидіемъ соперничество Аѳины съ Посидономъ изъ-за обладанія Аттикою, рѣшенный въ пользу Аѳины, создавшей маслину, за что Посидонъ отомстилъ потопленіемъ низменной части Аттики. Спеціальною чертою вазовой живописи является фигура Діониса, нимфы и судьи, которыхъ въ скульптурахъ Фидія не было.

Другой примѣръ вазы съ рельефными фигурами представляетъ извѣстный Ксенофантовъ сосудъ *(лекиѳъ или арибаллъ)* болѣе 8 вершковъ высотою, найденный въ 1836 году близъ Керчи, въ саду Дюбрюкса. Формы буквъ въ надписяхъ и стиль не позволяютъ полагать предмета позже второй половины III столѣтія до Р. Х.

Сцена (рис. 109) обставлена въ срединѣ большою финиковою пальмою (была позолочена), двумя высокими колоннами въ формѣ растенія сильфіума, краснаго и бѣлаго цвѣта, съ золотыми треножниками на верху и кустами лавра съ бѣлыми листьями. Двѣнадцать варваровъ (Персовъ) въ персидскихъ и фригійскихъ одеждахъ заняты охотой на кабановъ, ланей и грифовъ. Первые изображены вполнѣ натурально и очень живо, тогда какъ грифы представлены фантастически, съ тѣломъ голубаго цвѣта, золотыми крыльями и рогами, и ихъ положенія носятъ на себѣ условный характеръ. Надъ охотниками написаны ихъ имена: 'Аброкомъ, Сайсамъ, Атрамисъ, Дарій, Евріалъ, Клитій, Киръ. Пять именъ — персидскія, два — греческія. Изображеній охотъ на памятникахъ греческаго искусства весьма много, но большинство ихъ изображаетъ охоты Грековъ, хотя-бы и миѳическихъ героевъ, въ греческой обстановкѣ и на туземныхъ животныхъ. Со времени персидскихъ войнъ въ Греціи начали распространяться персидскія матеріи, ковры и всякія издѣлія роскоши, украшенныя сценами изъ восточной жизни и охоты, и изображеніями различныхъ фантастическихъ животныхъ. Картины охотъ, сохраненныя позднѣе Филостратомъ, указываютъ на побережья Каспійскаго моря, въ которыхъ производилась обильная и любимая охота временъ Александра Македонскаго. Финиковая пальма на нашей картинѣ указываетъ на берега Персидскаго залива. Охоты восточнаго характера появляются повсюду въ Греціи и въ Италіи и тѣмъ болѣе на Босфорѣ. Такъ какъ ходившія всюду легенды и басни населили уже отдаленный Востокъ фантастическими звѣрями, къ тому-же и на

произведеніяхъ искусства Востока Грекъ встрѣчалъ всюду тѣхъ-же чудовищъ, то естественно, что Греки представляли себѣ, въ художественномъ образѣ, жизнь различныхъ варваровъ среди постоянной борьбы съ чудовищами. Между этими чудовищами самымъ страшнымъ являлся грифонъ, съ которымъ по баснословнымъ разсказамъ боролись и Гиперборей, и Аримаспы, и Троглотиды и др. Своимъ миѳическимъ охотникамъ мастеръ придалъ и соотвѣтствующія обычныя персидскія имена, помѣшавъ ихъ съ греческими, чтобы дать понять, что Грекъ въ восточной странѣ перенималъ и имена, и одежды, и мѣстные обычаи. Около шейки сосуда идетъ мелкій золоченый барельефъ вытиснутый шаблономъ, повторяющій фигурки героевъ: Тезей, Персеѳой, Гераклъ. Около самаго горлышка идетъ надпись — «сдѣлалъ Ксенофантъ Аѳинянинъ». По смыслу надписи, художникъ работалъ сосудъ въ самой Пантикапеѣ, такъ какъ на сосудахъ, находимыхъ въ Аттикѣ, мастера аѳинянами себя не называли, что было бы излишне. Переселеніе Ксенофанта и другихъ отличныхъ мастеровъ на Босфоръ объясняетъ обиліе превосходныхъ керамическихъ произведеній на берегахъ Босфора, образующихъ особую группу въ греческой керамикѣ IV — III вѣка до Р. Х. Особенности этой группы объясняются туземными вкусами заказчиковъ, болѣе близкихъ къ варварамъ, чѣмъ къ Грекамъ и по происхожденію, и по образу жизни.

109. Рисунокъ керченской вазы съ изображеніемъ «охоты Дарія».

Въ большомъ сложенномъ изъ каменныхъ массивовъ, конечномъ курганѣ на хребтѣ Юзъ-Оба, слывущемъ подъ именемъ «Змѣинаго», въ послѣднее время, въ сторонѣ отъ открытаго прежде склепа, найдено было подъ заваломъ изъ камней двѣ вазочки (арибаллы) съ барельефами. Одна изъ нихъ передаетъ въ точной копіи главныя группы той-же «охоты Дарія», изображенной на вазѣ Ксенофанта, безъ надписей и второстепенныхъ группъ. Другая представляетъ сцену изъ жизни Афродиты и отличается высшими художественными достоинствами. Вазочки эти были разбиты на тризнѣ, но, какъ драгоцѣнные предметы, положены послѣ нея, въ сторонѣ отъ огня подъ охрану каменнаго завала, вмѣстѣ съ десятками маленькихъ солонокъ, черепками рыбныхъ и иныхъ блюдъ и ойнохой. На ряду съ разсмотрѣнными вазами являются многочисленные образцы сосудовъ, самая форма которыхъ измѣнена въ пластическую. Простѣйшимъ видомъ ихъ были уже упомянутые ритоны. Восточные образцы этой формы принадлежатъ отдаленной древности. Начало греческой фабрикаціи относится къ первому періоду господства сосудовъ съ красными фигурами. На эту форму указываютъ и древніе писатели, дающіе сосудамъ имена орла, козла, грифа, пегаса и т. п. Сосуды эти представляли чаще голову какого-либо животнаго съ приставленной на шею круглой чашею, которая служитъ горлышкомъ.

Въ иныхъ ритонахъ нижняя часть имѣетъ маленькое отверстіе, чрезъ которое вино льется струею въ ротъ пьющаго. Многимъ мелкимъ вазамъ придавали скульптурную форму, или всему сосуду или только лицевой сторонѣ. Такихъ сосудовъ найдено на берегахъ Босфора очень много разнообразныхъ формъ: птицъ, сиренъ, собакъ, менадъ, пляшущихъ скиѳовъ, головъ и бюстовъ и т. п. Лучшими образцами между всѣми греческими сосудами такого рода служатъ два сосуда, найденные въ 1869 году въ большомъ курганѣ близъ древней Фанагоріи, въ гробницѣ изъ сырцеваго кирпича, крытой брусьями. Одинъ изъ нихъ изображаетъ Афродиту, другой сфинкса. Оба эти сосуда чрезвычайно тщательной работы IV—III вѣка до Р. Х.; краски, которыми они покрыты, замѣчательны клеевымъ составомъ и наведены особымъ клеемъ, охраняющимъ роспись и придающимъ ей видъ матовой фарфоровой поливы.

Форма вазы (рис. 110) сохранена только на шейкѣ и ручкѣ, фонъ которыхъ и покрытъ обычной черной поливой. Цвѣты на темнокрасной стефанѣ сфинкса, его волосы, ожерелье, хвостъ и крылья частью позолочены; крылья бѣлыя съ голубыми и синими полосками; тѣло бѣлое, но, начиная съ груди, принимаетъ розоватый оттѣнокъ, который на лицѣ переходитъ въ тѣльный цвѣтъ; губы темнокрасныя, рѣсницы и брови темныя, глаза голубые. Часть вазы между лапами украшена бѣлыми пальметками на красномъ фонѣ, верхняя часть пьедестала голубая, боковыя — красныя. Всѣ эти краски сохранили удивительную свѣжесть. Образъ сфинкса, часто встрѣчающійся въ миѳахъ и въ изображеніяхъ, перенесенъ въ Грецію съ Востока, по одному миѳу изъ Эѳіопіи, такъ какъ Греки смѣшивали своего сфинкса съ египетскими; между ними слѣдующая коренная разница: египетскіе сфинксы — мужскаго пола и безкрылые, греческіе же — крылатые звѣри съ женской головой и грудью и заимствованы Греками не прямо изъ Египта, но чрезъ Финикіянъ. Въ финикійскихъ поддѣлкахъ предметовъ египетскаго вывоза

сфинксъ, по незнанію, утратилъ обычную египетскую тонкую бородку, а греческіе мастера превратили эту безбородую фигуру въ женское существо.

110. Сосудъ въ видѣ сфинкса изъ древней Фанагоріи.

Второй сосудъ изображаетъ, какъ сказано выше, Афродиту въ раковинѣ. Наружныя стѣнки раковины — бѣлыя, внутреннія расписаны въ багряной цвѣтъ,

все тѣло богини — розоваго цвѣта, глаза — голубые, волоса и головной уборъ, равно какъ и украшенія на шеѣ и груди позолочены; форма изображенныхъ внизу

111. Сосудъ въ образѣ Афродиты изъ древней Фанагоріи.

волнъ и нижняя часть тѣла богини — голубыя. Но краски эти, тождественныя по блеску съ красками сфинкса, сохранились хуже. Горлышко сосуда, на головѣ

богини, отломано. Вся фигура изображаетъ рожденіе Афродиты изъ раковины, поднявшейся со дна моря. Сказаніе о рожденіи Афродиты изъ моря основано на неправильномъ словопроизводствѣ и толкованіи древними Греками этого имени, какъ богини «рожденной изъ пѣны», тогда какъ это слово, повидимому, халдейскаго происхожденія и имѣетъ значеніе «Голубя» — птицы, издревле посвященной этой богинѣ.

Волнующееся море и золотой вѣнецъ согласны со словами гомеровскаго гимна въ честь Афродиты. Тотъ-же сюжетъ изображенъ былъ Фидіемъ на пьедесталѣ Олимпійскаго Зевса. Рядъ терракоттовыхъ статуэтокъ на крышкахъ коробочекъ, для различнаго рода притираній, изображаютъ Афродиту, сидящую среди раскрытыхъ, на подобіе крыльевъ, створокъ раковины. Оба сосуда были аксесуаромъ женскаго туалета.

Согласно съ общимъ ходомъ искусства, III столѣтіе, представляющее въ вазовой живописи образцы такъ называемаго «роскошнаго» стиля, отличается паденіемъ вкуса и техники, пестротою росписи. Живопись вазъ исполнялась по старому способу, но обнаруживаетъ недостатки въ самомъ рисункѣ. Ко II-му вѣку можно отнести большинство вазъ, по рисунку примыкающихъ къ вазамъ III-го вѣка, по техникѣ же представляющихъ совершенно своеобразный классъ сосудовъ, нигдѣ доселѣ, кромѣ береговъ Босфора, не встрѣченный. Причиною появленія было, съ одной стороны, паденіе техническихъ знаній мастеровъ, съ другой — вкусъ къ пестрымъ, раскрашеннымъ рисункамъ. Вазы этого времени, преимущественно въ типѣ пантикапейской амфоры, расписывались по гипсу водяными красками, крайне непрочными: фономъ служитъ обыкновенно черный цвѣтъ сосуда, или происходящій отъ окраски всего матеріала, или же наведенный особою черною водяною краской.

На смѣну живописнымъ вазамъ, со II стол. до Р. Х., явилась посуда, отдѣлываемая рельефомъ и покрываемая черною или красною глазурью. Изображенія получались оттискомъ въ сырой глинѣ формъ или штамповъ. Сосуды этого рода раздѣляютъ на два разряда, условно по первымъ находкамъ названныхъ «арретинскимъ» и «самосскимъ»: чаши безъ ручекъ, прекрасной глины, красной, но также и черной, сѣрой и желтой, покрытыя тонкимъ слоемъ поливы въ родѣ глазури; второй видъ чаши съ закругленнымъ дномъ, покрытымъ художественными украшеніями, нерѣдко скопированными съ металлическихъ сосудовъ.

Среди памятниковъ, относимыхъ къ I-му и II-му столѣтіямъ по Р. Х., эпохѣ римскаго вліянія, на Босфорѣ находятъ много чашъ этого типа изъ черноватой, красной или желтой глины; имена или монограммы мастеровъ, какъ напр. имя Менемаха, клеймо котораго встрѣчено въ Италіи, свидѣтельствуютъ о привозѣ на Босфоръ этой посуды. Примѣромъ сосудовъ римской эпохи можетъ служить чашка, найденная въ курганѣ на берегу Таманскаго залива, около древней Фанагоріи (рис. 113). Оттиснутыя на ней въ клеймахъ іоническія колонки, вазочки, эроты, играющіе на лирѣ, и орнаменты повторены нѣсколько разъ; дно украшено трагическою маской.

Въ тотъ-же римскій періодъ входитъ на ряду съ глиняной и заступаетъ ея мѣсто во всеобщемъ употребленіи стеклянная посуда, дотолѣ представлявшаяся предметомъ рѣдкой роскоши. У людей богатыхъ сосуды изъ стекла и изъ доро-

гихъ металловъ почти совсѣмъ вытѣсняютъ потерявшую уже художественныя достоинства глиняную посуду, которая, конечно, въ простѣйшихъ формахъ остается достояніемъ бѣдняковъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ находки обыч-

112. Рельефъ вазы — прохуса изъ Керчи, съ изображеніемъ Ганимеда, поящаго орла.

113. Тисненая глиняная чашка изъ Фанагоріи.

ныхъ плоскихъ чашъ-патеръ въ могилахъ съ стеклянною посудою. Металлическая посуда употреблялась Греками, конечно, и ранѣе, начиная со временъ отдаленнѣйшей древности. И на Босфорѣ, населеніе котораго было столь богато, нахо-

дятъ значительное количество золотыхъ и особенно серебряныхъ сосудовъ. Въ знаменитомъ Куль-Обскомъ курганѣ найдено было ихъ нѣсколько; среди нихъ особенно выдается небольшая ваза изъ электра (сплавъ золота съ серебромъ), украшенная изображеніями скиѳовъ. Тамъ-же найдена была золотая чаша-поддонъ прекрасной работы, золота 84 пробы, вѣсомъ 1 ф. 67⁵/₈ зол.

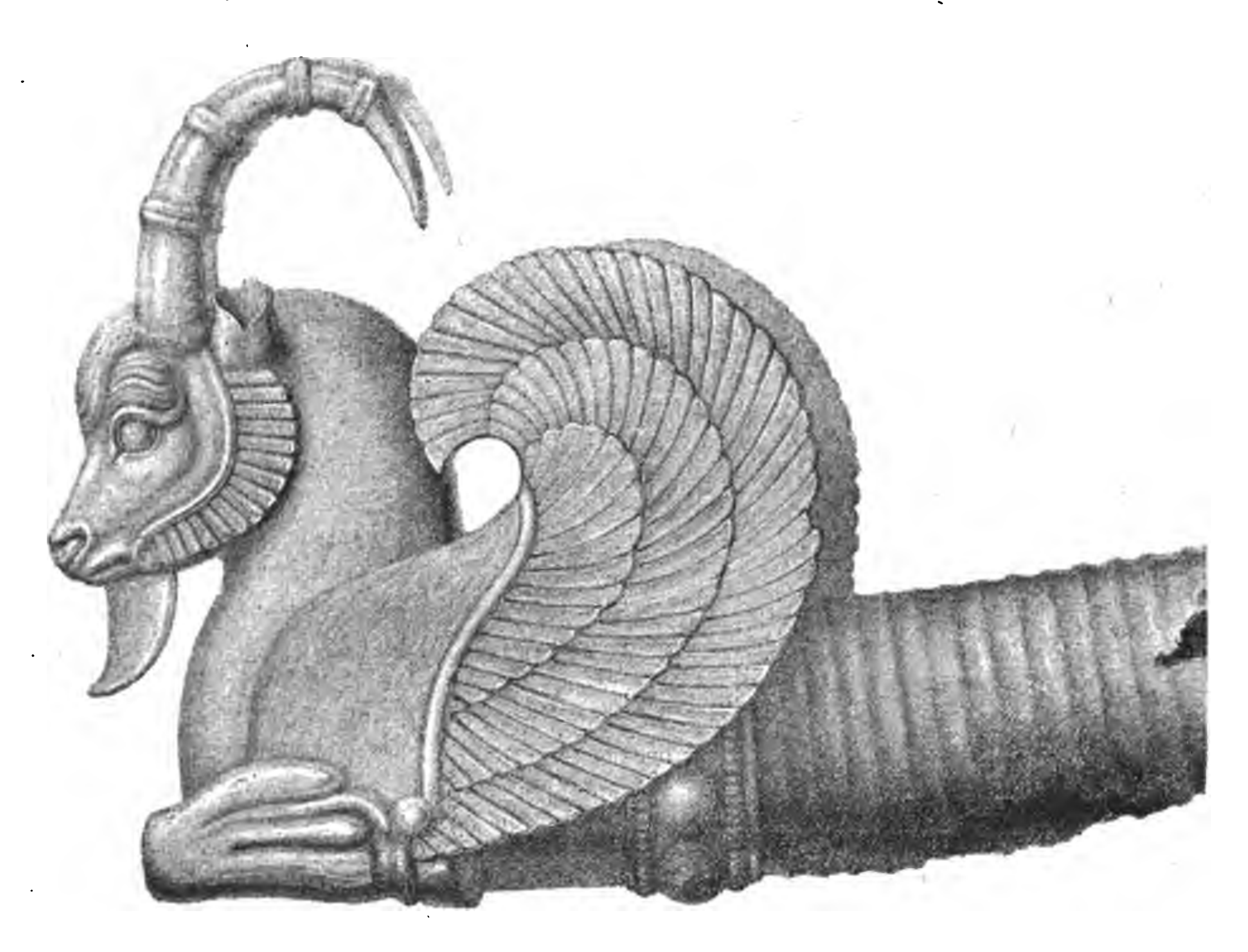

114. Поддонъ изъ Куль-Обскаго кургана.

Наружная сторона поддона трактована въ видѣ пышнаго многолепестковаго цвѣтка, и остроконечная форма лепестковъ этой розетки указываетъ на древнѣйшіе ассирійскіе или персидскіе оригиналы. Внутренняя кайма, идущая вокругъ ножки, орнаментирована по грекоазіатскому образцу рыбами и дельфинами. Каждый лепестокъ, помѣщенный внутри жемчужнаго жгута, украшенъ въ двухъ рядахъ чеканнымъ подобіемъ филигранныхъ узоровъ и маскою Горгоны архаическаго типа, но въ тяжелыхъ формахъ греческаго барока. На третьемъ рядѣ лепестковъ

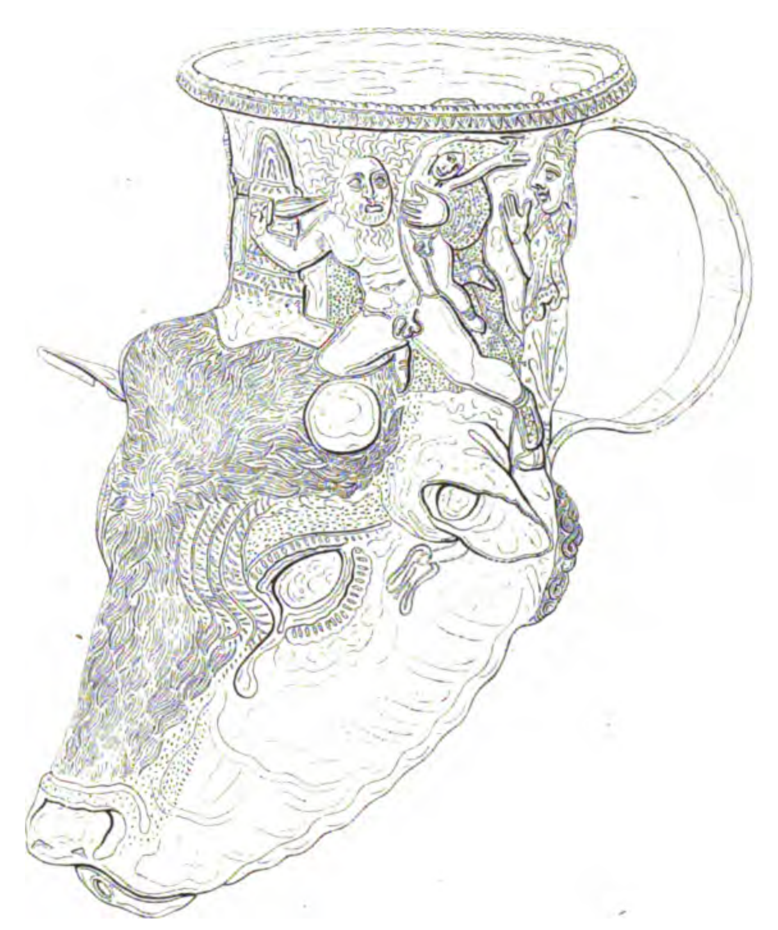
представлены головы варваровъ съ клинообразною бородою и въ конической расшитой шапкѣ. Въ промежуткахъ разсыпаны всюду крохотныя маски барсовъ и кабановъ.

Высшей степени процвѣтанія металлическое производство достигло въ Сиріи при Селевкидахъ, а въ Египтѣ — при Птоломеяхъ, отразившись на всѣхъ восточныхъ окраинахъ греческой культуры. Находки въ гробницахъ Босфора и курганахъ Скиѳіи представили много древнихъ образцовъ мастерства, изъ которыхъ первое мѣсто, какъ по интересу изображеній, такъ и по художественности, принадлежитъ большой серебряной вазѣ, найденной въ 1863 г. въ Чертомлыцкомъ курганѣ (близъ Никополя, Екатеринославской губ.). Къ тому-же приблизительно времени (III в. до Р. X.) относятся и металлическіе сосуды, найденные въ 1875 г. въ одномъ изъ «Семибратнихъ» кургановъ на Кубани: золотой рогъ для питья съ бараньей головой на концѣ; другой, оканчивающійся изображеніемъ собаки,— нѣсколько бронзовыхъ сосудовъ и большой серебряный рогъ съ переднею частью крылатаго козла.

115. Конецъ ритона изъ «Семибратняго» кургана.

Величиною рогъ этотъ превосходитъ всѣ извѣстные доселѣ ритоны; на нижней части его отверстія нѣтъ, и пили изъ него, какъ изъ настоящаго рога чрезъ край. По верху идетъ восточный орнаментъ, нижняя часть рога передаетъ близко къ натурѣ передъ каменнаго барана. Крылья по завиткамъ на концахъ слѣдуютъ извѣстнымъ преимущественно въ Персіи восточнымъ типамъ, равно какъ и самая форма козла или барана, быка, лежащаго съ подобранными подъ себя ногами, принадлежитъ персидской скульптурѣ. Стиль предмета съ его условной орнаментальною передачею натуры — тоже персидскаго происхожденія, но значительно смягченъ греческимъ мастеромъ, почему и предметъ можетъ быть отнесенъ скорѣе къ III, чѣмъ IV в. до Р. Х. Примѣромъ серебрянаго чисто-греческаго ритона можетъ служить слѣдующій великолѣпный образецъ, найденный на Босфорѣ, обронной и чеканной работы.

116. Керченскій серебряный ритонъ.

Многія части ритона были позолочены: фигуры, волосы, платье и обувь, могильный памятникъ, рога бычка, внутренность ушей, нѣкоторые пучки на холкѣ и верхній край сосуда, украшенный овами. Насколько натуралистически передана

голова бычка съ ея настороженными ушами, тупымъ взглядомъ, и всею мускулатурою, настолько тяжелы человѣческія фигуры въ изображенной на горлышкѣ миѳологической сценѣ. Сцена представляетъ два момента: убіеніе ребенка на могилѣ и борьбу убійцы съ двумя женщинами: быть можетъ, исторія Діониса — Загрея, растерзаннаго Титанами въ присутствіи Коры. По мелочной отдѣлкѣ, ритонъ можетъ принадлежать III — II столѣтію до Р. Х.

У римлянъ серебряная посуда начала распространяться въ послѣднія времена республики, была первоначально греческой работы; произведенія лучшихъ временъ были тогда предметомъ поисковъ со стороны римскихъ собирателей; понятно, что и сами римляне дѣлали серебряную посуду по образцу греческой, хотя не могли сравняться съ художественностью издѣлій лучшаго времени.

Такъ, въ Молдавіи, въ Дорогойскомъ округѣ, на берегу Прута найдено два сосуда весьма пышной, но тяжелой работы.

Изъ нихъ сосудъ, изображаемый на рис. 117, представляетъ образецъ столовой декоративной вазы I — II столѣтія до Р. Х. Фигурныя ручки изображаютъ Кентавровъ, уносящихъ на плечѣ амфоры съ виномъ; по верхнему бордюру живо, но безпорядочно, соединены двѣ сцены — охоты на кабана съ собаками и ловли въ загонъ оленей. Средній поясъ повторяетъ, любимую на греческихъ и преимущественно босфорскихъ вазахъ, борьбу Грековъ съ Амазонками; нѣкоторыя фигуры Грековъ представлены въ римскомъ вооруженіи. По низу идетъ копія обычнаго фриза, изображающаго Нереидъ, плывущихъ на морскихъ чудовищахъ.

Въ верхнихъ слояхъ курганныхъ насыпей надъ погребеніями такъ называемаго скиѳскаго или общеварварскаго характера, въ которыхъ могилы нерѣдко не даютъ никакихъ находокъ, кромѣ стрѣлокъ, встрѣчаются отличные бронзовые сосуды, хотя въ обломкахъ, видимо завознаго происхожденія.

Формы бронзовыхъ сосудовъ повторяютъ древніе типы; ихъ нерѣдко золотили, украшали рельефами литаго дѣла, особенно ручки; ручка одного изъ бронзовыхъ сосудовъ гробницы кургана «Семи братьевъ» имѣетъ форму обнаженнаго юноши, стоящаго на бараньей головѣ и держащаго въ каждой поднятой рукѣ по барану; быть можетъ, фигура эта должна изображать такъ называемаго Гермеса Кріофора, т. е. «несущаго барана».

Въ другомъ курганѣ изъ «Семи братьевъ», гдѣ схороненъ былъ знатный воинъ, вѣроятно, варваръ, среди множества своихъ коней, найденъ большой, 7½ вершк. въ діаметрѣ, бронзовый сосудъ на трехъ львиныхъ ножкахъ съ двумя ручками въ видѣ львовъ и змѣй. Время употребленія бронзовыхъ сосудовъ обнимаетъ пространство въ нѣсколько вѣковъ: золоченая бронзовая гидрія, послужившая пепловою урною, найдена была въ Куль-Обскомъ курганѣ (III вѣкъ до Р. Х.); бронзовые прохусъ и фіала въ гробницѣ женщины съ золотой маскою относятся къ I столѣтію по Р. Х.

Стеклянные сосуды начинаютъ попадаться въ греческихъ гробницахъ въ значительномъ количествѣ во II вѣкѣ до Р. Х.; хотя стекло Грекамъ извѣстно было съ давнихъ временъ, но ими самими не выдѣлывалось, а получалось готовымъ изъ Финикіи и Египта. Со II вѣка, когда пала выдѣлка глиняной посуды, Греки сами стали выдѣлывать для домашняго обихода стеклянную посуду.

117. Серебряная ваза изъ Молдавіи.

Въ могилахъ болѣе древнихъ находятъ изрѣдка стеклянные узкіе флакончики для духовъ, иногда привѣшивавшіеся къ браслетамъ, или носившіеся на цѣпочкѣ на рукахъ, или служившіе при туалетѣ, какъ обыкновенные алавастры; подобные флаконы, притомъ древняго происхожденія (V—III столѣтія до Р. X.) дѣлались изъ синяго опаковаго стекла, сплавленнаго съ проходящими въ толщѣ его жилками въ формѣ зигзаговъ желтаго, голубаго, зеленаго и фіолетоваго цвѣтовъ. Подобные алавастры, находимые кромѣ Босфора въ самой Греціи, на Родосѣ, на Кипрѣ и въ Финикіи, поражаютъ техническими тонкостями. Цѣнныя стеклянныя издѣлія украшались узорами изъ разноцвѣтнаго стекла, находящимися въ толщѣ ихъ стѣнокъ, такъ называемыми «миллефлёрами»; формы стеклянной посуды отчасти заимствованы отъ глиняныхъ образцовъ, но большею частью своеобразны: въ видѣ бутылокъ или графиновъ, чашекъ, штофовъ, стакановъ; непремѣнную принадлежность даже бѣдныхъ могилъ составляютъ сосудики, ошибочно названные *слезницами* (лакриматоріи, по опредѣленію антикваровъ XVIII вѣка): это — обычные флакончики для благовоній, но съ особенно узкимъ горлышкомъ, отъ $^1/_2$ вершка до $^1/_2$ аршина высотою (рис. 128).

118—119. Серебряные сосуды Артюховскаго кургана.

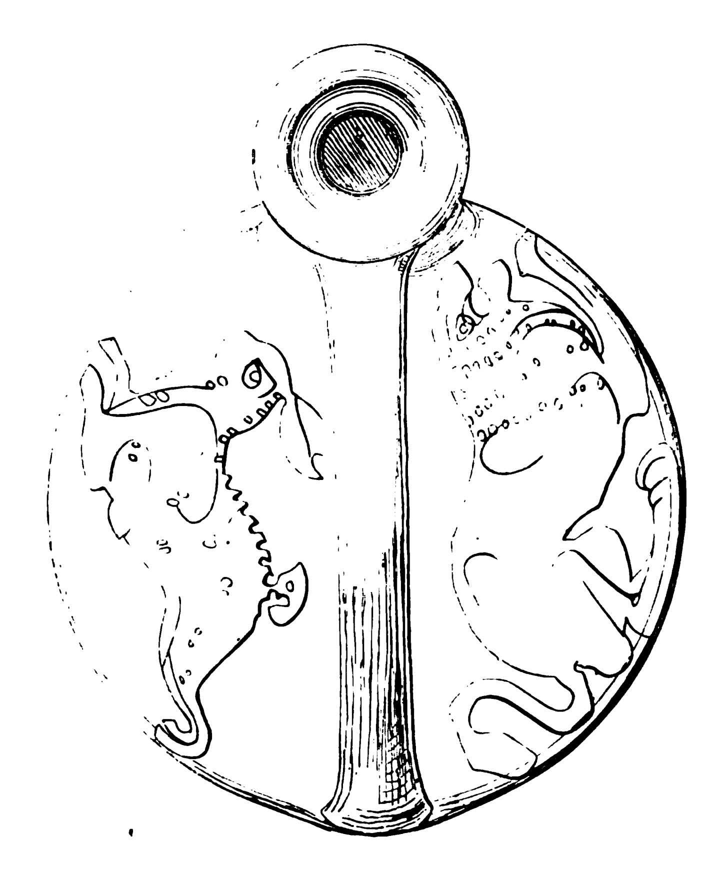
Украшенія стеклянной посуды состояли большею частью изъ припаянныхъ на поверхности узоровъ матоваго или цвѣтнаго стекла. Нѣкоторые сосуды, украшенные болѣе пышно, привозились изъ Италіи; на Босфорѣ найденъ одинъ сосудъ съ именемъ мастера Эннія, котораго работы были находимы въ Италіи (рис. 129).

Какъ и теперь, большинство стеклянныхъ сосудовъ были прозрачны и безцвѣтны, но, вслѣдствіе химическаго окисленія во время долгаго пребыванія ихъ въ землѣ, стекло ихъ обыкновенно разлагается: становится мутнымъ, лупится пластами, которые придаютъ всей поверхности металлическій отблескъ радужныхъ цвѣтовъ—такъ называемую иризацію.

120. Бронзовая лампочка изъ Танаиды.

Специальнымъ аксессуаромъ погребальной обстановки на всемъ пространствѣ греческаго міра, и притомъ въ непосредственной связи съ чисто-греческими религіозными вѣрованіями и воззрѣніями на загробную жизнь, являются

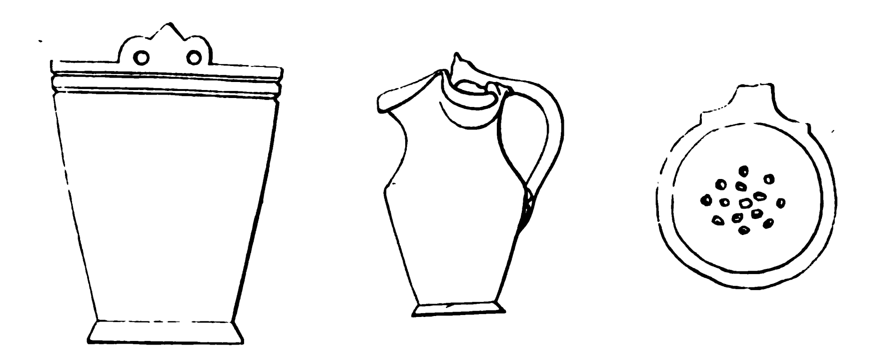

121. Бронзовый сосудъ изъ «Семибратняго» кургана.

находимыя въ древнихъ могилахъ статуэтки изъ жженой глины (такъ называемыя *терракотты*). Ими изобилуютъ въ особенности некрополи двухъ городовъ —

122 — 123. Бронзовая утварь изъ Танаиды.

124 — 126. Бронзовые сосуды и ситечко изъ «Большой Близницы».

Танагры (въ Бэотіи), Мирины (близъ Смирны), а также Южной Италіи, Кирены (въ Африкѣ), Кипра, Родоса и др.

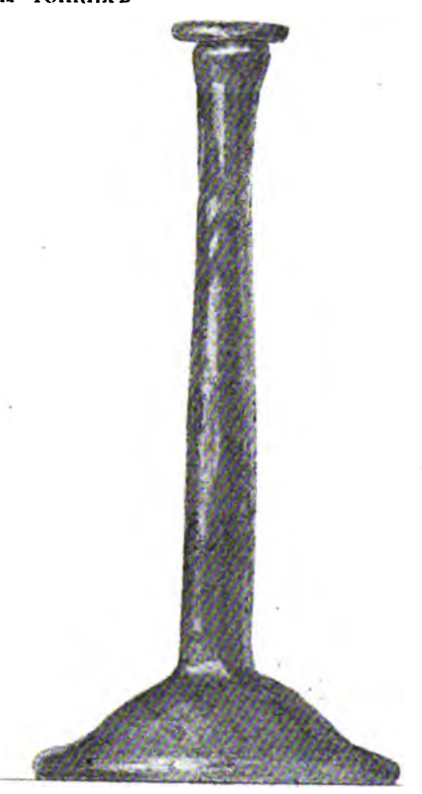
Хотя терракотты, находимыя на Босфорѣ, и уступаютъ въ художественномъ отношеніи открытымъ въ нѣкоторыхъ другихъ греческихъ земляхъ, но и въ нихъ сказывается сильное вліяніе искусства Аттики, съ которою Босфоръ во времена своего процвѣтанія стоялъ въ тѣсной связи.

127. Маленькая амфора изъ стеклянной смальты, найденная въ «Большой Близницѣ».

Терракоттовыя статуэтки изготовлялись ремесленнымъ способомъ, въ формахъ, при чемъ обыкновенно дѣлался оттискъ только лицевой стороны, оборотную же формовали въ общихъ очеркахъ фигуры, или покрывали сзади особою дощечкою, почему статуэтка и представляла внутри пустоту. Для того, чтобы образующіеся при обжиганіи фигурки пары, накопляясь во внутренней полости, не разрывали глины тонкихъ стѣнокъ, въ спинкѣ фигуры прорѣзывали отверстіе.

Такимъ образомъ фабриковались лучшія издѣлія; дешевыя работы, предназначенныя для народа и изготовлявшіяся въ наибольшемъ количествѣ, представляютъ одну плоскую плитку съ выдавленнымъ на лицевой сторонѣ изображеніемъ въ барельефѣ; такія терракотты, расходившіяся массами среди бѣднаго населенія, изображаютъ обыкновенно наиболѣе популярныхъ боговъ: на Босфорѣ— Астарту, Кибелу, Деметру, Афродиту, Апатурію. Терракотты лучшей фабрикаціи отличались болѣе художественными формами, вылѣплялись съ двухъ сторонъ, покрывались тонкимъ слоемъ гипса и по немъ расписывались красками и отчасти украшались позолотою.

128. Керченская стеклянная «слезница».

Хотя глиняные идольчики составляютъ обычный элементъ древняго искусства и являются первыми шагами пластики, но ихъ роль въ греческомъ погребальномъ чинѣ можетъ быть прослѣжена въ исторіи древнѣйшихъ связей Греціи, по обрядовой сторонѣ, съ переднеазіатскимъ Востокомъ. Таково отношеніе любимаго въ Пантикапеѣ идольчика богини Астарты, представляемаго финикійскими терракоттами. Греческія статуэтки, изображающія мать съ ребенкомъ на рукахъ,

имѣютъ своимъ забытымъ прототипомъ египетскую Изиду. Серіи народныхъ идольчиковъ сохраняютъ архаическій типъ до самой римской эпохи; рядъ реальныхъ сюжетовъ погребальнаго обихода, какъ-то флейтщицъ, музыкантовъ, жрицъ и танцовщицъ, воспроизводятъ, въ условныхъ формахъ, болѣе полные и старинные обычаи.

129. Керченскій стеклянный флаконъ работы Эннія.

130. Керченская стеклянная чашка.

Терракотты находятъ въ развалинахъ и во дворахъ древнихъ храмовъ, какъ приношенія по обѣту *(вотивныя, анатэмы)*, или какъ подобія ихъ, представляющія человѣка, его органы, священныхъ животныхъ, свиней, также овецъ, собакъ, пѣтуховъ, гусей, голубей, жертвенные пирожки и хлѣбцы, яйца, грозди, фиги, гранаты, яблоки, орѣхи.

Остальная масса терракоттъ найдена въ гробницахъ, что ясно указываетъ на связь ихъ съ погребальнымъ обрядомъ.

Многія терракотты изображаютъ или самихъ боговъ, или ихъ символы; другія имѣютъ значеніе оберегательныхъ амулетовъ, напримѣръ головы Горгоны, маски (чаще гипсовыя), трагическія и комическія, звѣриныя головы и т. п.; третьи могутъ быть объясняемы символически (хотя при такихъ объясненіяхъ слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ), напримѣръ умирающій Адонисъ, Нереиды, или Эроты на дельфинахъ, переплывающіе океанъ, Эротъ и Психея, рожденіе Афродиты, какъ символы возрожденія къ новой жизни.

Значеніе разнообразныхъ бронзовыхъ и фаянсовыхъ статуэтокъ, находимыхъ въ гробницахъ Египта, извѣстно по ихъ надписямъ: одни должны были изображать самого умершаго и давать за него отвѣтъ, другіе — работать ему на томъ свѣтѣ.

Отчасти и между греческими фигурками выдѣляются группы представленій, сосредоточенныхъ на загробномъ мірѣ. Но общею задачею для терракоттъ остается образовать наглядное подобіе жизненной обстановки и самой жизни въ соотвѣтственныхъ формахъ, напримѣръ женскихъ фигуръ съ прялками, прогуливающихся, и даже куколъ съ подвижными руками и ногами. Эти образы жизни и всего въ ней дорогаго, вмѣстѣ съ священными изображеніями, назначены были уносить съ собою для умершаго пластическое воплощеніе сокровенныхъ надеждъ человѣка на вѣчную жизнь. Разнообразіе терракоттовыхъ статуэтокъ, измѣняясь во многія эпохи въ подборѣ пластическихъ образовъ, вытекало изъ отсутствія у Грековъ опредѣленныхъ миѳическихъ представленій о загробномъ мірѣ, и по тому-же самому религіозная группа терракоттъ постоянно убывала, уступая мѣсто образамъ реальнаго характера и всѣмъ разновидностямъ мѣстныхъ нравовъ

и личнаго вкуса. Уцѣлѣвшая въ эпоху процвѣтанія группа миѳологическихъ типовъ не была понятна вполнѣ даже самимъ Грекамъ и для насъ остается тем-

131. Трагическая маска изъ Керчи.

ною. Нѣкоторыя части этой группы примкнули къ таинственнымъ ученіямъ такъ называемыхъ мистерій, или въ нихъ находятъ свое объясненіе. Таковы именно изображенія земныхъ и подземныхъ («хтоническихъ») божествъ — Деметры, Коры, Кибелы-Астарты, Афродиты, Діониса и ихъ цикловъ: Сатировъ, Менадъ, Эротовъ; къ циклу Діониса примыкаютъ театральные типы: уроды, каррикатурныя фигуры, музыканты и т. п., къ циклу Афродиты — Эроты, являющіеся то, какъ вакхическіе и афродитическіе геніи, то какъ образъ смертныхъ дѣтей, связывая, такимъ образомъ, идеальный міръ съ міромъ реальнымъ. Изображенія Афродиты переходятъ нерѣдко въ изображенія смертныхъ женщинъ, занимающихся туалетомъ, какъ обычнымъ въ женскомъ быту дѣломъ.

Терракотты составляютъ неотъемлемую принадлежность греческаго искусства въ самомъ обширномъ его смыслѣ: ихъ находятъ во множествѣ въ городахъ Великой Греціи, т. е. Южной Италіи; въ самомъ Римѣ ихъ мало, въ основанныхъ Римлянами городахъ Галліи ихъ нѣтъ, въ тѣхъ же городахъ, которые были

основаны Греками, терракотты встрѣчаются, но носятъ на себѣ слѣды вліянія варварскихъ вкусовъ. Такой-же переходъ терракоттъ отъ Грековъ къ варварамъ въ позднія времена произошелъ и на другихъ окраинахъ греко-римскаго міра: въ Африкѣ, Сиріи, на Босфорѣ и даже въ Средней Азіи, гдѣ раскопки на мѣстѣ древняго Афросіаба (близъ Самарканда) обнаружили много терракоттъ явно-варварскаго стиля, но нерѣдко съ головками оттиснутыми на моделяхъ греческихъ мастеровъ Греко-Бактрійскаго царства.

132. Маска Сатира изъ Керчи.

По самому подбору сюжетовъ и по многимъ отличнымъ экземплярамъ, терракотты греческихъ колоній на берегахъ Киммерійскаго Босфора представляютъ значительный интересъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря научно веденнымъ раскопкамъ, извѣстны въ точности всѣ обстоятельства, сопровождавшія находку ихъ. Въ босфорскихъ могилахъ IV-го и III-го в. до Р. Х. терракоттовыя статуэтки клались обыкновенно по одной или по двѣ, вмѣстѣ съ глиняной посудой, въ ногахъ остова или по бокамъ его; самые саркофаги украшались также раскрашенными или золочеными терракоттовыми и гипсовыми рельефами; иные великолѣпные склепы этого времени заключаютъ въ себѣ по нѣскольку этихъ фигурокъ. Со II-го вѣка, съ появленіемъ стеклянной посуды, терракотты встрѣчаются только въ немногихъ экземплярахъ небрежно исполненныхъ статуэтокъ Тихи, Ники, Гарпократа, Пріапа, гермъ и масокъ, и то сравнительно рѣдко. Первые два вѣка по Р. Х. оставили въ могилахъ и катакомбахъ особый многочисленный классъ терракоттовыхъ уродцевъ и гротесковъ.

Терракотты босфорскихъ гробницъ, находимыя въ большомъ числѣ, дѣлались на мѣстѣ въ гончарныхъ мастерскихъ. Въ Керчи, близъ кладбища, разслѣдованная кучъ древняго мусора обнаружила, въ обломкахъ статуэтокъ и другихъ глиняныхъ оттисковъ, подобную мастерскую или лавку. Раскопки 1888 года открыли въ Херсонесѣ гончарную мастерскую съ печью и въ переднемъ помѣщеніи, служившемъ лавкою, до 50 моделей статуэтокъ, масокъ, медальоновъ, лѣпныхъ крышекъ и орнаментовъ.

Лучшія серіи керченскихъ и таманскихъ терракоттъ по типамъ и пошибу примыкаютъ къ издѣліямъ собственной Греціи (Танагры), но серія реальныхъ сюжетовъ, и въ особенности отличныя каррикатуры, жанровые типы паразитовъ,

комиковъ, торговцевъ, рабовъ, указываютъ на несомнѣнное родство босфорской группы съ малоазійскою пластикою.

Среди терракоттъ грубаго, гіератическаго типа изъ босфорскихъ находокъ выдаются статуэтки Астарты — богини, сидящей на высокомъ тронѣ, подъ покрываломъ, въ клобукѣ, съ плоскою патерою и плодами въ рукахъ. Многочисленны идольчики Коры, въ видѣ рельефныхъ бюстовъ, съ головою, окутанною покрываломъ и съ гранатовымъ яблокомъ; богиня при этомъ подымаетъ обѣ руки къ груди, согласно древнѣйшему типу. Изображенія Кибелы узнаютъ по ея аттрибутамъ: коронѣ въ видѣ городской стѣны, льву, сопровождающему богиню, или львенку, котораго она держитъ въ рукахъ.

Терракотта, найденная на Митридатовой горѣ представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ любопытный варіантъ Гермеса Кріофора («несущаго барана»). Образъ юнаго пастушка, уносящаго на плечахъ козленка, обогатился здѣсь ясными особенностями варварскаго костюма.

Типы изображеній Афродиты разнообразятся ея эмблемами, ея спутникомъ Эротомъ, аксессуарами въ видѣ гермы Пріапа, морской скалы, а также, согласно пластическимъ образамъ греческаго искусства, воспроизводятъ проявленіе ея божественныхъ свойствъ въ особыхъ композиціяхъ: Афродиты морской, Анадіомены (рождающейся изъ моря), Апатуріи или Афродиты Пандемосъ — «всенародной» богини, изображаемой сидящею на козлѣ.

Эроты, подобно группамъ и фигуркамъ Танагры, являются въ Керченскихъ терракоттахъ обычнымъ пластическимъ образомъ всѣхъ сторонъ культа Афродиты въ группировкѣ съ дельфиномъ, козломъ, лебедемъ. Дѣтскія игры съ домашнею собачкою, гусемъ и пѣтухомъ находятъ себѣ поэтическое выраженіе въ играющихъ Эротахъ.

133. Статуэтка Гермеса Кріофора изъ Керчи.

Слѣдующему сюжету въ терракоттахъ и на саркофагахъ принадлежитъ ясный символическій смыслъ: въ радостномъ свиданіи Эрота съ Психеею, достигшею послѣ долгихъ испытаній Олимпа, воплощена мечта о загробномъ блаженствѣ (рис. 134). Эроты нерѣдко въ терракоттахъ сопровождаютъ изображеніе смерт-

ныхъ женщинъ, служа понятнымъ выраженіемъ ихъ занятій, развлеченій и интересовъ.

134. Терракоттовая группа Эрота и Психеи изъ Керчи.

Вакхическій циклъ обилуетъ какъ фигурами и масками самого юнаго Діониса и его спутницы Аріадны, такъ и изображеніями Силена, Вакханокъ и типами комедіи. Многія реальныя сцены, особенно дѣтскаго міра, окрашиваются вакхическимъ характеромъ чрезъ посредство аттрибутовъ Діониса — плюща, виноградной лозы. Силенъ, пѣстунъ Діониса, или укачиваетъ младенца-бога въ пеленкахъ,

или пьяный, съ чашею въ рукѣ лежитъ на мѣхѣ съ виномъ. Вакханки въ терракоттахъ являются иногда въ важномъ спокойствіи, не въ видѣ бѣснующихся менадъ; ихъ узнаютъ въ статуэткахъ по ихъ плющевому вѣнку.

Обычные участники погребальной тризны — танцовщицы, флейтщики и флейтщицы представляются въ керченскихъ терракоттахъ закутанными съ ногъ до головы; обычная манера изображенія танцовщицъ показываетъ ихъ въ моментъ остановки среди быстраго круженія, когда развѣвающееся на подобіе колокола платье закручивается около фигуры.

Высокимъ юморомъ и скабрезнымъ его выраженіемъ отличаются многочисленныя терракотты, изображающія комическихъ актеровъ. Цѣлую коллекцію ихъ, замѣчательную по разнообразію и по художественной экспрессіи, доставилъ склепъ жрицы Деметры, найденный въ 1868 г., въ курганѣ «Большая близница». Въ этихъ терракоттахъ данъ почти полный подборъ наиболѣе типичныхъ фигуръ народной греческой комедіи, разыгрывавшейся странствующими мимами по деревнямъ и городамъ. Въ числѣ ихъ мы видимъ мимовъ ряженныхъ: здѣсь и пьяный Гераклъ, и пьяная флейтщица, и циническіе старики, корчащіе изъ себя Силеновъ, и полунагая женщина, осушающая патеру, и беременныя циничныя старухи, и шуты-борцы, пародирующіе атлетовъ паразиты. Къ этимъ балаганнымъ типамъ близко стоятъ многочисленныя статуэтки карликовъ, съ идіотическимъ выраженіемъ безобразнаго лица, разнаго рода уродовъ, эѳіоповъ, также часто находимыя въ гробницахъ. Среди шутовъ, державшихся въ домахъ людей состоятельныхъ, кромѣ карликовъ были дураки изъ рабовъ, въ числѣ которыхъ у босфорцевъ фигурировали окрестные варвары.

Изображенный (рис. 135) на одномъ обломкѣ рабъ-педагогъ, пришедшій въ отчаяніе отъ неумолкаемаго дѣтскаго рева, по виду его прически и усамъ можетъ быть принятъ за варвара. Статуэтка эта найдена вмѣстѣ съ сосудомъ лучшаго стиля, что позволяетъ отнести ее къ III вѣк. до Р. Х.

135. Терракотта изъ Керчи.

Другой обломокъ, приблизительно того-же времени, изображаетъ негра, одѣтаго въ безрукавную тунику (рис. 136).

Изображенія комическихъ актеровъ и уродовъ, имѣвшихъ цѣлью забавлять живыхъ, получали въ могилахъ особый слыслъ: смѣхъ и гримасы, по вѣрованію древнихъ, обладали оберегательной силой, и статуэтки этого типа служили охранительными амулетами (апотропэями) противъ подземныхъ демоновъ.

То-же значеніе имѣли и нѣкоторыя терракотты, сюжеты и формы которыхъ были заимствованы съ Востока, гдѣ народилась магія; таковы изображенія финикійскаго пошиба безобразной, увѣнчанной перьями головы каррикатурнаго бога Беса.

Видную группу образуютъ въ керченскихъ терракоттахъ реальныя изображенія женщинъ и ихъ быта, соотвѣтствующія издѣліямъ собственной Греціи (Танагры) и пользующіяся ихъ типами. Женщины представляются здѣсь среди занятій своимъ туалетомъ: сидятъ съ туалетнымъ ящикомъ или моются; то занимаются играми въ мячъ, въ кости; побѣжденная въ игрѣ дѣвица везетъ побѣдительницу на спинѣ; то играютъ на лирѣ, флейтѣ, киѳарѣ, треугольникѣ. Нѣкоторыя статуэтки имѣютъ романическій характеръ: многія женскія фигуры, держащія яблоко, указываютъ на обычный у Грековъ любовный даръ; Эроты, увиваясь около дѣвушки, нашептываютъ ей на ухо романическія мечты. Среди будничной, исключительно домашней жизни женщины въ древнемъ греческомъ мірѣ, прогулка въ городѣ за покупками и за городомъ представляется терракоттами, какъ наиболѣе любимое времяпрепровожденіе и развлеченіе и сосредоточиваетъ въ своихъ деталяхъ наиболѣе изящные мотивы въ изображеніи женщины. Мы видимъ, какъ дѣвицы и матроны граціозно и медленно выступаютъ на прогулкѣ, останавливаются въ раздумьи, или отдыхаютъ, сидя на камнѣ или скалѣ. Одежда ихъ состоитъ изъ длиннаго, голубаго или лилово-коричневаго хитона и гиматія, чаще розоваго, съ цвѣтными и золотыми каймами; вмѣсто гиматія у матронъ пеплосъ или покрывало закутываютъ и всю голову; легкая шляпка (петасъ) съ конической тульей и широкими полями защищаетъ голову отъ солнца; въ рукахъ непремѣнный вѣеръ въ видѣ плющеваго листа или сердцевидной пальмы; на ногахъ цвѣтныя сандаліи.

136. Терракотта изъ Керчи.

Статуэтка, представленная на рис. 137, изображаетъ женщину, завернувшуюся съ руками въ гиматій; на головѣ вѣнокъ изъ плюща.

Легкая меланхолія, не лишенная своего рода напускнаго жеманства, составляетъ обычную экспрессію фигурокъ, которымъ по этому прежде придавали наименованія музъ, поэтессъ и богинь.

Иныя группы замѣчательны своей натуральностью: найденная въ Керчи терракотта изображаетъ двухъ женщинъ на прогулкѣ; одна обернулась назадъ — взглянуть на проходящаго; граціозная кокетливость ея фигуры передана превосходно.

Не менѣе характерны и сцены изъ дѣтской жизни. Дѣти играютъ въ мячъ, въ кости, съ собачками, съ гусями, съ зайцами, съ козлами, съ птичками, или борются, или катаются въ телѣжкѣ, или ѣдутъ верхомъ на гусѣ, на козлѣ, или, наконецъ, лежатъ въ колыбели; иногда ихъ сопровождаютъ матери или чаще слуги, кормилицы, педагоги.

Рѣдки изображенія взрослыхъ юношей, напримѣръ съ гроздью въ рукахъ и собачкой, вертящейся у ногъ, съ яблокомъ, какъ любовнымъ подаркомъ. Чаще видимъ юношей — эфебовъ, возвращающихся изъ гимназіи, закутанными и съ

аттрибутами гимнастическихъ упражненій; два эфеба представляются обыкновенно на оборотной сторонѣ Керченскихъ амфоръ.

Къ той-же группѣ относятся и довольно многочисленныя изображенія юныхъ варваровъ, въ условныхъ фригійскихъ костюмахъ. Варвары въ терракоттахъ то спокойно стоятъ, опершись на овальный щитъ, то пускаютъ стрѣлу, ставъ на одно колѣно, то травятъ верхомъ съ собаками зайца, то пляшутъ.

Въ катакомбахъ и могилахъ первыхъ вѣковъ по Р. X. попадаются во множествѣ экземпляровъ гротески и изображенія уродовъ особенно грубой отдѣлки, съ циническими деталями и чудовищно-каррикатурными формами. Эти статуэтки частью лѣплены отъ руки крайне грубо. Сюжеты ихъ отчасти тѣ-же, что и въ поздне-греческихъ терракоттахъ: флейтщики и музыканты, безобразные комики, толстопузые старики, уроды, эѳіопы; но между этими сюжетами есть каррикатуры повседневныхъ темъ: хвастливый воинъ размахиваетъ мечемъ и высоко подымаетъ щитъ или вѣнокъ, мать успокоиваетъ ребенка игрушечною лошадкою; у самой звѣроподобное лице, и она какъ-бы собирается лизнуть ребенка. Лица скорѣе напоминаютъ фантастическія хари ряженыхъ: уши, какъ у нетопырей, оттопырены, волоса и бороды всклокочены, ротъ разинутъ улыбкою до ушей. Головные уборы состоятъ изъ коническихъ шапокъ съ рогами или лентами и плющевыхъ вѣнковъ; въ рукахъ мечи, вѣнки, чаши, свирѣли, винныя амфоры. Скабрезная и утрированная подробность указываетъ, что всѣ, даже наряженныя женщинами, фигуры въ дѣйствительности мужчины, т. е. мимы и скоморохи. Большая часть фигуръ этого рода представляетъ маріонетокъ: всѣ члены ихъ при-

137. Статуэтка изъ Керчи.

крѣплялись нитками, проходившими въ пустотѣ, внутри ихъ туловища, къ рукамъ и ногамъ, такъ что при подергиваніи нитей, всѣ члены начинали двигаться. Такія маріонетки служили въ древности не только дѣтскими игрушками, но употреблялись и при нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Въ томъ-же типѣ позднѣйшихъ варварскихъ терракоттъ представляются идолы Астарты и женственнаго Геракла, съ браслетами на ногахъ, въ львиной шкурѣ и съ палицей.

138. Лампочка изъ Херсонеса.

139. Лампочка изъ Херсонеса.

Лампочки дѣлались обыкновенно изъ жженой глины, красной, желтой и черной. Основная форма ихъ — плоская чашечка, закрытая сверху, съ носикомъ для фитиля съ одной стороны и ручкой съ другой. Верхняя поверхность чашки обыкновенно дѣлалась вогнутой и имѣла небольшое отверстіе для подливки масла. Она украшалась иногда рельефами, оттиснутыми штемпелемъ. Содержаніе изображеній варіируется, начиная отъ простыхъ узоровъ, и кончая изображеніями изъ цикла Діониса, группой Эрота и Психеи. Лампочки находятъ и на мѣстахъ древнихъ городовъ, и въ могильныхъ насыпяхъ, и въ нишахъ катакомбъ.

Греческое искусство проникало мельчайшія отрасли промышленности и украшало художественными мотивами орнаментальнаго и фигурнаго характера даже такія мелочи повседневнаго обихода, какъ рыбачьи грузила, прясла веретенъ и ткацкихъ станковъ, а также кровельныя черепицы и ручки простѣйшихъ, самыхъ дешевыхъ амфоръ.

Сравнительно съ обиліемъ издѣлій греческой художественной промышленности, и ихъ высокими достоинствами, произведенія монументальной скульптуры на почвѣ греческихъ колоній береговъ Чернаго моря представляютъ крайнюю бѣдность, тѣмъ болѣе характерную, что ихъ большинство относится даже не къ періоду развитія греческой культуры въ этихъ мѣстахъ, но къ позднѣйшей, собственно римской эпохѣ.

Наиболѣе крупнымъ по размѣрамъ произведеніемъ представляется мраморное ложе, открытое въ Керчи и служившее, видимо, надгробнымъ памятникомъ; на

140. Глиняный медальонъ изъ Ольвіи.

верху ложа двѣ возлежащія фигуры изображаютъ умершихъ мужа и жену; по цоколю высокимъ рельефомъ представлена была миѳологическая сцена, отъ которой сохранилось только нѣсколько фигуръ; ложе пышно орнаментировано. Въ 1850 году близъ Глиница открыты въ разграбленномъ курганѣ двѣ портретныя статуи мужчины и женщины, прекрасно сохранившіяся, очень тщательной, хотя нѣсколько сухой работы, II—I столѣтія до Р. Х.; у ногъ мужчины стоитъ небольшая циста—металлическій круглый ящикъ и нѣсколько связокъ рукописей; ораторская поза мужчины, закутаннаго съ руками въ широкій гиматій, дѣлаетъ фигуру подобною изображеніямъ греческихъ писателей и риторовъ; драпировка одеждъ женской фигуры отличается благородствомъ, но страдаетъ излишнею мелочностью и сухостью обработки. Большая статуя Кибелы съ львами по сторонамъ кресла богини найдена въ Керчи безъ головы.

Изъ прочихъ статуй большинство представляетъ или только торсы различныхъ фигуръ римскаго періода, или же любопытныя головы варваровъ: изъ нихъ двѣ, находящіяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, отличаются высокимъ натурализмомъ исполненія и передаютъ намъ даже индивидуальныя черты. Двѣ безголовыя статуи, найденныя близъ Анапы, въ туземномъ костюмѣ и съ кинжалами за поясомъ, относятся къ позднѣйшему періоду босфорскаго царства.

Болѣе сохранилось барельефовъ, но и они принадлежатъ почти исключительно римской эпохѣ, таковы: стэлы съ портретами умершихъ изъ Керчи (одна стэла передаетъ почти тѣ-же черты двухъ статуй) и Ольвіи, обломокъ барабана колонны съ рядомъ фигуръ гимнастовъ вышиною около 5 вершковъ, хорошей работы, вотивный барельефъ съ изображеніемъ семьи передъ богинями Деметрою и Корою, сохранившими прекрасную композицію лучшаго времени. Изъ этого разряда выдѣляется обломокъ барельефа съ изображеніемъ умершаго нагаго Эфеба съ глубоко наклоненной головою, болѣе ранняго времени и съ нѣкоторыми признаками архаическаго стиля, и фрагментъ барельефа, изъ Керчи, съ изображеніемъ Аполлона среди Харитъ, приносящаго лавръ, котораго разведеніе въ Керчи не имѣло, однако, успѣха.

Всѣ остальные, извлекаемые изъ пепелищъ Керчи, Ольвіи, Тамани обломки орнаментированныхъ архитектурныхъ плитъ, антаблементовъ принадлежатъ исключительно такъ назыв. римской эпохѣ и служатъ яснымъ свидѣтельствомъ того, что греческіе поселенцы береговъ Чернаго моря до позднѣйшаго времени не видѣли въ этой странѣ отечества, а на свое пребываніе въ ней смотрѣли, какъ на временное. Примѣсь варварскихъ вкусовъ, темъ и сюжетовъ мѣстнаго характера подтверждаетъ то общее заключеніе что богатое развитіе художественной промышленности, оставившей въ распоряженіи сосѣднихъ варварскихъ племенъ на долгое время массу изящныхъ и устойчивыхъ типовъ, было вызвано само почином и потребностью этихъ самыхъ народностей, и что эти потребности существовали уже во время распространенія греческой колонизаціи и имѣли сами по себѣ иной источникъ, заключавшійся въ восточной культурѣ, принесенной этими народами въ Южную Россію. Этотъ варварскій народный характеръ классическихъ древностей Южной Россіи ясно сказывается въ могильномъ содержаніи и обстановкѣ преимущественно крупныхъ могилъ. Лишь научно веденные и точные дневники раскопокъ обнаруживаютъ скрытую нынѣ, но существовавшую въ жизни юга Россіи связь греческаго искусства съ варварскимъ міросозерцаніемъ и формами быта.

Уже Генуэзцы, во время ихъ господства въ Кафѣ (Θеодосіи) въ XIII—XV вѣкахъ, до ея покоренія турками въ 1475 году, раскапывали обильную драгоцѣнностями почву древнихъ греческихъ колоній и сплавляли находимое ими въ некрополяхъ золото. Послѣ турецкаго владычества, продолжавшагося 300 лѣтъ, съ занятія Крыма русскими силами при Екатеринѣ II, началось изслѣдованіе края и его древностей. Русскій академикъ Кёлеръ († 1838) въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ положилъ основаніе классической археологіи Южной Россіи, связавъ ихъ изученіе съ строгой, научной постановкою исторіи классическаго искусства (Köhler's *Gesammelte Schriften.* St. Petersburg. 1850—51).

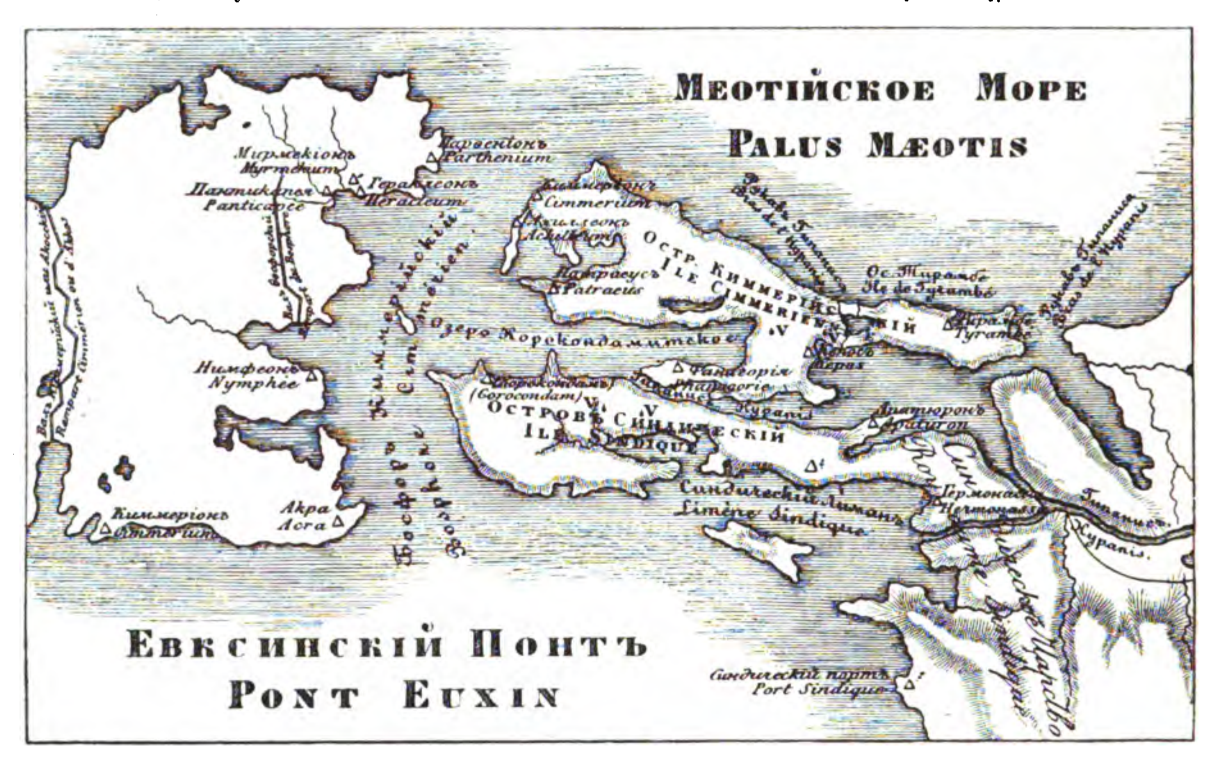
Изъ ученыхъ путешествій въ Крымъ, начавшихся въ 20-хъ годахъ этого столѣтія, заслужило особеннаго вниманія сочиненіе Дюбуа де Монперё, изслѣдовавшаго Кавказъ и сѣверный берегъ Чернаго моря въ 1832 — 1834 годахъ (*Voyage autour du Caucase... et en Crimée, avec atlas,* t. I—VI, Paris, 1838 — 1843). Между сочиненіями, имѣвшими цѣлью дать общій историко-археологическій обзоръ древностей Южной Россіи, пользовались въ свое время значеніемъ: *Ашика, Воспорское царство,* I—III, Одесса, 1848 — 1849 г.; Спасскаго, *Воспоръ Киммерійскій,* Москва, 1846; Сабатье, *Керчь и Воспоръ,* Спб., 1851 и графа Уварова *Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи,* вып. I—II, 1851 — 1853. Важнѣйшій историко-нумизматическій обзоръ содержится въ сочиненіяхъ Кёне: *Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсонеса Таврическаго,* Спб., 1848, *съ дополненіемъ,* Спб., 1850; *«Описаніе Музея кн. Кочубея и изслѣдованія объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ поселеній въ Россіи.* Спб., 1857, въ 2 томахъ, не утратившемъ своего значенія, не смотря на появленіе въ послѣднее время трудовъ по босфорской нумизматикѣ: Бурачкова — *Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ,* ч. I, Одесса, 1884 и Орѣшникова — *Монеты Музея графа А. С. Уварова,* Москва, 1888. Полный сводъ древнихъ надписей начатъ изданіемъ В. Латышева: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae,* t. I, Спб., 1885, которому принадлежитъ *Изслѣдованіе объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи,* Спб., 1887; Латинскія надписи Кавказа изданы Проф. И. Помяловскимъ въ *Сборникѣ греческихъ и латинскихъ надписей,* Спб. 1881; отдѣльныя статьи и замѣтки по древностямъ и исторіи береговъ Чернаго моря находятся въ *Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей,* издаваемыхъ съ 1844 года; *Запискахъ, Мемуарахъ* (на французскомъ языкѣ) *и Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Общества,* издаваемыхъ съ 1846 года и *Пропилеяхъ, сборникѣ статей по классической древности,* изданныхъ П. Леонтьевымъ, Москва, 1851 — 1854.

Первыя археологическія раскопки въ Южной Россіи вообще и въ предѣлахъ Босфорскаго царства въ частности отличались отрывочнымъ, случайнымъ характеромъ.

Въ 1816 — 1817 годахъ Павелъ Дюбрюксъ, французскій выходецъ, состоявшій на русской службѣ, предпринялъ на свой счетъ первыя ученыя раскопки въ окрестностяхъ Керчи. Обремененный лѣтами и движимый единственно любовью къ наукѣ, Дюбрюксъ отправлялся производить свои изслѣдованія отъ Керчи до горы Опука, на разстояніи 60 верстъ, съ кускомъ хлѣба въ карманѣ; проведя двѣ или три ночи въ пустынныхъ мѣстахъ, которыя служили ему предметомъ изысканій, онъ возвращался домой, истощенный голодомъ; солдатскій табакъ, по его собственнымъ словамъ, онъ покупалъ лишь тогда, когда у него были лишнія двѣ копѣйки... Труды Дюбрюкса, наиболѣе замѣчательные для его времени, остались въ рукописяхъ въ большинствѣ неизданными, утративъ нынѣ главную долю своего значенія.

Дюбрюксъ оставилъ подробное описаніе открытія, знаменитаго въ лѣтописяхъ босфорскихъ древностей, въ курганѣ Куль-Оба, въ 1831 году, гробницы, въ присутствіи керченскаго градоначальника Стемпковскаго. Открытіе это обязано начавшейся въ курганѣ ломкѣ камня для постройки казармъ, обнаружившей галлерею склепа, и, по своему богатству и художественному достоинству своихъ пред-

метовъ, обратило вниманіе правительства на Керчь и ея древности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудило хищническіе инстинкты мѣстныхъ жителей. При открытіи этой

141. Карта Босфора по приложенію къ «Древностямъ Босфора Киммерійскаго».

гробницы достовѣрно доказана пропажа двухъ серебряныхъ подносовъ, на которыхъ помѣщались двѣ серебряныя-же вазы, предметовъ вооруженія, вѣроятно, драгоцѣннаго, нѣсколькихъ золотыхъ фляжекъ и несмѣтнаго множества тисненыхъ золотыхъ бляшекъ, служившихъ украшеніемъ одежды. Впослѣдствіи, распоряженіями Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, было скуплено большое количество драгоцѣнныхъ предметовъ, отъ любителей и перекупщиковъ древности въ Керчи. Съ 1832 года начали заниматься, по порученію правительства, раскопками въ Керчи и ея окрестностяхъ Ашикъ, директоръ Керченскаго Музея, учрежденнаго въ 1826 году, подъ управленіемъ Бларамберга; съ 1833 года принялъ участіе въ раскопкахъ Карейша, впослѣдствіи Линевичъ, рисовальщикъ Бѣгичевъ. Въ 1832 году начато было разслѣдованіе *Золотаго* кургана, закончившееся только въ 1853 году, но въ результатѣ этихъ розысканій, открывшихъ большой склепъ въ видѣ ротонды съ галлереею и другой квадратный склепъ, оказалось, что курганъ былъ уже обысканъ въ неизвѣстное время прежде и лишился всѣхъ своихъ богатствъ; въ немъ найдены были мины въ слояхъ земли, ведшія къ склепамъ; эти послѣдніе не имѣли даже дверей, и на полу ихъ сохранились слѣды огня, разведеннаго кладоискателями. Въ томъ-же 1832 году, въ курганѣ на Митридатовой горѣ, открыта гробница, извѣстная по своей живописной

росписи подъ именемъ гробницы «Аистовъ и Пигмеевъ». Колоссальный курганъ, имѣющій болѣе 120 саженъ въ окружности и до 8 саженъ вышины, съ замѣчательнымъ по устройству склепомъ, прозванный Царскимъ, оказался разграбленнымъ до-чиста. Но другіе раскопанные въ теченіи времени до 1853 года курганы, въ предѣлахъ собственно Керченскаго некрополя, также въ селеніяхъ Керченскаго градоначальства: Булганакѣ, Аджи-Мушкаѣ и Баксахъ, дали замѣчательныя находки, въ особенности по разряду художественныхъ издѣлій изъ золота, и потому сосредоточивали на себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ 1853 году, благодаря участію графа Перовскаго, археологическія розысканія въ Южной Россіи значительно расширились: профессоръ Московскаго Университета П. Леонтьевъ произвелъ разслѣдованія на мѣстности древней Танаиды, въ землѣ Войска Донскаго, близь устья Дона, между слободами Недвиговкою и Синявкою, Міусскаго округа. Малочисленность найденныхъ тамъ художественныхъ произведеній выкупалась значительнымъ количествомъ древнихъ надписей, относящихся къ позднѣйшему періоду босфорскаго царства. Археологическія розысканія, произведенныя нумизматомъ княземъ Сибирскимъ близь Ѳеодосіи, а затѣмъ художникомъ Айвазовскимъ доставили значительное число драгоцѣнныхъ и художественныхъ предметовъ. Одновременно велись раскопки въ окрестностяхъ Симферополя и на мѣстности древняго Херсонеса графомъ Уваровымъ; не изобилуя цѣнными находками, эти раскопки представили значительный матеріалъ по топографіи, дополнивъ розысканія Бларамберга, открывшаго близь Симферополя, на лѣвомъ берегу р. Салгира, въ развалинахъ Керменчика крѣпость, построенную скиѳскимъ царемъ Скилуромъ въ I стол. до Р. Х. Въ томъ-же году начато болѣе или менѣе систематическое разслѣдованіе окрестностей Керчи директоромъ ея Музея А. Люценко, доставившее наибольшее количество разнаго рода древностей Пантикапеи.

Въ Крымскую войну, къ стыду союзниковъ, не только не были пощажены древнія могилы, но даже самый Керченскій Музей подвергся варварскому разграбленію со стороны не только Турокъ, но даже Французовъ и Англичанъ, и масса драгоцѣнныхъ предметовъ было разрушено и уничтожено безцѣльно на мѣстѣ. Двери Музея были выломаны, и древнія греческія плиты съ надписями и барельефами разбиты въ дребезги. Музей, построенный въ видѣ Тезеева храма въ Аѳинахъ, подъ памятникомъ Стемпковскаго, на Восточномъ склонѣ Митридатовой горы, имѣлъ только одну залу и былъ вдоль стѣнъ убранъ полками съ росписными вазами и стеклянною посудою. Можно было удивляться, какъ неистовство небольшой толпы могло въ нѣсколько часовъ произвести столь безобразный погромъ: полъ Музея былъ устланъ на нѣсколько вершковъ слоемъ битой посуды и стекла; ничто, доступное дѣйствію огня и молотка, не уцѣлѣло, стекло истолкли, статуи разбили молотами; дѣло разрушенія было полное.

По счастію, всѣ драгоцѣнныя издѣлія изъ золота были перевезены въ Эрмитажъ, и союзникамъ удалось добыть путемъ раскопокъ лишь крайне незначительную серію вещей для Лувра и Британскаго Музея. Съ тѣхъ поръ всѣ древности, получаемыя отъ правительственныхъ раскопокъ въ Южной Россіи, стали поступать, за исключеніемъ дублетовъ или маловажныхъ и громоздкихъ предметовъ, въ Музей Императорскаго Эрмитажа. Общій составъ Эрмитажнаго собра-

нія древностей Босфора Киммерійскаго простирался въ 1854 году до двухъ тысячъ пятисотъ предметовъ, а число нумеровъ, подъ которымъ они были размѣщены, до тысячи пятисотъ. Толковый каталогъ этого собранія, составленный академикомъ Стефани, съ историческимъ введеніемъ начальника I-го отдѣленія Эрмитажа Жиля, въ двухъ томахъ и съ великолѣпнымъ атласомъ 94 таблицъ въ листъ, гравюръ (истинно художественныхъ и замѣчательно вѣрныхъ) Пикарда и рисунковъ Солнцева, подъ заглавіемъ *«Древности Босфора Киммерійскаго, хранящіяся въ Императорскомъ Музеѣ Эрмитажа*. Спб., 1854; сочиненіе это издано въ 200 экземплярахъ.

Въ 1859 году основана была, какъ отдѣльное учрежденіе въ Министерствѣ Императорскаго Двора, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, Императорская Археологическая Коммиссія, имѣвшая цѣлью розысканіе предметовъ древности, преимущественно относящихся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ нѣкогда на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Россіею, равно собраніе свѣдѣній о находящихся въ Государствѣ какъ народныхъ, такъ и другихъ памятникахъ древности и ученую оцѣнку открываемыхъ древностей. Коммиссіи предоставлялось слѣдить за всѣми дѣлающимися въ Государствѣ открытіями предметовъ древности, о которыхъ извѣщаютъ Коммиссію мѣстныя начальства, пересылая и самыя находимыя древности на ея разсмотрѣніе. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ представляются, съ того времени, на воззрѣніе Государя Императора и, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, помѣщаются въ Императорскій Музей Эрмитажа и въ другіе правительственные и общественные Музеи и собранія. По истеченіи каждаго года, Коммиссія представляетъ всеподданнѣйшій отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, извлеченіе изъ котораго печатается. Такихъ отчетовъ на русскомъ и французскомъ языкахъ появилось 21, за время отъ 1859 по 1881 годъ включительно. Архивъ Императорской Археологической Коммиссіи содержитъ въ себѣ, кромѣ дневниковъ и журналовъ раскопокъ, значительный матеріалъ въ видѣ рисунковъ (работы художника Медвѣдева и директора Керченскаго Музея Гросса), плановъ и донесеній, а также дѣлъ по открытію памятниковъ древности какъ въ Южной Россіи, такъ и въ другихъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи.

Трудами Коммиссіи Эрмитажныя коллекціи возросли въ отдѣлѣ древностей Босфора Киммерійскаго, по одному только разряду золотыхъ вещей, до *десяти тысячъ* предметовъ и по новообразованному отдѣлу древностей скиѳо-сарматскихъ, въ томъ-же разрядѣ, до *восьми тысячъ* предметовъ. Эти отдѣлы Эрмитажа представляютъ, по высокой художественности, исторической важности и драгоцѣнности предметовъ, единственное собраніе въ мірѣ.

За этотъ періодъ времени, благодаря сосредоточенію дѣятельности Археологической Коммиссіи на разслѣдованіи мѣстностей древняго Босфорскаго царства, достигнуты блестящіе археологическіе результаты въ наукѣ сравнительно небольшими средствами.

Обширный Керченскій некрополь былъ подвергнутъ систематическому разслѣдованію въ теченіи многихъ лѣтъ трудами директоровъ Керченскаго Музея А. Люценко, Ѳ. Гросса и членовъ Коммиссіи, начиная отъ Митридатовой горы

и идя на Западъ, на протяженіи 10 верстъ, и на Сѣверъ — до Карантина и Еникале.

Кладбища разнообразныхъ эпохъ, то удалявшіяся отъ города во время его роста и процвѣтанія, то придвигавшіяся къ нему по мѣрѣ его паденія и опустѣнія, были открыты и доставили массу древностей, охватывающую почти тысячелѣтній періодъ. Въ гробницахъ Новаго Карантина, къ сѣверу отъ города, открыты вазочки и аѳинскіе узкогорлые лекиѳы съ черными фигурами по красному полю (IV вѣка до Р. Х.), тогда какъ въ одной изъ катакомбъ на сѣверной покатости Митридатовой горы найдена была разбитая стеклянная патера IV—V вѣка по Р. Х., съ награвированнымъ на ней изображеніемъ молящагося христіанина, среди двухъ восточногреческихъ монограммъ Христа и двухъ скрижалей. Между мѣстностями этого некрополя выдѣлилась наиболѣе сѣверная покатость Митридатовой горы, наполненная каменными и земляными гробницами и катакомбами, которыхъ разслѣдованіе закончилось почти къ послѣднему времени, когда разростающійся городъ покрылъ новыми постройками почти двѣ трети этой мѣстности. Въ этой части открыты были послѣдовательно катакомбы съ фресковою росписью и многія гробницы, при всей простотѣ ихъ устройства, содержавшія рядъ любопытныхъ предметовъ. Между ними наиболѣе замѣчательны гробницы женскія — по богатымъ украшеніямъ и дѣтскія — по обилію терракоттъ; послѣднія содержатъ обыкновенно неполные вѣнки изъ золотыхъ листиковъ, неполныя мониста изъ золотыхъ бусинокъ и амулетовъ въ видѣ колокольчиковъ, зуба, лягушки, кусочки румянъ и оригинальные Керченскіе лекиѳики, крохотнаго размѣра, съ нарисованною на нихъ пальметтою, дѣтскою сценою или чаще сѣткою.

Катакомбы, найденныя не разоренными, представили значительное количество вещей; въ одной изъ нихъ найдено было разомъ 20 гробовъ, что указываетъ на устройство ихъ (а равно и курганныхъ склеповъ съ галлереями) для семей и объясняетъ роль галлереи, ведущей въ камеру. При каждомъ остовѣ найдено было по нѣскольку штукъ золотыхъ листиковъ — подобіе цѣльнаго погребальнаго вѣнка, золотыхъ серегъ изъ свитой проволоки (рис. 73), гладкихъ золотыхъ перстней, терракоттъ, стеклянной и глиняной посуды, мѣдныхъ босфорскихъ монетъ, бронзовыхъ пряжекъ, по одному точильному бруску, желѣзному кинжалу, а также маски, замки съ ключами, лопатки, орѣхи и каштаны, акварельныя вазы и проч.

Открытъ и разслѣдованъ некрополь по склонамъ «Сахарной Головы» (на продолженіи Митридатовой горы), въ которомъ каменныя гробницы идутъ рядами, другъ возлѣ друга, лучшаго времени, и въ нихъ найдены вазы и урны чисто греческой работы, между которыми одна съ аѳинскимъ сюжетомъ спора Посидона съ Аѳиною (рис. 108). На южной покатости кладбище, болѣе рѣдкое, изобиловало каменными гробницами уже сравнительно поздняго времени, II — I столѣтія до Р. Х.

Дослѣдованъ почти окончательно поясъ кургановъ по хребту Юзъ-Оба Люценко, Гроссомъ, гр. Бобринскимъ, при чемъ оказалось, что, при разграбленіи центральныхъ гробницъ, сохранились въ курганахъ нетронутыми боковыя, также что подъ курганами были устраиваемы катакомбы, а присыпи къ поламъ содержали въ себѣ также гробницы. Большинство добытыхъ изъ кургановъ Юзъ-Оба

древностей отличается изяществомъ чисто греческой работы и художественнымъ воображеніемъ. Между этими вещами выдаются тонкія по своему вкусу и по фактурѣ серьги съ фигурными подвѣсками, перстни, изъ которыхъ на одномъ вырѣзана змѣя, обвившаяся вокругъ лука и натягивающая стрѣлу, на другомъ представленъ кузнечикъ, сидящій на цвѣткѣ, вазы изящнаго стиля второй половины IV и начала III столѣтія (рис. 105, 106).

Инаго, варварскаго содержанія оказался курганъ, стоявшій на Акбурунскомъ мысу и срытый, по случаю распланировки мѣстности для крѣпостныхъ построекъ Павловской баттареи: гробница, устроенная въ центрѣ этого кургана, на мѣстѣ сожженія покойника, содержала въ себѣ, кромѣ различныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ, замѣчательный золотой ажурный колпакъ (рис. 56), двѣ массивныя золотыя воронки и золотую монету Александра Македонскаго, которою указывается на время происхожденія древностей приблизительно уже въ началѣ III вѣка до Р. Х. Тѣмъ любопытнѣе, что въ сосѣдствѣ костра, на разстояніи аршина, найдена была въ кускахъ большая панаѳинейская амфора, гораздо болѣе ранняго времени и попавшая на тризну, какъ рѣдкость, которою родственники пожелали пожертвовать въ память умершаго.

Поясъ кургановъ, окружающій Нимфею (имѣніе Эльтигенъ, въ 8 верстахъ отъ Керчи къ Югу, на берегу моря), доставилъ нѣсколько изящныхъ древностей по разряду золотыхъ издѣлій и туалетныхъ сосудовъ, но наиболѣе замѣчательная находка въ большомъ плоскомъ курганѣ, состоявшая изъ множества предметовъ посуды, бронзовой утвари, канделябровъ, лампадъ и проч., сложенныхъ въ деревянномъ гробу, оказалась также варварскаго характера, по бронзовымъ уздечнымъ украшеніямъ отъ восьми коней, погребенныхъ съ умершимъ.

Того-же варварскаго характера было и погребеніе воина въ громадномъ курганѣ селенія Баксы въ 17 верстахъ отъ Керчи на Сѣверъ, окруженное его конями и явно занявшее чужой, болѣе древняго происхожденія и, повидимому, греческій склепъ, въ которомъ забраны были золотыя вещи прежняго покойника и оставлены только вазы.

На Таманьскомъ полуостровѣ систематически велись раскопки проф. Гёрцомъ (*Археологическая топографія Таманьскаго полуострова,* Москва, 1870), Забѣлинымъ и бар. Тизенгаузеномъ.

Въ пепелищахъ этой мѣстности не находили ничего, кромѣ надписей и архитектурныхъ обломковъ. Счастливыми и особенно замѣчательными результатами увѣнчалось разслѣдованіе кургановъ на Таманьскомъ полуостровѣ, хотя значительная часть ихъ была раскопана много раньше кладоискателями, а также во время завѣдыванія археологическими розысканіями Ашика и Карейши. Членъ Археологической Коммиссіи Забѣлинъ остановилъ свое вниманіе на двухъ самыхъ значительныхъ курганахъ, именуемыхъ «Близницами» или «Двумя братьями», возвышавшихся надъ Цукурскимъ лиманомъ, на высокомъ хребтѣ. Изъ нихъ восточная или «Большая Близница» имѣетъ въ окружности около 160 саженъ, въ вышину до 7 саженъ. Съ перваго-же приступа къ работѣ послѣдовало интересное открытіе: на западной сторонѣ кургана, у самой его подошвы, найденъ «жженый точёкъ»; въ слояхъ угля и пепла собраны золотой лавровый вѣнокъ

золотой перстень съ подвижнымъ скарабеемъ, на которомъ изображенъ олень, золотая литая фигурка танцовщицы, золотая монета Александра Македонскаго (доказывающая, что гробница не старше III-го вѣка до Р. Х.) и другіе золотые предметы. Въ четырехъ саженяхъ къ востоку отъ этого костра открытъ былъ каменный склепъ съ уступчатымъ сводомъ и съ галлереей. Деревянный саркофагъ, находившійся въ немъ, былъ украшенъ рѣзной работой съ инкрустаціями изъ слоновой кости; доски были покрыты по красному полю цвѣтами изъ сусальнаго золота. Саркофагъ былъ разрушенъ упавшимъ на него камнемъ свода; подъ обломками его лежали женскіе уборы и украшенія: золотая корона (см. рис. 66), золотая стленгида (на лбу остова), украшенная по концамъ фигурками Ники, двѣ золотыхъ привѣски (на вискахъ остова) къ коронѣ, съ изображеніемъ Ѳетиды (см. рис. 75); въ ушахъ — золотыя серьги, на шеѣ два ожерелья, у лѣвой руки — четыре массивныхъ золотыхъ перстня съ рѣзными (по золоту) изображеніями Афродиты, Артемиды и Сирены; на мѣстѣ груди лежали золотыя пуговицы филигранной работы въ видѣ цвѣтковъ и репьевъ; по сторонамъ — бронзовые, обложенные золотомъ браслеты съ изображеніемъ львицъ. Собрана въ этой гробницѣ масса бляшекъ съ изображеніями Геракла, Аѳины, Коры, головы Геліоса, Горгоны и Пегаса, танцовщицъ, сфинксовъ, головокъ бычачьихъ и оленьихъ и треугольниковъ, орнаментированныхъ гроздями. У стѣны склепа найдено бронзовое складное зеркало съ рельефными фигурами Афродиты и Эрота; въ головахъ покойницы — росписная ваза. Въ углу склепа были сложены въ кучу четыре конскихъ убора, состоящихъ изъ уздечекъ съ бронзовыми баранчиками въ видѣ конскаго копыта, съ одной стороны, и головой оленя — съ другой. Въ двухъ саженяхъ отъ этой могилы открыта Люценкомъ другая, замѣчательная по фресковому фризу, исполненному прямо по камню, безъ штукатурки, но расхищенная. На внутренней сторонѣ плиты, замыкавшей пирамидальный сводъ склепа, изображена женская голова колоссальныхъ размѣровъ, съ руками, приподнятыми кверху; волоса убраны цвѣтами, въ правой рукѣ — букетъ, а лѣвая отводитъ отъ головы покрывало. Позже въ той-же «Большой Близницѣ» Люценко открылъ каменную гробницу въ насыпи, причемъ самая гробница оказалась раздавленной землею. Найдены золотой оливковый вѣнокъ, бронзовый фригійскій шлемъ (рис. 55), два золотыхъ перстня, изъ которыхъ одинъ съ изображеніемъ ритона, оканчивающагося грифономъ. Въ другой каменной гробницѣ, въ насыпи-же, въ двухъ саженяхъ отъ материка, найдены стленгида, золотыя серьги, ожерелье съ изображеніемъ пасущагося стада (рис. 81), золотой браслетъ со львами (рис. 84), два кольца спиралью, со змѣиными головками, монисто изъ 58 амулетовъ, представляющихъ лягушекъ, кобылокъ, грозди, астрагалы, головки Пана, Медузы, негра, барана, 12 запонокъ въ видѣ цвѣтка лотоса, золотыя рельефныя украшенія (рис. 67), 16 изображеній крылатой женской фигуры, 9 золотыхъ головокъ грифона (рис. 43), росписная ваза (съ изображеніемъ варвара, скачущаго на бѣломъ конѣ), 23 терракоттовыя статуэтки вакхическаго и эротическаго характера. Въ курганѣ «Малой Близницѣ» открыта была раньше Забѣлинымъ воронкообразная яма, наполненная углемъ, золою и костями; но даже и этотъ «жженый точекъ» оказался рас-

хищеннымъ. Затѣмъ въ этомъ курганѣ открыто только двѣ дѣтскихъ земляныхъ гробницы.

Произведенныя бар. Тизенгаузеномъ и Люценкомъ разслѣдованія Васюриной горы, въ 2 верстахъ къ югу отъ «Стеблеевской Близницы», обнаружили ограбленный склепъ, галлерея котораго была расписана по штукатуркѣ въ видѣ широкихъ карнизовъ съ урнами, ласточками и львиными головками; стѣны усыпальницы, по своду, расписаны въ видѣ балдахина. Въ склепѣ оказался столъ изъ бѣлаго мрамора и такая-же скамейка. Въ томъ-же курганѣ найдены четыре каменныхъ гробницы, каждая изъ которыхъ заключала въ себѣ по лошадиному остову; при нихъ найдены конскіе уборы, украшенные бронзовыми золочеными бляхами со вставленными украшеніями изъ матоваго стекла, налобники въ видѣ головы грифона, обтянутые листовымъ золотомъ. У входа въ склепъ найденъ остовъ собаки съ бронзовою цѣпью, которою она была привязана. Въ той-же «Васюриной горѣ» случайно обнаружилась каменная гробница, въ которой крестьяне нашли множество золотыхъ вещей, большая часть которыхъ была затѣмъ разыскана Коммиссіею. Въ этомъ курганѣ, у подошвы его, найдены были въ послѣдствіи еще три каменныхъ гробницы съ золотыми вещами, одна дѣтская, еще три конскихъ гробницы и колесница въ обломкахъ, а также бронзовый котелъ.

Произведенныя бар. Тизенгаузеномъ развѣдки на полуостровѣ Фонтанѣ обнаружили лишь надгробныя плиты съ барельефами и могилы позднѣйшей эпохи.

Имъ-же въ одномъ изъ большихъ кургановъ на берегу Таманьскаго залива, близъ станціи Сѣнной, найдена уцѣлѣвшая отъ грабительскихъ поисковъ женская гробница, въ которой открыты сосуды въ видѣ статуэтокъ сфинкса и Афродиты (рис. 110 и 111), рядъ другихъ изящныхъ статуэтокъ и маленькихъ лекиѳовъ; изъ металлическихъ вещей — золотыя спирали для локоновъ.

Въ «Буеровой могилѣ» близъ Тамани открыта конская гробница съ западной стороны; въ главной могилѣ найденъ золотой лавровый вѣнокъ съ изображеніемъ Геліоса (рис. 48) и два другихъ вѣнка, золотое ожерелье въ видѣ свитой змѣи, пять мечей съ правой стороны покойника, съ золотою рукоятью и накладными бляхами, серебряная посуда и бронзовыя вещи.

Въ самой Тамани, гдѣ предполагается мѣстоположеніе древняго Корокондама и позднѣйшей Тмутаракани, бар. Тизенгаузеномъ изслѣдовано городище возлѣ самой станицы. Въ курганахъ около соленаго озера Тузлы найденъ, между прочимъ, отличной сохранности деревянный саркофагъ, съ рѣзными, горельефными изображеніями грифоновъ, львовъ и барсовъ, съ прахомъ женщины, окруженнымъ вазами, туалетными ящичками, складными футлярами, росписанными фигурами танцовщицъ и т. п. Раскопки Гросса на хребтѣ кургана дали нѣкоторое количество росписныхъ вазъ.

Въ Тамани открыты и катакомбы. Въ одной изъ нихъ, по истребленіи поселившихся въ ней змѣй и по очисткѣ заваловъ, на днѣ найденъ хорошо сохранившійся кожанный плащъ, украшенный по бортамъ бронзовыми позолоченными пуговицами, а по поламъ такими-же колокольчиками. Найдено тоже золотое украшеніе въ видѣ полумѣсяца, съ красной эмалью, бронзовая чаша на желѣз-

номъ треножникѣ съ костями животныхъ, мраморное разбитое блюдо, бронзовый кувшинъ, серебряная ложка.

Прекрасныя золотыя вещи найдены въ «Темиръ-горѣ» на Тамани. Наконецъ, извѣстны блестящіе результаты раскопокъ бар. Тизенгаузена, произведенныхъ въ «Артюховскомъ» курганѣ (см. стр. 47—49).

Уже раньше имъ разслѣдованы, по случаю находки Новочеркасскаго клада, какъ окрестности этого города, такъ и Ростова, близъ Аксайской станицы и Гниловской; затѣмъ раскопаны городище и намогильныя насыпи на землѣ хутора Недвиговки, на правомъ берегу Мертваго Донца, между Ростовомъ и Таганрогомъ, причемъ найдены бронзовыя вазы и сосуды, серебряные предметы и т. д.

Въ 1875 году приступлено впервые къ систематическимъ розысканіямъ по рѣкѣ Кубани. Обиліе найденныхъ тамъ древностей и научное ихъ значеніе даютъ имъ весьма видное мѣсто въ ряду археологическихъ открытій Коммиссіи. Группа кургановъ, извѣстная подъ названіемъ «Семи братьевъ», на лѣвомъ берегу рѣки, въ Темрюкскомъ уѣздѣ, была изслѣдована бар. Тизенгаузеномъ. Въ первомъ изъ кургановъ грабительскія мины достигли только конской могилы, почему грабитель увидѣлъ себя обманутымъ въ ожиданіяхъ и отказался отъ дальнѣйшихъ поисковъ. Такимъ образомъ, въ центрѣ кургана сохранилась гробница изъ сырцеваго кирпича, крытая деревянными брусьями. Внутренность ея на три четверти занята была лежавшими въ рядъ конскими остовами, на которыхъ узды имѣли форму фантастическихъ животныхъ. Человѣческій остовъ былъ покрытъ тремя сотнями золотыхъ тисненыхъ пластинокъ отъ истлѣвшаго покрова; на нихъ изображены: совы, сфинксы, львы, козлы, быки, собаки, пѣтухи, олени, крылатые кабаны, головы Пана, Сатира, Геракла и т. д. На шеѣ остова было раздвижное кольцо изъ массивнаго золота, на груди серебряная пластинка съ изображеніемъ оленицы съ олененкомъ и внизу птицы. Вокругъ остова — бронзовыя и серебряныя чаши, серебряный ритонъ съ львиною головою, бронзовыя кольца отъ ножей, копья, мечи и наконечники стрѣлъ, золотыя пластинки, служившія украшеніемъ колчана.

Во второмъ и третьемъ курганахъ открыты замѣчательныя конскія гробницы.

Четвертый курганъ, насыпанный изъ песку и, благодаря этому, не допустившій грабительскихъ минъ, сохранилъ въ центрѣ сырцевую гробницу съ великолѣпными золотыми вещами; на найденномъ тамъ золотомъ перстнѣ — рѣзное изображеніе барса, терзающаго оленя, на горномъ хрусталѣ — изображеніе кабана; вмѣстѣ съ золотыми вещами найдены грубыя росписныя вазы, изъ нихъ одна съ изображеніемъ льва и зайца (см. рис. 121, подъ которымъ предметъ невѣрно названъ бронзовымъ), и тутъ-же въ особомъ отдѣленіи — остовы семи лошадей. Въ томъ-же курганѣ бар. Тизенгаузеномъ позже найдена гробница, только частью расхищенная; въ изголовьи погребеннаго было два золотыхъ ритона, оканчивающіеся одинъ лежащей собакою, а другой — бараньей головою, и большой серебряный ритонъ, съ концомъ въ видѣ крылатаго козла (рис. 115); кромѣ того, пять золотыхъ треугольныхъ пластинъ съ изображеніями льва, орла, дракона,

барса, 7 амулетовъ, изъ которыхъ одинъ состоитъ изъ клыка въ золотой филигранной оправѣ, бронзовый канделябръ, лампада и бронзовый котелъ на желѣзномъ треножникѣ.

Въ ряду курганныхъ насыпей, окружающихъ съ С.-В. городокъ Анапу, большинство центральныхъ, прекрасно устроенныхъ каменныхъ склеповъ оказалось, по ихъ разслѣдованіи бар. Тизенгаузеномъ, расхищеннымъ. Но эта утрата вознаградилась открытіемъ въ полахъ кургановъ боковыхъ каменныхъ гробницъ съ хорошими вещами греческой работы. Въ насыпи одного изъ кургановъ открытъ былъ даже истлѣвшій деревянный ящикъ, въ которомъ оказались сложенными мелкія золотыя вещи: кольца, запястья, пряжки, застежки, астрагалы, конскіе фалары, пуговки, бляшки и серебряные сосуды. Въ другомъ разграбленномъ дочиста склепѣ найденъ великолѣпный саркофагъ (см. стр. 24).

Дневники и журналы всѣхъ перечисленныхъ раскопокъ Императорской Археологической Коммиссіи изданы въ извлеченіяхъ изъ Всеподданнѣйшихъ Отчетовъ Коммиссіи за 1859—1881 годъ въ 21 томѣ въ четвертую долю листа и 21 выпускѣ атласовъ таблицъ въ листъ (на русскомъ и французскомъ языкахъ). Къ Отчетамъ приложены ученыя *объясненія нѣкоторыхъ памятниковъ*, по мѣрѣ ихъ нахожденія въ предѣлахъ Южной Россіи, академика Л. Стефани, сопровождаемыя своего рода монографіями и трактатами. Такъ, въ *Отчетѣ за 1859 годъ*, по поводу вазовыхъ рисунковъ южно-русскаго происхожденія, трактуется объ Элевсинскихъ таинствахъ, изображеніяхъ Деметры, Коры и Афродиты. Въ *Отчетѣ за 1860 годъ* — о сценахъ обыденной женской жизни и туалетныхъ. За 1861 годъ — о приговорѣ Париса и участіи въ немъ Діониса и Аполлона. За 1863 годъ — о миѳологическомъ значеніи лебедя, гуся и утки, въ связи съ Аполлономъ и Афродитой, о предохранительныхъ амулетахъ, керченскихъ лекиѳахъ, двойной сѣкирѣ, педагогахъ и проч. За 1864 годъ — о грифонѣ и пегасѣ. За 1865 годъ — о журавлѣ, цаплѣ, кузнечикѣ, въ связи съ цикломъ дѣтскимъ и эротическимъ. За 1866 годъ — трактатъ о сиренахъ. За 1867 годъ — о рукопашномъ единоборствѣ и охотахъ въ древности. За 1868 годъ — объ Артемидѣ, Гераклѣ, менадахъ и флейтщицахъ. За 1869 годъ — о пастушескихъ сценахъ, о предохранительномъ значеніи бараньихъ головокъ. За 1870 — 1871 годы — трактатъ объ Афродитѣ Анадіоменѣ. За 1872 годъ — объ изображеніи спора Аѳины съ Посидономъ на Аѳинской вазѣ изъ Керчи и на фронтонѣ Парѳенона; здѣсь-же помѣщено изслѣдованіе В. В. Стасова о катакомбѣ, открытой въ Керчи въ 1872 году. За 1873 годъ — о керченскихъ терракоттахъ и гротескахъ. За 1874 годъ — о керченскихъ вазахъ съ изображеніемъ Амазонокъ или Аримасповъ, сражающихся съ грифонами; о дѣтскихъ игрушкахъ и изображеніяхъ спящаго ребенка; о техникѣ керченскихъ росписныхъ вазъ. За 1875 годъ — о деревянныхъ саркофагахъ и золотыхъ погребальныхъ вѣнкахъ. За 1876 годъ — трактатъ о панаѳинейскихъ амфорахъ, самомъ празднествѣ Панаѳиней и видахъ его состязаній; о предохранительномъ значеніи различныхъ сюжетовъ на золотыхъ бляшкахъ, украшающихъ одежды. За 1877 годъ — объ изображеніяхъ бабочки въ древнемъ искусствѣ и, въ связи съ ними, о древностяхъ Микенъ, открытыхъ Шлиманомъ; объ изображеніяхъ Эрота и Психеи. За 1878 — 1879 годы — о керченскихъ

маскахъ, о древнихъ тканяхъ изъ южно-русскихъ находокъ, хранящихся въ Эрмитажѣ. За 1880 годъ — объ изображеніяхъ Ганимеда съ орломъ и о Геракловомъ узлѣ; дополненіе къ трактату о сиренахъ. За 1881 годъ — художественныя представленія саги о Беллерофонтѣ и о его боѣ съ Химэрой.

Всѣми этими изслѣдованіями приведено къ полной ясности существо связи разнообразнаго и характернаго быта населенія Южной Россіи съ греческимъ искусствомъ, иначе говоря его художественное выраженіе въ господствовавшихъ съ IV-го столѣтія до Р. Х. по II-й вѣкъ по Р. Х. формахъ греческаго стиля.

Внѣшняя оболочка, сообщаемая античнымъ искусствомъ всѣмъ идеямъ и формамъ жизни, будучи наброшена, какъ художественный покровъ, на оригинальное содержаніе, служила доселѣ предметомъ строго-научнаго сравнительнаго изученія. Задача будущаго — приподнять этотъ покровъ и вскрыть подъ художественной формой и миѳологически-условными типами сокровенное содержаніе жизни, народныхъ интересовъ и религіозныхъ воззрѣній древняго населенія Южной Россіи.

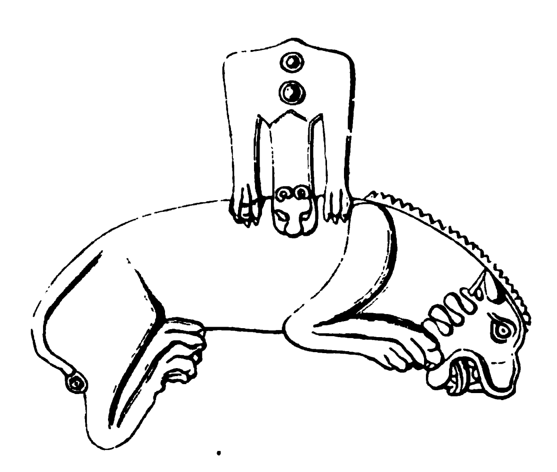

142. Фресковый рисунокъ катакомбы, открытой въ Керчи въ 1875 г. (см. стр. 31).

143. Христіанская надгробная стэла изъ Херсонеса.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

144. Уздечное украшеніе, найденное въ конской могилѣ «Семибратняго» кургана въ 1876 году.

ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

На	стран.	2	строкѣ	2	сверху	напечатано:	въ 540 г.	слѣдуетъ:	ок. 540 г.
»	»	3	»	2	»	»	Өотеи	»	Өатеи
»	»	3	»	11	»	»	Меотовъ	»	Синдовъ
»	»	4	»	14	»	»	скло-	»	скиө-
»	»	12	»	14	»	»	46 — 49	»	45 — 67
»	»	12	»	23	»	»	Сигга	»	Сигга (?)
»	»	14	»	17	»	»	Борисфенитовъ	»	Борисөенитовъ
»	»	14	»	4	снизу	»	Савроматовъ	»	Саврадатовъ
»	»	17	»	1	»	»	Ревксиноловъ	»	Ревксиналовъ
»	»	18	въ подп. подъ рис. 16			»	I в. до Р. X.	»	I в. по Р. X.
»	»	22	строкѣ	16	снизу	»	жженыя точки	»	жженые точки
»	»	22	»	11	»	»	Ахилліона	»	Ахиллеона
»	»	25	»	4	»	»	Балганака	»	Булганака
»	»	27	»	5	»	»	извѣстковыя	»	известковыя
»	»	28	»	8	»	»	Видъ и планъ ката-комбы	»	видъ и планъ ката-комбъ
»	»	38	»	14	»	»	Діаниса	»	Діониса
»	»	39	»	11	»	»	Н	»	На
»	»	40	»	1	»	»	Евлема	»	Евмела
»	»	45	»	12	»	»	бронзовой	»	бронзовый
»	»	45	»	2	»	»	Бронзовый шлмеъ	»	Бронзовый шлемъ
»	»	47	»	4	»	»	V — IV столѣтію	»	II — III столѣтію
»	»	58—59	въ подп. подъ серьгами			»	IV вѣка до Р. X.	»	IV—III вѣка до Р. X.
»	»	59	строкѣ	12	сверху	»	IV вѣка до Р. X.	»	IV—III вѣка до Р. X.
»	»	64	»	7	снизу	»	вѣрояно	»	вѣроятно
»	»	77	»	11	сверху	»	Гиперборей	»	Гипербореи
»	»	77	»	22	снизу	»	Персефой	»	Пиривой
»	»	88	»	1	»	»	находимы въ Италіи (рис. 129)	»	находимы въ Италіи
»	»	89	»	3	»	»	Бронзовый сосудъ	»	Глиняный сосудъ
»	»	91	»	16—17	»	»	Афродиту, Апатурію	»	Афродиту—Апатурію
»	»	92	въ подп. подъ рис. 129			»	флаконъ работы Эннія	»	флаконъ римской эпохи
»	»	94	строкѣ	8	снизу	»	кучъ древняго мусора	»	куча древняго мусора

145. Уздечное украшеніе изъ «Семибратняго» кургана.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стр.	8	строка	14	напечатано:	Геродота съ достаточнаго	слѣдуетъ:	Геродота съ недостаточнаго
»	13	»	18	»	Таумату	»	Гаумату
»	49	»	16	»	магамъ — индійскимъ	»	магамъ, индійскимъ
»	60	»	34	»	Клавдій	»	Клавдіанъ
»	76	»	33	»	восточнаго	»	западнаго
»	80	»	6	»	«скейтуховъ»	»	«скептуховъ»
»	81	»	32	»	Авиги	»	Язиги
»	94	»	38	»	извѣстью	»	известью
»	118	»	31	»	офаломъ	»	омфаломъ
»	119	»	40	»	рис. 40 и 41... рис. 42	»	рис. 60, 61... рис. 62
»	—	»	42	»	рис. 39	»	рис. 59.
»	123	»	32	»	Маятка	»	Маячка
»	153	рис.	131	»	бляшка изъ Куль-Оба	»	бляшка изъ Семибратняго кургана
»	154	стр. 15 рис.	13	»	флаконъ изъ Куль-Оба	»	изъ кургана въ Глинищѣ (см. I вып. стр. 66)
»	158	рис.	144	»	изъ Куль-Оба	»	изъ Семибратняго кургана

ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

На стран. 2	строкѣ 2 сверху	напечатано:	въ 540 г.	слѣдуетъ:	ок. 540 г.
» » 3	» 2 »	»	Ѳотеи	»	Ѳатеи
» » 3	» 11 »	»	Меотовъ	»	Синдовъ
» » 4	» 14 »	»	скло-	»	скиѳ-
» » 12	» 14 »	»	46 — 49	»	45 — 67
» » 94	строкѣ 8 снизу	»	кучъ древняго мусора	»	куча древняго мусора эпохи

145. Уздечное украшеніе изъ «Семибратняго» кургана.

